

МГНОВЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ
сборник

Серия «Серебро Слов»

Мгновения

Сборник произведений

Коломна
Серебро Слов
2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

М40

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

*Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

Игорь Евгеньевич Витюк

*Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

Денис Викторович Минаев

*Секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

Василий Владимирович Зиновьев

*Составитель сборника,
г. Великие Луки*

М40 Мгновения. Сборник произведений / [Авт.]; Сост.: В.В. Зиновьев – Коломна: Серебро Слов, 2021. – 206 с.

ISBN 978-5-907463-38-7

© Авторы, 2021
© Д. Минаев, обложка, 2021
© Серебро Слов, 2021

*В мире жизнь человека
не имеет корней глубоких.
Упорхнёт она, словно
над дорогой лёгкая пыль.
И развеется всюду,
вслед за ветром, кружась, умчится.
Так и я, здесь живущий,
не навеки в тело одет...*

Тао Юаньмин

Наша жизнь постоянно меняется. Уходят годы. Всё течёт, всё меняется. Но многие моменты жизни для каждого из нас бесценны. Нам хочется остановить хоть на мгновение движение наших кратких лет. К сожалению, это невозможно. Зато у нас есть возможность вспомнить прекрасные моменты нашей трудной, тяжёлой, но счастливой жизни. Поделиться своим опытом и знаниями с нашими близкими и неизвестными нам людьми.

Авторы находят в своём уютом местечке памяти и сердца дорогие мгновения, воспоминания (а может быть, и фантазии), и делятся ими с читателями.

Приятного прочтения, друзья, будет интересно.

**С благодарностью,
составитель сборника Зиновьев В.В.**

Виктория Древо

*г. Коломна, Московская область,
творческое объединение «Пегасик»,
студентка МГЮА*

Жизнь – это парусная лодка

*Если бы вы больше верили в жизнь,
вы бы меньше отдавались мгновению.*

Ф. Ницше

Жизнь – множество мгновений, пролетающих мимо настолько быстро, что невольно задумываешься: почему? уже? Как случилось, что прошла неделя, месяц, целый год и даже годы?..

Школьные годы... Они знакомы всем. В памяти остаются события, когда ребёнок впервые переступает порог школы и начинает новый этап своей жизни. Но букет, который больше самого ребёнка, надолго сохраняется в памяти. Спустя 11 лет учёбы этот букет – всего лишь мгновение по сравнению с проделанным путём, но это именно то мгновение, которое надолго запоминается и заставляет улыбаться при воспоминании о нём. Да и все школьные годы предстают в памяти как составляющие этого огромного невянущего букета...

Жизнь скоротечна. Она, по словам Э.М. Ремарка, как парусная лодка, на которой слишком много парусов, так что в любой момент она может перевернуться.

Человеческая жизнь обладает уникальным свойством в течение единого мига менять всё, ставить вверх дном. То, что казалось вечным, исчезает; то, что казалось самым важным, становится вдруг бесполезным; то, что приносило радость, – разочаровывает; близкие люди неожиданно-негаданно порой становятся чужими. И тогда начинаешь думать: а зачем всё? И воспоминания о времени, проведённом вме-

сте, всё, что казалось одним из лучших и радостных моментов в жизни, становятся невыносимыми. Хочется забыть те минуты, но невозможно: это часть твоей жизни, это твои мгновения, которые когда-то позволили тебе жить, дали надежду, позволили приобрести опыт общения, узнавания себя и мира вокруг. Даже ценой ошибок. Да, теперь что-то разрушено в твоей жизни, но приходит осознание, что без одного невозможно другое. И если такое случилось, значит, тебе это было необходимо. Однако остаются вопросы: как же так вышло, что сейчас всё летит в пропасть? А нужно ли пытаться всё вернуть? Только анализируя свои слова и поступки, можно попытаться дать ответ. Одни моменты сменяют другие – процесс неостановим, жизненная лодка держит свой курс... И впереди новое, неизведанное...

Жизнь – цепочка мгновений, и она прекрасна. В мире так много печали, чтобы упускать из виду даже мельчайшие радости, которые и позволяют двигаться дальше, заряжают энергией и направляют, со временем превращаясь в одни из лучших мгновений жизни, каждое из которых стремительно, на первый взгляд незаметно, но, исчезая, оставляет свой след. Люди часто изначально не задумываются о значении того или иного момента в их жизни. Но как только он проходит, мы понимаем: как было хорошо, или что мы упустили, потеряли ещё одно бесценное мгновение отпущенного нам Времени.

Жизнь – это череда событий, которые и делают нас такими, какие мы есть. И она слишком коротка, чтобы тратить её на какие-то глупости, на никому не нужное сравнение. Нужно быть собой и радоваться каждому дню. Именно об этом и говорит Ницше: нужно любить саму жизнь, а не отдельные её мгновения. Когда человек полюбит свою жизнь полностью, поверит в неё и поймёт, что это величайший, бесценный дар, он переосмыслит своё существование и начнёт ценить его, а не определённые события жизни.

Валентина Душина

г. Набережные Челны

Отец Лазарь

*Все события и персонажи вымышлены,
любое совпадение имён и событий
с реальными является случайностью.*

*Се Господь грядет и Рождшая Его.**

Она смотрела в окно тупым, коровьим взглядом. В саду зацветали вишни, тёплый майский ветер шевелил груди чуть подсохшего свежевыстиранного белья.

Софья вся ушла в глубину своих мыслей и чувств. Зелёные, розовые и жёлтые пятна сада падали через стекло на её лицо, и лицо двигалось, губы силились что-то сказать, – на самом деле это был обман. Женщина давно уже ничего не говорила, незыблемо зная: он к ней больше не вернётся.

Сегодня она убирала в большой горнице и в шкафу среди псалтыри, молитвенников нашла старую свою записку, которую подала ему на исповеди много лет назад. Она развернула жёлтый обрывок бумаги и прочла: перед сном представляла Вас как мужчину. И тут же острая боль в сердце забрала последний остаток сил.

Софья закрыла глаза, но слеза медленно выкатилась из уголка глаза и поползла по щеке. Усилия, которые она прилагала, чтоб удержать любимого, могли бы сдвинуть гору. Никто не хотел или не мог ей помочь остаться с ним навсегда.

И в противовес этой весне вспомнила другую, холодную, когда ветер рвал платки и шапки с голов людей. Она привезла его сюда на своей машине, в этот большой деревянный

* О преподобном чудотворце Александре Свирском.

дом, и на кухне, чиркнув по коробку сухой спичкой, он сказал:

– Смотри, совсем не отсырели! – и засмеялся.

Будущая счастливая жизнь в свете его глаз представлялась солнечным, тёплым днём, бесконечным, райским, полным белокрылых голубей, а теперь она никак не могла разомкнуть уголки губ от холода, поднимающегося по ногам от половиц. Мысленно она видела, как всё так же к бабушке подходили люди, что-то говорили, наклонялись под благословение, целовали руку.

Одна женщина отошла, другая подошла и осталась рядом. И это была не она, не Софья. Она хоронила себя много, много дней и ночей в этом доме, и Бог, которому так трепетно поклонялся он и перед которым так безвольно опускалась ниц она, смотрел на неё из углов отовсюду, обещая своё покровительство и защиту.

Частное строение принадлежало священнику, Софья была рада, что как доверенное лицо могла приезжать в любое время в отсутствие хозяина, для того чтобы протопить и убрать дом, а также посадить цветы в саду, здесь она мучительно думала о своей жизни.

Годы она обтирала и целовала ему ноги. Детей у них с мужем не было.

Мать после смерти супруга нашла себе нового спутника жизни, многочисленные родные и двоюродные братья и сёстры растили и воспитывали собственных отпрысков.

С какой стороны ни посмотри, она отрезанный ломоть.

Кем бы ни воображала себя бедная женщина, подражая Марии Магдалине в смирении и кротости, при виде нынешней помощницы бабушки Марии Софья впадала в ярость, она не знала, что сделает в гневе, убьёт себя или побежит убивать Марию, и эта неопределённость её мучила, она имела глупость рассказать об этом на исповеди бабушке.

– Что ты, что ты, – сказал он, – окстись! В первую очередь задумав, не то что претворив в действие, убийство другого человека, ты убиваешь себя, свою душу навечно спускаешь в ад, – дрожащим голосом промямлил он. Священник трусоват, когда дело касается радикальных решений, в нём живут два разных человека, из которых всегда побеждает второй, жестокий и хитрый приспособленец.

Кажется, она его здорово напугала. Он улетел с Марией в отпуск, не попрощавшись с ней, а ведь раньше его всегда сопровождала она.

Одной ей было позволено прикоснуться к нему, массажировать спину и ноги, когда батюшка уставал.

Софья попыталась избавиться от слёз, но последнее время они текли не переставая, она слепла, испытывая горечь острейшего одиночества.

Наверное, несправедливо выделять наособицу одного героя (героиню) из толпы других, столь же достойных авторского внимания. Широкими мазками рисовать вместо портрета искусённой женщины за тридцать деву с робкой трепетной душой, впервые охваченную любовной страстью.

Но так уж вышло, что Софья, дама гренадёрского роста с широкими бёдрами, пухлыми плечами и некрасивым похожим на непропечённый блин лицом, на котором победно сияли узкие татарские глазки, удостоилась большего. Толстая, сильная, она выделялась необузданным нравом, который скорее бы подошёл мужчине.

Выйдя замуж и войдя в русскую семью, Софья приняла православие и изо всех сил подстраивалась под обычаи, ломая свои привычки и характер. Заплетала на русский манер чёрные волосы в тонкую и короткую косичку, не снимала с головы платок. Длинная юбка и широкая кофта довершали образ новоявленной послушницы. Она даже устроилась в храм мыть полы.

Приведший заблудшую душу к истинной вере и окрестивший мусульманку Эльвиру отец Лазарь дал новоявленной христианке имя Софья и позволил ей и её мужу помогать ему по хозяйству, введя их в круг приближённых лиц.

Отец Лазарь вернулся в город через две недели, на дачу он приехал один.

Время приближалось к полдню, жара стояла невыносимая, Софья только присела в тенёк отдохнуть на ступеньки крыльца после прополки грядок. Простоволосая, в широком коротком платье, она выглядела беззащитно.

Увидев его, с трудом вытолкнув из себя слова приветствия, опустив глаза, встала под благословение. Священник поставил чёрную дорожную сумку, вынул из неё красное яблоко, протянул ей и погладил по волосам, как ребёнка.

Почувяв хозяина, весёлым лаем залился пёс.

У батюшки приподнятое настроение. Он прилетел три дня назад. Хорошо выспался и отдохнул в городской квартире, нанёс визиты и передал небольшие гостинцы церковному начальству. Оставленная на Софью дача порадовала ухоженным видом и обилием урожая. Всё было узнаваемо и понятно – Софья с порезанной тяпкой ногой, евшая яблоко, лёгкие белые облака, бегущие по небу.

После обеда, убрав со стола и помыв посуду, Софья спросила:

– Что ты решил относительно наших отношений?

А он, спокойно глядя ей в глаза, ответил:

– Ничего не меняется, ты мне веришь? – и от греха подальше переменял тему разговора: – Бане нужен ремонт, ты оставишь мне своего мужа... дней на пять?

– Да! – ответила Софья. – Напишет заявление на отпуск за свой счёт. На работе проблем не будет!

Она потянулась к нему, и он обнял её, как обнял бы сестру.

Знал ли он меру боли и любви в сердце своей духовной дочери?

Знал, на исповеди она выворачивала наизнанку всю душу, тайн меж ними не было. Как знал и то, что на пути его служения Богу невозможно обойтись без помощи таких, как Софья и её муж.

Сам он всё время проводил в молитве, и хорошо, когда есть люди, которые позаботятся о мирском, да и в их простой жизни прибудет смысла и благости.

Отец Лазарь родился седьмым ребёнком, всего детей было девять, в семье малограмотных крестьян, с трудом научившихся переписывать молитвы и писать короткие письма.

Война не дала им возможности выучиться, в юном возрасте и мать его, и отца угнали в Германию. Освободили их американцы в конце войны, они работали на Бауэра, собирали свёклу на полях, обхаживали скотину. Бараки мужчин и женщин стояли отдельно, кормили плохо, ели всё, что попадёт под руку, – грязную морковь, картошку, жевали зерно.

В детстве батюшка тяжело болел, долгое время после этого он ничего не слышал, как-то разом потеряв во время болезни слух. Лечили его антибиотиками в маленькой больнице на пять мест, потом выписали, сказав матери, что у ребёнка слабые лёгкие.

Худой, маленький, в рубашонке, с головой, повязанной женским белым платком, переступал босыми ногами по чёрному, бесконечному осеннему полю, которое распахали лошадей, чтоб собрать картошку. Сил кричать не было, и он просто тянул руки к солнцу, вслед уходящему лету. Время от времени мать поднимала тяжёлый взгляд от борозды и из-под козырька руки смотрела на него как на покойника, не веря в то, что он будет жить дальше.

Но он выжил, отец называл его золотой, оттого что рождались всё девки – и до рождения старшего брата Виктора, и после, уже и не надеялись, что Бог подарит ещё одного мальчика.

Шалил, как и все мальцы его возраста, и даже однажды поджёг стог сена. Отец не стал бить, он просто посмотрел на него, и тогда сердце мальчика жаркой волной окатила жалость к родителям, их убийственному труду.

Семья, в которой он вырос, была патриархальная, по праздникам в доме велись службы, на которые сходились почти все жители деревни.

Церкви в этом окружённом торфяными болотами и непролазным лесом поселении не было. Его мать ходила по людям обмывать покойников и читать Псалтырь. Готовили в русской печке, ставили большой чугунок картошки и чугунок щей с мясом, работа была тяжёлая, на улице, заготавливали дрова, рубили лес, ставили срубы, пахали, сеяли... имели двух-трёх лошадей, овец, баранов, держали корову, свиней, кур. Хозяйство было крепкое. Обедали за большим деревянным столом, сидя на длинных прикреплённых к стене широких лавках, в углу чёрный киот, уставленный семейными иконами, украшенными белым вышитым по концам полотенцем с кружевными подзорами.

Теплилась, сияя жёлтым язычком пламени, неугасимая лампада, отец читал молитвы, остальные члены семьи шептали про себя, а кто и вслух. По окончании молитвенного правила домочадцы крестились и садились вокруг стола по старшинству. Отец доставал бутылку самогона и всем, кроме детей, наливал по рюмке. Пьяным своего отца он не видел никогда. Зелень, соленья, варенья – всё было со своего огорода и из леса.

Дети хорошо учились в десятилетней школе, были трудолюбивы, имели сообразительность и способности. Многодетная мать не работала на государство, каждое утро она

вставала в 4 часа, топила печь, чтобы приготовить пойло, напоить и накормить скотину. Кормила и провожала ребяташек в школу. Стирала, пряла шерсть, ткала половики. Забот хватало.

Меж тем двор жил своей обычной жизнью, зарождавшийся вечер говорил языком птиц и животных, прокричал петух, залаяла собака... Скрипели петли колодца, чёрная вода в ведре плескалась тяжёлыми волнами, редкие брызги попадали на рукав и подол рясы, тепло уходящего дня было целительным, воскрешающим к жизни. Отец Лазарь потрянул головой и не ощутил тяжести копны кудрявых волос, поэтому поднял руки и пригладил редкие седые волосы, окружающие лысину. Он приезжал в этот загородный дом отдохнуть от шума города и людей, которые как вши ползали по его телу, со своими страшными грехами и помыслами.

Батюшка никогда не жил так хорошо, как сейчас. Не стоит лукавить перед собой. В юности он и помыслить не мог, что станет священником и сильные мира сего будут приходить к нему и кланяться, просить благословения и совета.

Тяжелее младенца, окунаемого при крещении в купель, отец Лазарь уже давно ничего не держал.

...Что его будут возить на машине на службу, со службы, на отпевание, освящение. Он ездил исповедовать умирающих и проповедовать слово божье в многодетные семьи и все людские нужды знал. Отца Лазаря хорошо кормили и всячески ублажали.

Он же не хотел ничего. Только покоя, которого не было.

Может ли не быть греха, если человек по своему рождению изначально греховен?

Он склонялся к тому, что грех будет всегда, ни часы молитв, ни долгие посты, ни смертельные болезни не смогли

убить в нём порок сластолюбия и гордыни. У него не было ни друзей, ни врагов. В этом он был похож на своего деда, носившего в старости на одной ноге валенок, а на другой резиновый сапог. Деньги дед хранил в ладанке, висящей рядом с удом, детьми они воровали у него рубли, когда он спал, и бежали в магазин покупать конфеты и сладкие булочки.

Дед был стар и одинок, его приезжали сватать старушки из соседних деревень на совместное хозяйствование, но дед не шёл, а подарки брал.

Среди пыли овинов, стойл, чердаков и выгребных ям жил деревенский Бог, вися на шнурке детской шеи будущего батюшки, распятый на оловянном крестике.

Бог всевидящ, твердила мать, и от неизмеримости величия грозного Бога и собственной малости мальчик долго заикался от ночного испуга, ибо Бог видел все грехи и во тьме. Заикание прошло только к двадцати годам, но и теперь, когда он волновался, речь порою становилась невнятной.

Бог был для него ослепительный свет, раньше после службы батюшка впадал в состояние всепрощения, оправдывая поступки людей ржой (форма слова ржа) характера, вводящей в исступление, лживость и эгоизм. С годами взгляд его становился острее и жёстче, батюшка стал сдавать.

С появлением Марии Софья начала взбрыкивать, ходила с хмурым видом, жаловалась на здоровье, перестала бывать на кухне, батюшке не хотелось готовить самому. Он указывал ей на подвиг личного спасения в Церкви, говорил, что Бога обмануть невозможно, что за грехи воздастся сторицей, но она молчала, как каменный идол.

Перед Софьей за ним ухаживала Надежда, которую Софья жёстко оттеснила.

Помогать по хозяйству к бабушке просилась и Лидия.

Все эти женщины, каждая по-своему, были не устроены. У Надежды повесился муж, осталось трое девочек, из которых младшая была сердечница с рождения.

Мария сошлась с женатым мужчиной, который её бросил беременную, воспитывает дочь. У Лидии семейная жизнь не сложилась, мужа посадили в тюрьму за кражу.

Бабушка легко управлялся с пастью, Софья была безотказной. Бывало, он говорил ей: мне нужен чёрный тонкий шерстяной свитер без горлышка. Она отвечала: бабушка, где же я найду? Везде продают с длинным воротом... Я знаю, ты найдёшь, отвечивала бабушка, и она шла и находила. Бабушка отрезал с изнанки свитера ниточку, поджигал спичкой и по запаху и горению определял, шерсть это или нет.

Как гвоздь в голове Софьи, окончившей институт и преподававшей малое время математику в школе, засела мысль о небесном рае.

Отец Лазарь увлёк Софью сказочными видениями, предвещая, что она пойдёт в первых рядах с иконой в руках перед священством, как жена-мироносица к Богу, если будет стараться жить согласно православным канонам.

– Бог милосерден, ты родишь сына, когда искупишь все свои грехи! – не уставал внушать ей он. А ведь чувствовал, знал... что этого никогда не случится.

Влияния отца Лазаря на племянницу не мог пошатнуть даже дядя (абый) новоявленной христианки, занимающий немалый пост в мэрии.

Сам себя бабушка оправдывал перед Богом тем, что даёт женщинам надежду на нормальную жизнь, не давая впасть в отчаяние.

Минуло уже больше двадцати лет, столько возможностей и времени упущено зря, а Софья всё так же бьётся, как муха,

в липкой и крепкой паутине лжи, не в силах её разорвать. Она и сама не заметила, как постарела, ей уже не снится младенец, которого она подносит к своей груди. Всё внутри перегорело.

Сам чёрт был ей не брат, когда она впервые увидела высокого голубоглазого иерея. Никакие моральные нормы не могли её остановить, шла как танк, сминая всё на своём пути, бесцеремонно влезая в чужую семью.

Никто её и не останавливал. У отца Лазаря служение, у его жены дети.

Она была не первая и не последняя, кого он окрестил из иноверцев. Не без тайного умысла оказывал ей внимание, надеясь повлиять на венчанную супругу.

Вызвав ревность, вернуть во что бы то ни стало.

Для него Софья незаменимая помощница: водитель, уборщица, садовый работник, ключница.

Для матушки пустое место. Коммуникабельная Софья с её счастливой улыбкой дауна на лице – как пьяная баба, чьи соломенные страсти и клятвы до первого огня – столь же недолговечны.

– ...но есть покой и воля!* – говорит матушка. С батюшкой ей скучно разговаривать.

– Мне прихожане в рот смотрят! – сердится отец Лазарь. Засмеётся и отвернётся, вот и весь разговор.

Батюшке хочется спросить, жалко ли матушке Софью? Но не спрашивает. И так знает, что жалко. Были бы детки – по-иному сложилась бы жизнь Софьи.

Воскресная служба шла долго. На душе благостно. Отец Лазарь, выйдя из храма, идёт в административное здание отдышаться, там у него келья; бывшая жена к воротам.

– Отпускаю тебе грехи твои... – шепчет он ей вслед. Всё в руке божьей, глядишь – и обойдётся всё тихо-мирно.

* «На свете счастья нет, но есть покой и воля». А.С. Пушкин.

Вот и свиделись. Каждый из них шёл с крепкой верой в Господа нашего Иисуса Христа, а дороги разошлись, ибо слаб человек, слеп и немощен от рождения.

Когда отец Лазарь начинал служить, то считал себя ответственным за каждое сказанное слово. В нём было много радости от возможности помогать людям и надежды. Учиться же опыту веры по отношению к своим священническим обязанностям пришлось у бывшего то ли комсомольского, то ли партийного работника, бывшего десантника, ставленника (чин благочинного с 1992 по 2011 год) начальством свыше.

(В 1994 г. отец Сергей – настоятель Свято-Тихоновского храма хотел построить новый храм на ГЭСе возле вокзала, и место было выделено мэрией, но бывший в то время благочинным отец О. (Ор-ая церковь) сказал, мол, костями лягу, но не дам церковь построить!)

Прихожане храма священномученика Ермогена столь устали от шалостей отца О., что послали в Московскую патриархию письмо, в котором слёзно просили отстранить своего настоятеля – благочинного по 3-ю, протоиерея О. (также являющегося настоятелем шести храмов) от занимаемых им должностей.

Второй наставник отец А., сменивший первого, в прошлом крутой бизнесмен, получивший спустя время после снятия зарвавшегося отца О. чин благочинного. «Отец О. сыграл большую роль и в моей жизни, – давая журналистам интервью, говорил он. – Именно по его настоянию я, будучи ещё мирянином, стал директором открытого его трудами филиала Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в Н.». Стоит прибавить, что свою первую жену батюшка послал спастись в монастырь и женился второй раз. Свою клятву: «Быть вместе в радости и горе...» – отец А. не сдержал.

— Надо бы Патриарху написать: «Как может дважды женатый человек, проработавший в сектах 8 лет священником, и благочинным быть?» Какие батюшки у нас в церквях служат... Воруют себе в карман. Удивляет, к чему материальное тем, кто планирует предстать перед Богом? Всё равно ведь останется в этом брэнном мире, — волнуясь, толкуют между собой прихожане.

— Сейчас верующего-то батюшку трудно найти. Радости в жизни мало стало, а всё горе да заботы. Выплакаться некому. Рассказать... порой и жить невмоготу.

Не было трепета души ни в том, как они облачались в священнические одежды, ни как подходили к престолу. (По сути своей это были менеджеры среднего звена.) Довелось услышать в церковной лавке разговор двух священников. Из которых тот, что постарше, сказал:

— Завтра крестный ход. Мне что-то не хочется туда идти. Выродился крестный ход как-то... Всё это похоже на рекламно-маркетинговую акцию.

Увы и ах! Не было в церкви пастыря, про которого можно было сказать: духовная Глыба! Которую ни гонения, ни отлучение, ни тяготы жизни, ни сама смерть не сдвинут с места перед престолом.

Неужели Русь и её святые и праведники, как и великие страстотерпцы и молитвенники, пропала во тьме веков? И по новому времени выходит, что: «Цивилизация достигнет рассвета лишь в тот день, когда последний камень последнего храма рухнет на голову последнего жреца»*.

Вера исчезает, Господи, всё тобой предопределено! Никто и не чувствует.

Жена о. Лазаря жила в уединении. Кроме молитв, она поёт старинные канты, тем и утешается. Есть и иные великие труды.

* Эмиль Золя.

И как осмелилась она, оболганная и распятая, на личный подвиг? Если б не было любви, не было бы и жизни. По странному капризу судьбы при земной жизни она так и не удостоится признания, только после смерти встанет в рост Исаакиевского собора. Ибо сам Святой Симеон будет её заступником перед Богом.

Отец Лазарь – земной человек. Сила, которая поднимает его с одра смерти, – Бог. Бог воздевает свою ладонь над миром – и всё живое цветёт, плодоносит и размножается, но Бог в любое мгновение человеческой жизни готов опустить тяжёлую десницу на голову грешника, повелевая встать на колени.

Когда батюшке исполнилось тридцать три года, врачи обнаружили у него туберкулёз лимфоузлов с подозрением на рак, долгое время он провёл в туберкулёзном диспансере, ощущая свою непричастность ко всему временному, и при выходе из лечебницы полностью отдал себя Богу, приняв целибат.

Теперь ему уже было к семидесяти, он побывал паломником в Иерусалиме. Прикоснувшись к гробу Господню, он продолжает жить, чтобы каждый миг своего дыхания славить Творца.

Батюшка – продукт своего времени и среды, было бы наивно ожидать, что в уродливом, выстроенном на эксплуатации человека человеком обществе потребности этого самого человека будут белоснежными, как покров Богородицы.

Ему всё так же нравятся молодые и красивые прихожанки. «Скудельный сосуд греха» неумолимо манит к себе его взгляд, наполняя сердце живым дыханием жизни.

Жертвы просты и открыты. Батюшка, как павлин, распускает хвост.

Голубушка, труженица, матушка... перед таким обращением трудно устоять, когда отец Лазарь обращается к той или иной духовной дочери с просьбой.

Все его желания исполняются словно сами собой по ма-новению волшебной палочки.

Они все ведомые, они абсолютно покорные. Все до одной считают, что он, получая от них желаемое, совершает бого-угодное дело. И все говорят: «Да он же священнослужитель, он ничего незаконного и богопротивного совершить не может. Он меня выбрал!»

— Спаси, Господи! — ласково улыбаясь, не успевает благодарить дарителей батюшка.

Мужей и молодых людей, вступающих в брак, отец Лазарь наставляет быть опорой семьи и христианской веры. Ставя в пример Христа как милосердного и строгого отца.

Почитателей батюшки как страстотерпца и святого становится всё больше.

— Священник прекрасный, службу не сбиваясь вёл, приду домой — со слезами его вспоминаю. Умеет поговорить, умеет выслушать. Другие священники не такие душевные, они совсем другие, — отзывается о нём певчая.

Его благосостояние растёт. Обращённые к Христу души готовы с себя снять последнюю рубашку.

По глубокой осени, начале зимы батюшка хандрит, несмотря на соблюдение постов, его тело стало полнеть, а ноги отекают. С 43-го размера обуви он перешёл на 46-й. Отец Лазарь перенёс две операции.

Его тянет на родину. Ночами снится родительский дом. Первый год жизни с женой, когда они только поженились. Загадывали жить не разлучаясь. Не случилось.

Он монах в миру.

Уже засыпая, отец Лазарь слышит нежный голос жены, которая ласково обращается к нему, и ощущает лёгкое прикосновение её руки к волосам. Слёзы выкатываются из его сомкнутых глаз и бегут ручьями по щекам. Вся подушка мокрая. Плач переходит в рыдание. Он немало виноват

в том, что случилось. Укорял напрасно, когда её вины перед ним не было. Слушал и верил злым наговорам.

Так живо она смеялась, обнимая его во сне, что он просыпается весь во власти чувства любви и нежности к ней.

— Прости, Господи, меня! — со стоном вырывается из него боль, а червячок гложет, сосёт внутри сердце.

Лучше б она умерла при родах, думает батюшка. Он никак, никак не может простить, что жена ушла от него.

«Изменница», с которой прожито более десяти лет, явно не сокрушается о нём. Дети, внуки, зятя, их кошки, собаки... все счастливы и без него, процветают в своих отдельных квартирах.

— Зачем ей одной двухкомнатная квартира и дача? — спрашивает он сам себя. — Блудить...

Кто он ей... Кто? Никто. Беда... беда.

Отец Лазарь утешает себя как может. Да кому она нужна в таком возрасте, чтоб быть с мужчиной! Батюшка попросту завидует и большей, чем у него, квартире с шести-метровым балконом с погребом, и более престижной даче бывшей.

Вспышка ненависти поднимает в нём волну возмущения столь «непотребной» жизнью.

Ему ничего не стоит оболгать и растоптать то, до чего он не может дотянуться.

Печать, которой он запечатан искушающими его бесами, это сребролюбие и алчность.

Она оставила тебе квартиру и всё нажитое и ушла в одном платье, — прорезается голос совести. Никто её с детьми не гнал, — тут же отвечает сам себе батюшка.

Поздно, слишком поздно, и ничего изменить уже нельзя.

— Живи с миром, Бог тебя не оставит... я тебя прощаю! — отец Лазарь успокаивается и начинает думать о том, сколько денег у него скоплено и сложено в «чулок». Рассчитывать можно только на самого себя!

Батюшка усмехается, задумавшись об одном деле, которое даст неплохой доход, и с этой благостной мыслью засыпает.

«С волками жить – по-волчьи выть», многое из того, что раньше он бы не сделал ни за какие деньги, он теперь и за грехи не считает. «Не согрешишь – не покаешься! Не покаешься – не спасёшься!» – как всё просто, думает батюшка.

Рука руку моет! Везде вокруг него кумовство да протекции... некуда ему идти на старости лет.

Священник стоит на платформе станции Торфяная (также – Бѣлые Берега) Белобережской узкоколейной железной дороги, тревога не даёт ему сосредоточиться, он никак не может вспомнить что-то очень важное. Ветер треплет рясу, отец Лазарь застёгивает куртку на все пуговицы, натягивает на голову капюшон и крепко сжимает ручки тяжёлой дорожной сумки с гостинцами.

Мелкий осенний дождь начинает накрапывать всё сильнее, того и гляди перейдёт в ливень, до отца Лазаря доносится голос диспетчера.

Тепловоз прибывает на первый путь. Начинается посадка. Священник входит в первый вагон, их три, выбирай любой.

В вагоне на деревянных жёлтых лакированных скамьях чинно рассаживаются старики, подростки, бабы. Одеты они по-деревенски чисто и справно, в тёплых на синтепоне непромокаемых куртках, плащах, толстых новых фуфайках, на ногах кирзовые или резиновые сапоги, надетые на шерстяные, связанные вручную из овечьей шерсти носки. От одежды, чисто вымытых лиц, рук, волос несёт запахом коровьего молока, хлеба, дыма, навоза, трав. Этот запах присущ только обитателям глубинки, живущим среди перевозданного царства природы.

С берегов этих лесных озёр, раскинувшихся среди непроходимых болот, улетают по осени на юг журавли,

крича «курлы, курлы» над чёрными избами и пустыми полями и огородами.

И сюда же они возвращаются по весне, чтоб построить гнёзда и вывести птенцов.

Во втором вагоне едут рабочие, работники железной дороги.

Крепкие мужики с огромными мешками с хлебом и прочими припасами, которых не сыскать в посёлке. Спевшаяся компания режется в карты, слышен негромкий матерок.

Могут и выпить водочки бутылку-другую, но не балуют. Все друг друга знают.

На последней скамье вагона притулилась бабка с козой. Контролёрша кричала во весь голос, грудью заслоняя проход, но смилостивилась: куда деваться, не идти же старушке пешком.

В третьем вагоне – груз, ящики для П-го экспериментального завода.

Вдоль линии узкоколейной железной дороги по обе стороны тянутся сенокосы, участки под сенокос выделял поссовет.

В июле-августе из-за отсутствия мест внутри поезда бывало и так, что пассажиры ехали на крышах вагонов. Осенью, в период вывоза сена, назначались «сеновозные» поезда, состоявшие из ЭСУ2А и двух платформ. На них стога сена доставляли хозяевам.

Отец Лазарь не моргая смотрит в окошко. Совсем скоро он обнимет мать.

Как там она, совсем старенькая уже. А как будет рад отец! Дождь стих. Последний гудок, состав останавливается. Его остановка!

Но что это? Батюшка смотрит на ноги, а они босые. Священник наклоняется и ищет обувь под лавками, но её нет! В последний момент отец Лазарь успевает выпрыгнуть из вагона на землю. Ноги почти до колен погружаются в грязь.

Быстро удаляясь, состав пропадает в сером густом тумане.

Батюшка наконец вспоминает то важное, что никак не удавалось вспомнить.

Сгорбившись, как слепой, он идёт по направлению к деревенскому кладбищу.

Грязь чавкает и пузырится, стараясь удержать его на месте.

На земле светло от первого выпавшего снега. Где-то высоко-высоко в небе горят золотом купола и кресты вселенской церкви, где служит заутреню сам Бог Саваоф.

Ангелы выходят на амвон, чтобы произнести перед Царскими вратами великую ектению:

– Миром Господу помолимся...

Опушённые белым инеем деревья, как служки-алтарники, не шелохнутся.

На одной из стен спальни, где поживает отец Лазарь, висит икона Христа, сходящего в ад. Сын Божий, к которому тянутся руки грешников, одним мановением руки разверзает смоляную тьму, яко благ и человеколюбец.

Глас ектеньи обрушивается на о. Лазаря со всех сторон. Слева, справа, сверху!

Когда в храме его хватились, отец Лазарь уснул уже навсегда.

Он хотел вторить небесному хору, но язык ему больше не подчинялся.

Жизнь на задворках

Душа смирялась в тесной оболочке,
Ржаное лето плавилось в зрачках,
Где каждый шёл к Нему поодиночке,
Неся себя, как птицу на руках.

Какие дали сердце распростёрло,
Вечерний сумрак путался в ногах.
Слова пылали жарко и просторно,
Слетали с губ и обращались в прах.

Крещение Господне

Мои старушки, старики,
В снегах идущие со свечкой,
Вкруг Храма, как поток реки,
С молитвой, радостью сердечной.

Осталось вас наперечёт,
Как в первый день земли творенья.
И веру всяк в душе несёт,
И чует божье дуновенье.

Давно забытые страной,
Навечно списаны до срока.
Стоите вы передо мной,
Глядите скорбно без упрёка.

Пока над чёрными домами
Висят высокие дымы,
Как островки среди зимы,
До ангелов подать руками.

Болота, гиблые места...
Спят в ожиданье благовеста,
Когда с небес сойдёт невеста
И мать распятого Христа*.

* «Невесто Невестная» – Богородица.

Летит на город первый снег,
В окна распахнутый проём.
Он оставляет мокрый след
И повествует о своём.

Финальный завершив аккорд,
И вот вам я с своим житьём.
Где труд, и боль, и страх, и пот,
И белый день, чью воду пьём.

Скрипит шарманка тру-ля-ля,
Всё так же вертится Земля.
Миг... показалось – сна клочок,
Но снег скользит наискосок.

И конь судьбы призывно ржёт,
И неприютность сердце жжёт.
Где «не сбылось» сидит
как гвоздь,
А снег летит земного
сквозь.

Зиме

И отлетит дыхание твоё
В дрожащих ветках, водяной пыли.
Растает снег и обнажит тряпье,
Косяк гусей покажется вдали.
Лес оживёт, восстанет плоть земная,
И ручеёк, как песенка живая,
Бежит во тьму, среди корней петляя,
Стою, молчу, пространство обнимая.

*Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий;
на живущих в стране тени смертной свет воссияет.*

(Исайя)

Был полон Храм и чуда, и спасенья,
Алкали все вошедшие сюда.
Потоком возносились песнопенья
В преддверии Господнего суда.

Роскошные одежды архиерея,
Нарядная и пёстрая толпа.
И служба шла, глухонемых не грея,
Щепоть касалась ледяного лба.

Всего и было – только двое верных:
Поэт, что выживал среди зверья,
Да праведник, что обличал неверных,
Глаголом жёг, веригами звеня.

И богом слыл на поле бранном сечи,
И вору выносил свой приговор.
Он слышал сырых горестные речи
И к небу возводил суровый взор.

Прах Соловков и тюрем Валаама
Ему и ночью не давал уснуть.
Кто вёл их строем, как овец стадами,
Ввергая души в преисподней жуть.

Как не унять потоки горьких слёз
Пред деревенской скорбной нищетою...
Молчит Христос в венке из алых роз,
И роскошь стен становится тщетою.

Врачуя смерть, иной дарует свет,
Чтоб в этом дне глухом не онеметь.
Я дочь твоя! Ты мать моя, Россия!
Моё спасенье и моя святыня!

И ищешь что, не ведая сама,
Смущался разум, угли под золою.
Как в мёртвом сне стояла без ума
Среди нагих полей, покрытых мглою.
И окликала чёрный суходол,
И слов нелепых редкий частокол
Как изгородь до неба городила.
И шли волы, тянули воз что силы,
Струился, как река, чумацкий шлях.
Шагала споро баба на сносях,
А следом мальчик среди своих ягняток.
В пыли золотой с макушек и до пяток,
Ватага баб, детей и стариков.
И страх пронял до самых потрохов,
И в жилах вмиг заледенела кровь.
И зубы застучали без удержу.
Ужасный сон мерещится... надежду,
Как Царь предвечный, в сердце оброни.
Впитай и пот, и кровь моей строки
В чернила книг, что чтут твои пророки.
Даруй им жизнь, не памятуя сроки,
И от тюрьмы и смерти заслони!

Мост

Как муравей ползу средь буден,
Кричу молитву в полный рост.
Пока мир тих и беспробуден,
Кому-то надо строить мост.
 Чтоб от крыльца и до небес
 Взлетел над снытью и крапивой.
 Шумит река, темнеет лес,
 Уснул рыбак под старой ивой.
И ангел в пышных облаках –
Как птица журавля не больше, –
Шагнул, как в старых добрых снах,
В расшитой золотом одеже.
 Я строил мост для грешных ног,
 Так убивался, горемыка.
 Скрепляя вязь молитвы лыком,
 Вплетая пашни сирой вздох.
Взглянул вокруг, узрел чертог,
Лежит во мраке ойкумена* –
Престол, где восседает Бог,
И всё смиренно, тихо, тленно.

Спит семья в домишке ветхом,
Гнётся вяз под сильным ветром.
Мать забылась у стола,
В зыбке доченька мала.
Оплывает жёлтый воск,
Смотрят в окна Бох и Босх.

* *Ойкумена, ойкумены, мн. нет, жен. (греч. oikumen – обитаемая) (геогр.). Совокупность всего заселённого и посещаемого постоянно человеком пространства земного шара.*

Чужая женщина «парит»,
За шестьдесят, а может, больше.
Смеётся, что-то говорит,
Невзрачный спутник много проще
И мыслью кажется бедней.
Что взгляд приковывает к ней?
Огонь в её глазах запавших
И шлейф вояк, бесславно павших.
Я судный поминаю день...
Её ресниц густая тень
Надмирна. Ум её опасен,
Как сон, что оборвать не властен.

*Послание к Колоссянам 3:11.
где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания,
ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного,
но все и во всем Христос.*

Что ни день, всё торги и забавы,
Любомудрая пава Москва.
Бессердечна, велеречива
К завсегдадаям вокзального дна.

Спит старик – светлый отрок советский,
Что во сне говорит по-немецки.
Ему б коржик, стаканчик какао,
Вместо куртки худой одеяло.

Завтра праздник и звон благовеста
Над Россией взлетит повсеместно.
Несть ни эллина, ни иудея,
Есть лишь эра сплошного безверья.

Я вижу женщину в окне,
Прозрачен лик её небесный.
Былая боль кричит во мне,
И давит горло ворот тесный.

Шагнуть, в ногах осилив дрожь,
Что говорит, не разберёшь...
Чтобы на миг прижаться к ней,
Как к той одной, что всех нужней.

Васильки обнимая,
Головой вниз висят,
Словно пух улетаю.
Золотые деньки,
Оля-ля, оля-ля...
Труля-ля, труля-ля!

Слушай рок, слушай рок!
И иди без дорог, как пророк!
Открывая пространство души,
Забывая о страхе и лжи.

Что ждёт меня впереди?
Позади миражи городов.
Что ждёт меня впереди?
Где истоки моей
одинокой души.

Декабрьский сплин

В алюминиевые небеса
Дует ветер колючий с севера.
Как о мёртвой гудят леса,
Первый снег лепестками клевера.

Восковой огибая куст,
Низко, низко позёмка стелется.
Мёртвых сучьев печальный хруст,
Разошлась ветряная мельница.

Всяк ходок со своей морокой,
Захлебнулся, как чёрт сивухой.
Расплевалась с судьбой жестокой,
Породнилась с слепой старухой*.

Та давняя зима встаёт передо мной,
Туманным зыбким сном за окнами клубится.
Я тихо подойду, коснусь её рукой,
Обдам на миг теплом и попрошу не сниться.

Ей в спину погляжу, как по полю идёт,
Как снег на волосах сияет и искрится.
Господь меня хранит, весна во мне поёт,
И жаркая любовь спешит сквозь лёд пробиться.

* Здесь: Зима.

**Памяти матери
Душиной Варвары Григорьевны**

Какое тяжёлое бремя
Легло, словно камень, на плечи...
Но голое Божие темя
Сияет в преддверии встречи.

И мысли бегут, не поспеть,
Чтоб выплеснуть их на бумаге.
Оркестра холодная медь
Вовек не погаснет во мраке.

Губу закушу, чтоб без слёз,
Разбавлены кровью чернила.
Песок и вода с-под колёс
Хоронят... и гаснут светила.

Увозят – кричи не кричи –
Молдавской избитой дорогой.
Скажи, за какие грехи,
Караешь в сей жизни убогой?

Оставь, тебя молит дитя,
Раздавлено горем сиротства.
Как можешь вот так походя
Обречь на тоску и юродство?

Ты слышишь, Спаситель, меня?
Мне восемь, всего только восемь.
Еловые ветки сквозь просесть...
И холод последнего дня.

25 января 1970 года

Как ребёнок без призора,
В свете солнечного дня
Наслаждался кучей вздора,
Божью искру хороня.

Не сыскав в женитьбе смысла,
Спохватился век спустя.
Надо мною тьма нависла, —
Устрашился не шутя.

Ни прибавить, ни убавить
Ничего уже нельзя.
Хмелем боль души ослабить,
Всё. К концу пришла стезя!

Как порою сердце плачет,
Жизнь былую хороня.
Ангел взор свой ясный прячет,
Отвернувшись от меня.

Вдосталь веры и надежды,
Силы, крепости в руках.
Белоснежные одежды
И венок из трав в лугах.

Что ж так страшно и тревожно,
Сердце гаснет в нищете?
Всё, что было невозможно,
В стариковской маете.

Может быть, доплывёшь до моря,
залечишь раны,
Через дней частокол
прорываются брызги прибоя.
Там закаты багровы,
а зори, как сны, туманны,
И ночная тоска пробирает
под плач гобоя*.
И войдёшь в эту воду тусклую,
и омоешь лицо горстями,
Зреет неба полоска узкая
над беспмятством и страстями.

Мир стоит на крови и слезах,
С алычой ли, сосной в головах.
Держит крона надмирное бремя,
Прорастает заветное семя.
Может быть... напишу на песке
И считаю на пальцах по памяти,
Кто когда разбросал камни те,
Что горят, словно ад,
в адской замяти.

* Гобой – Бах, Концерт ре минор.

Улетают гаммы,
спят гиппопотамы,
В середине лотоса
восседает Брама*.
Он – в полях пшеница,
след в пыли от полоза,
Мышь впотьмах и львица,
в переменах образа.

На просторах мая,
где гуляет ветер,
Будет день твой долог,
будет вечер светел.
Будет ночь желанна
и быстра, как птица,
Будет биться платье
на заре из ситца.
Обвивать, волнуясь,
смуглые колени.
Заиграют блики
солнца на сирени.
А когда к полудню
углубятся тени,
Гонит шмель дремоту
среди весенней лени.

* Бра́хма, уст. также Бра́ма; санскр. ब्रह्मा, IAST: *Brahmā*) – бог творения в индуизме.

Примечание: в пуранических мифах говорится, что Вишну оставил своё семя в воде. Когда настал час, оно стало золотым яйцом, из которого родился Брахма.

Наталья Зиновьева

г. Великие Луки

Маме

Листва закружит каруселью в ноябре –
И снова ты привидишься во сне.
Моя родная, пусть снежинки к декабрю,
За всё сейчас тебя благодарю:
 За долю русскую, за песню грустную,
 За всё, что мне назначено судьбой,
 За расставания и понимание,
 За всё, что мне дано тобой.

Пусть годы пролетят в тревожной суете,
Но мы отыщем место доброте.
За то, что научила жизнь прожить в труде,
Спасибо, мама, говорю тебе.
 За зорьку алую, за тропку старую,
 За разговоры в тишине.
 За зорьку алую, за тропку старую,
 Которой я иду к тебе.

23 сентября 2020 г.

Василий Зиновьев

г. Великие Луки – п. Сазоново, Вологодская обл.

Сказание о Свете

Повесть

Нами движут не независимые силы, но универсальные энергии, имеющие общий источник, и это так же верно, как то, что всё то, что наверху, подобно тому, что внизу.

Из Скрижалей Гермеса

Глава 1. ПРИОТКРЫТЫЕ ГЛАЗА

Жил в некоторой неизвестной стране противоречивый народ. Каждый по-своему постигал и исследовал свою землю и страну. В этом государстве земля была щедра и каждый год дарила жителям огромное количество фруктов и овощей. Не просила земля ничего взамен, просто любила своих жителей. Почти никто из людей этой прекрасной страны не думал о том, что одним из главных олицетворений добра являлась сама земля. Люди были заняты своими очень важными, как они думали, делами. Не обращали внимания на красоту окружающего мира.

Погода в стране отличалась своим непредсказуемым характером. Настроение её зависело от действий человека: если жители пребывали в гармонии друг с другом, что случалось крайне редко, то не было стихийных бедствий, но стоило только жителям развернуть конфликт, сразу случались пожары, наводнения или ураганы. В стране протекало много рек, было достаточно чистых озёр. В лесах водилось огромное количество животных, летали разнообразные птицы. Жить бы и радоваться людям, но не могли жить люди в гармонии. Всё им чего-то не хватало и мешало. Казалось, где-то места более прекрасные, жизнь изумительная и лёгкая, проживать там намного проще, чем у себя на родине.

Жители страны любили много говорить – возможно, больше, чем что-то делать. Люди понемногу забыли, как радоваться весне и солнцу. Не мог человек принимать всю красоту и гармонию того места, где находился.

Однажды произошёл интересный случай в жизни этой удивительной прекрасной страны. Решил известный художник, что мало всем красок на этой планете, необходимо жить на другой, где более яркие и насыщенные цвета и краски. Необходимо уговорить жителей страны изобрести и построить ракету для полёта в другие миры, – решил художник. И, может быть, уговорил бы...

Чуть позднее снится художнику сон.

Приходит к нему Свет и говорит:

– Я бы не советовал тебе лететь на другую планету.

– Почему?

– Понимаешь, у любого человека своё восприятие мира. Каждый видит мир по-своему. Некоторые, например, многих цветов не видят. Кто-то вообще яркости цветов не ощущает. Мы все разные.

– Следовательно?..

– Отсюда следует, что на другой планете с более яркими красками, куда ты стремишься улететь, будет лучше только тебе. Даже не буду тебе рассказывать про спектр электромагнитных излучений. Необходимо запомнить: планета приспособлена для жизни всех её обитателей. Каждый житель с его особенным восприятием мира может жить только на этой планете. На другой жить невозможно.

– Что тогда делать?

– Развивайся сам у себя дома.

– Каким образом?

– Давай я сообщу тебе немного информации, а ты над ней поразмышляешь.

– Согласен.

– Слушай. Итак, лишь немногие знают, что географическое подразделение на широту и долготу было придумано, чтобы определить границы зон обитания разрядов цветов. Цвет, который доминирует в данной цветовой зоне, оказывает особое воздействие на людей. Главное условие – люди должны принадлежать к данному конкретному цветовому лучу, гармонизировать с ним.

Сильное воздействие цвета испытывают глаза, волосы, кожа. Зона цвета – естественное местонахождение для тех, кто принадлежит к этому цветовому лучу. Вне этой зоны раса людей будет вырождаться. Для каждого живого организма существует особая зона цвета, где весь его потенциал достигнет наивысшей точки развития. Знак, указывающий на доминирующий цвет, можно обнаружить в глазах по их цвету, хотя он становится виден при наблюдении вблизи. Цвет лица является вторым признаком, а волос – третьим, глаза – единственный достоверный показатель.

Люди, чьи глаза, волосы и цвет кожи не гармонируют между собой, непредсказуемы, ветрены и ненадёжны. Наклонности их могут быть изменены только благодаря близкому общению с другими, обладающими противоположными главными характеристиками. Вы мало времени уделяете культивированию правильных цветовых вибраций внутри и вокруг своих тел и домов.

– Как найти свою зону и цвет?

– Вот ответ на твой предыдущий вопрос. Ищи и находи цвета.

– Значит, это и есть моя задача?

– Твоя задача развиваться в творчестве, я только дал тебе направление.

На следующее утро художник не участвовал ни в каких спорах и конфликтах. Долго размышлял и думал.

Только перестал художник агитировать всех жителей лететь на другую планету, сразу появился новый инициатор полёта. Это был музыкант.

– Необходимо покинуть эту планету, на которой мало хорошей музыки, и улететь на другую! – кричал он.

– Зачем? – спрашивали у него жители страны.

– Но как же? На другой планете лучше и красивей музыка, – отвечал музыкант. – Необходимо слушать более качественную музыку. Посмотрите, сколько у вас в речи нецензурных выражений! Зачем вы, многие жители, губите себя? Давайте я расскажу вам, что такое музыка и как с ней надо аккуратно обращаться? – спросил музыкант.

– Хорошо, слушаем, – ответили жители страны.

– Итак, слушайте. Каждая молекула материи обладает собственной тональностью. Если бы можно было определить тональность тела в его нормальном состоянии, то обнаружилось бы, что и тональности всех прочих тел, находящихся в согласии или общности с ним, принадлежат той же октаве. Музыкальная гамма содержит бесконечное разнообразие нот и звуков. Каждая сотворённая вещь издаёт свой звук – так называемую ключевую ноту. Владея этой нотой, можно управлять данным телом. Существует семь полных тонов и бесчисленное количество меньших возможных полутонов звука между двумя полными нотами. Одна-единственная неверная нота может привести в действие разрушительную силу вместо гармонической, созидательной силы.

– Как интересно! – крикнули жители страны.

– Замечательно, слушайте дальше, – ответил музыкант. – В мозгу есть центр, называемый колоколом; как резонатор, он собирает симфонию мира и самую глубокую тишину способен превратить в грозный аккорд. Сказано: «Имеющий уши да слышит».

Следует ваших детей с малых лет приучать усваивать красоту звука. Музыкальность нуждается в образовании и воспитании. В каждом человеке склонность к звуку заложена, но без воспитания и образования она спит. Человек должен слушать прекрасную музыку и пение. Часто одна гармония уже навсегда может пробудить чувство и видение прекрасного. Но велико невежество в ваших семьях, когда в них забыты гармония и воспитание. Особенно сейчас, когда мир содрогается от ненависти людей друг к другу. Нам всем необходимо спешить открыть ухо молодого поколения. Без осознания значения музыки невозможно понять и звучание Природы. Нельзя мыслить о музыке сфер – только шум будет доступен невежде. Песня водопада или океана будет лишь рёвом. Ветер не принесёт мелодии и не зазвенит в лесах торжественной песней. Лучшие гармонии пропадают для уха неоткрытого и необразованного. Может ли народ совершать своё восхождение без песни?

В природе звучит всё: растения, камни, лучи и грома раскаты, звучит северное сияние. Алмазы, кристаллы, металлы тоже звучат...

Самый совершенный звуковой аппарат – это аппарат человеческий, ибо голос его свободно несёт в своих звуках то, что хочет вложить в него говорящий. Голос завораживает... Он обладает очень большой силой, или силой магнитного воздействия. В голос вдобавок можно вложить чувство и мысль. По содержанию нет ничего в природе богаче звуков голоса человека. Потенциально в нём заключаются все семь элементов со всеми своими подразделениями. Но сознательно человек овладел только очень немногими из них. Голоса разных людей различаются между собою числом элементов, которыми овладел говорящий и которые он применяет в огромном большинстве случаев бессознательно.

Давайте научимся вкладывать в речь смысл, и значение, и силу. Голос – могучее оружие того, что мы говорим. Голос

может нести в себе и передавать другим заряды света. Можно разговаривать с вещами, деревьями, растениями, камнями. Необходимо беседовать с природой, с пространством. А вы чему учите детей? Что они говорят, думают, какую слушают музыку? Ведь встречаются и живут люди вместе, если у них звучат мысли и тела примерно на одной ноте. Это принцип резонанса. Вы в себе генерируете определённые частоты, а какие они, к чему ведут?

Многие жители опустили голову.

– Хорошо, а разрешите я вам задам вопрос? – спросил один из жителей страны.

– Задавайте, – разрешил музыкант.

– Допустим, мы полетим на другую планету, там, возможно, более сильные частоты. Они могут разрушать наши негармоничные колебания, что приведёт к смерти многих из нас. Правильно я понимаю? – спросил он у музыканта.

– Правильно, – ответил музыкант.

– Тогда нельзя нам лететь на другую планету, а необходимо на этой избавиться от дисгармоничных мелодий и звуков. Воспитать в наших детях и в себе культуру общения и слушать и изучать прекрасную музыку и пение, – попыток жил житель страны.

– Я полностью согласен с вами, – ответил музыкант.

Глава 2. РОБКИЕ ШАГИ

Дорогу осилит пешком идущий.

Ригведа

Не мог спать всю ночь музыкант, всё размышлял, решал, как он может помочь людям. Только луч солнца осветил краешек комнаты, музыкант вскочил, быстро оделся и побежал к учителю.

– Здравствуй, учитель, – приветствовал музыкант.

– Здравствуй, музыкант, – ответил учитель. – Что тебя опечалило?

– Понимаешь, учитель, и земля у нас плодородная, и леса полны птицы, в реках водится множество рыбы, а между людьми согласия нет.

– На то они люди, хотя ты прав. Я считаю, в мироздании существует одно добро – знание, и одно зло – невежество.

– Что будем делать, учитель?

– Попробуем собрать людей и пойдём в гости к Свету, спросим, что значит светить, пусть он расскажет и покажет нам путь к Истине, – решили друзья.

Немного прошло времени, как два друга собрали народ, объяснили цель своего похода. Произошли удивительные вещи. Одни жители своё нежелание идти прикрывали занятостью, другие оказались конформистами, они всегда жили за счёт других, остальным было просто лень. Времени на уговоры потратили много, но в сложный путь отправилась небольшая группа людей, среди них музыкант, учитель, художник и ещё несколько жителей.

Глава 3. ВОСХОД

*Просите – и воздастся вам; ищите и обретёте.
Стучитесь – и дверь откроется перед вами.
Кто просит, тот получит; кто ищет, тот найдёт;
и откроется дверь перед тем, кто стучится.*

Новый Завет (Евангелие от Матвея, 7:7)

Встали ранним утром наши приятели.

– Куда мы двинемся, в какую сторону направим наши взоры? – спросили музыкант и художник у учителя.

– Если не знаешь, куда держать путь, всегда прокладывай курс к солнцу.

– Почему всегда к солнцу?! – закричали друзья.

– Солнце светит всегда, любит всех, никогда не просит ничего взамен. Ему не нужны наши деньги, неважны наши

звания и должности, но без него ничего не существует, – ответил учитель.

– Хорошо, мы идём к солнцу, – ответили друзья.

Путь к солнцу пролегал по небольшой дороге. Друзья пошли по дороге и начали рассуждать между собой.

– Материя была создана для сознания, а тело – для души. Живой организм состоит из плоти и костей, нервов и мускулов. Его цель – это сознание. Бесконечное мироздание было создано не для простой задачи – накормить тело, а чтобы заставить расцвести душу, – начал разговор учитель.

– Полностью с вами согласен, друг. Все наши произведения искусства связаны с материей. Нет прекрасней красок, чем те, что созданы природой, – согласился художник.

– А гармония сфер? О ней ещё Аристотель говорил, – поддержал разговор музыкант.

– Наше мышление обладает творческим потенциалом. Значит, наши мысли суть выражения мысли Создателя? – спросил художник.

– Скорее всего, это так, – вместе ответили музыкант и учитель.

– Человек – необычное существо. В нём присутствуют два начала – божественное и животное. Если он думает, чувствует и поступает как божеское существо, он человек. Если поступает как животное – он животное и подобен тем животным, чьи характеристики проявляются в нём, – говорил учитель.

– Зачем люди идут за знаниями? – спросили у учителя.

– Одно из главных заблуждений состоит в ошибочности взгляда на конечную цель знания. Одни тянутся из природной любознательности характера, жаждущего познания, другие ради выгоды, победы. И совсем немногие – для использования его на благо человечества, – ответил учитель.

Глава 4. ПЕРВАЯ ЗАГАДКА

*Духом светел и чист,
не подвластен
ни грязи, ни илу,
лотос в тёмном пруду –
и не диво,
что жемчугами
засверкала роса на листьях.*

Хэдзё

Наши путешественники встретили на своём пути цветок, растущий по дороге.

– Наверное, это не просто так, – решил учитель.

– Давайте сделаем привал и подумаем, зачем Свет нам показывает цветок, – предложил музыкант.

– А зачем мы идём к Свету? Узнать истину, – сказал художник.

– Давайте все сконцентрируем своё внимание только на цветке. Так, как будто ничего больше не существует на свете, – предложил кто-то.

– Необходимо находиться здесь и сейчас, – подытожил разговор учитель.

Каждый из друзей сконцентрировал своё внимание на цветке. Это оказалось очень сложным делом, наш мозг постоянно хочет передвигать наши мысли. Через несколько минут молчания музыкант воскликнул:

– Эврика, я понял! Свет хотел нам сказать следующее: ни один человек не приходит к Свету посредством разума, но путь, идущий от сердца, всегда прямой и всегда открыт. Бутон Света, порождённый законом, раскрывается постепенно, лист за листком. Если первый лепесток знания, как и лепесток цветочка, не раскрыт, то знание, как и бутон цветка, остаётся закрытым. Если бы какой-либо другой лепесток пробил себе путь прежде, чем раскрылся первый, симметрия бы нарушилась и красота исчезла – и окон-

чательный результат представлял бы собой чудовище, а не прекрасный цветок.

– То есть если мы хотим познать истину, мы должны понемногу, как раскрывается лист за листком, постепенно идти к истине! – закричал художник.

– Мы согласны с тобой, – ответил за всех учитель.

После этих слов цветок растворился в воздухе.

– Ух... – облегчённо вздохнули друзья. – Первую загадку, заданную Светом, мы отгадали.

Глава 5. ПРЕКРАСНОЕ ДЕРЕВО

*Дерево, как бы мощны и крепки ни были его корни,
можно выкорчевать за какой-нибудь час, но нужны годы,
чтобы оно стало плодоносить.*

Мухаммед Аззахири Ас-Самарканди

– Интересно, что сегодня встретим мы? – спросил у друзей художник.

– Чтобы бы мы ни встретили, необходимо разгадать эту головоломку, иначе мы не сможем двигаться навстречу Свету, – ответил за всех учитель. С этим мнением все согласились.

Неторопливо позавтракав, наши друзья потихоньку начали движение по извилистой дороге. Вскоре в дымке возникло большое красивое дерево с роскошной листвой.

– Какое могучее прекрасное дерево! – восхитились путники.

– А зачем возник образ дерева? – спросил учитель.

– Мы не знаем, – произнёс художник.

– Давайте размышлять. Как только у нас возникнут мысли, которые помогут отгадать этот ребус, то дерево исчезнет, – изложил своё предположение музыкант.

– Дерево огромное, крона красивая и здоровая, а почему это произошло, что явилось первоначальным импульсом? – спросил художник.

– Наверное, одним из главных источников энергии являются корни. Недаром люди говорят: «Яблоко от яблони недалеко падает». Чем крепче и мощнее корни, тем обильнее растение получает питание, ему не страшны никакие бури и сильные ветры, – заметил кто-то из путников.

– Если применить этот вывод к нашему случаю, получается, поскольку мы хотим чего-то достичь, в данной аллегории наши достижения – дерево, необходимо питать наши знания постоянно и обильно. Без ежедневного обучения ничего не достигнешь, – выразил своё мнение учитель.

После этих слов дерево растворилось в воздухе.

– Ура, мы и эту загадку отгадали! – хором закричали путешественники.

Глава 6. ЧИСЛО

Число – это всё и ничего.

Автор

Много дней и ночей наши путешественники шли в гости к Свету. После появления в воздухе дерева прошло достаточно много времени, а новая подсказка так и не появлялась. Среди людей начали возникать споры и разногласия. Главное – стала пропадать уверенность в правильности выбранного пути.

– Нет, мы идём не в правильном направлении, – возмутился художник.

– Думаю, мы правильно держим направление вектора движения, – ответил учитель.

– Тогда почему нет загадок? – спросил художник.

– Может, это и есть условие очередной головоломки? – предположил музыкант.

– Давайте подумаем вместе, – предложил учитель. – Возможно, чтобы получить новые знания, необходимо много времени самостоятельно искать их без подсказок. И только когда готов ученик, к нему приходит учитель, в нашем случае загадка.

После этих слов в воздухе стали один за другим возникать силуэты чисел.

– Вот наши загадки! – крикнул учитель.

– Я расскажу вам немного об Пифагоре. Древнегреческий мыслитель Пифагор преподавал в школе, которую основал, семь дисциплин, которые назвали впоследствии свободными искусствами. Первая дисциплина – грамматика, она отвечает за структуру языка. Вторая дисциплина – логика, считается, что изучение этой науки помогает приблизиться к истине. Третья дисциплина – риторика, которая позволяет красиво говорить и излагать истину, – рассказал музыкант.

– Теперь моя очередь вести разговор, – промолвил учитель.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросили наши путешественники.

– Пифагор также предлагал изучать квадривиум. Он состоял из четырёх наук. Первая – арифметика, или Число. Вторая дисциплина – геометрия, или Число в Пространстве. Третья – гармония, или Число во Времени; четвёртая – астрономия, или Число во Времени и Пространстве, – рассказал учитель.

– Что могут обозначать цифры? Особое внимание необходимо обратить на цифру семь. Она чаще всего появляется, – высказал своё мнение музыкант.

– И правда, число семь необычное, в музыке семь нот, в физике семь цветов радуги, в неделе также семь дней, – подтвердил кто-то из друзей.

– Значит, цифры играют немаловажную роль в нашем мироздании, – решили друзья.

Медленно вступал в свои права поздний вечер. Утих ветер, и постепенно стали исчезать в воздухе цифры. Друзья разбили палатки перед подножием горы, плотно поужинали и, задув костёр, пошли в палатки отдыхать.

Глава 7. КЛЮЧ И СЕМЬ ДВЕРЕЙ

Уста мудрости немы для непосвящённых.

Древний манускрипт

На следующий день в горах светило ярко солнце. Путешественники встали, позавтракали, собрали палатки и медленно двинулись в путь. Шли наши друзья на встречу к Свету и внимательно осматривали близлежащие горы, искали новые загадки.

– Смотрите, таинственная дверь! – воскликнул один из путников. Все на крик повернули головы и увидели удивительную дверь, изготовленную из старого дуба. На ней красовалась цифра один и была прибита золотая табличка, на которой было написано:

*Всё есть Мысль. Вселенная представляет собой
мысленный образ.*

Путники подошли к таинственной двери, открыли её. Как только дверь была открыта, за ней стали появляться разные вещи. Проплыл шашлык, прошла изящной походкой красивая молодая девушка, проехал новый легковой автомобиль, появились и пропали пачки денег, возникла и исчезла скрипка, мольберт, мелькали храмы, провидцы и Учителя.

– Это же мы материализуем наши желания, – сказал живописец. С ним все согласились.

Долго, очень долго мелькали различные желания. До вечера пришлось ждать путникам окончания бесконечной вереницы. Путешественники устали.

– Самое большое желание – это вообще не иметь желаний, – воскликнул кто-то. Ночь вступала в свои права.

Наутро проснулись наши путники задумчивые и грустные, оказалось много у людей желаний. Как можно найти Свет, если имеешь столько желаний? Но необходимо двигаться дальше. Совсем немного прошло времени, а уже музыкант нашёл вторую дверь. Из какого материала была изготовлена дверь, осталось неизвестным. Всех привлекла золотая табличка, гласящая:

Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху.

– Наверное, принцип включает в себе ту истину, что всегда существует соответствие между законами и явлениями в различных плоскостях мироздания, – решили путники. Открывать полностью дверь не стали, только приоткрыли. Стали появляться неведомые создания – возможно, из других миров. Пришлось немедленно закрыть дверь. Так прошёл ещё один день в бесконечной колеснице жизни.

В один из последующих дней была найдена третья дверь. На табличке двери было начертано:

Ничто не покоится – всё движется, всё вибрирует.

После открытия двери наши путники увидели различные колебания разных тел. Друзья поняли, что всё, от всего являющегося Чистым Духом до любых форм материи, – всё находится в вибрации.

Чем выше вибрация, тем выше положение на некоторой шкале вибраций. Дух вибрирует с такой интенсивностью и скоростью, что практически находится в покое – так же, как быстро вращающееся колесо кажется нам неподвижным. А на другом конце шкалы существует форма материи, вибрация которой настолько низка, что она также кажется неподвижной.

Чем больше открывалось дверей, тем сложнее было путникам понять, что хотел сказать Свет посредством дверей, используя их в качестве инструментария.

Особенно было трудно понять сказанное, когда была открыта четвёртая дверь, со следующей надписью:

Всё двойственно, всё имеет полюса.

Всё имеет свой антипод (свою противоположность), противоположности идентичны по природе, но различны в степени. Крайности сходятся. Все истины не что иное, как полуистины. Все парадоксы можно примирить.

– Как же так, как это понимать? – возмутился художник.

– Всё не так сложно, – ответил учитель. – Пары противоположностей можно свести, сблизить. Крайности всегда сходятся. Всё существует и не существует в одно и то же время. Все истины на самом деле – полуистины, каждая правда наполовину фальшива. Всё имеет две стороны. Получается, что у всего есть два полюса, или два противоположных аспекта, и что противоположности в действительности являются двумя крайностями одного и того же, с многочисленными и различными градациями между ними. Например, жара и холод, они противоположны, но в действительности являются одним и тем же – разница только в степени одного и того же. Сможете ли вы определить, где кончается тепло и начинается холод? Нет такой вещи – абсолютное тепло и абсолютный холод, оба понятия просто обозначают степени одного и того же; а это одно и то же, что представляется как тепло и холод, и является формой вибрации. Поэтому тепло и холод являются двумя полюсами того, что мы называем температурой, – явление, присущее всем проявлениям Принципа Полярности. Тот же принцип проявляется в случае света и темноты, они являются одним и тем же – разница лишь в степенях между двумя полюсами явлений.

Где кончается темнота и начинается свет? Какая разница между большим и малым? Между тяжёлым и лёгким? Между острым и тупым? Между высоким и низким? Между плюсом и минусом? Принцип полярности объясняет эти парадоксы, и ни один другой принцип не может заменить его. Тот же самый принцип действует и в плане жизни. Яркий пример – любовь и ненависть – два душевных состояния, – объяснил всем учитель.

– Чем дальше в лес, тем больше дров, – высказал своё мнение писатель.

Шли наши путники по своей дороге, открывая всё новые двери. Табличка на пятой двери сообщала:

*Всё течёт, втекает и вытекает,
всё имеет свои приливы, всё поднимается и падает –
маятникообразное колебание проявляется во всём,
мере колебания налево есть мера колебания направо.*

Ритмы компенсируются.

– Ура! Я понял, на табличке правильно написано. Всё подчиняется ритмам. Наши горы наивысшая точка синусоиды, а морские впадины – наименьшая. Наше настроение также подвержено ритмам, то мы хорошие, то злые!.. – вскричал математик. Все путешественники с ним согласились.

Когда солнце клонилось к закату, была найдена шестая дверь, на ней было написано:

*Каждый принцип имеет своё следствие,
каждое следствие имеет свою причину.
Всё совершается в соответствии с законом.
Случай есть не что иное, как имя закона,
который не распознан. Существует много планов
причинности, но ничто не ускользает от Закона.*

Наши друзья уже длительное время шли к Свету и научились отгадывать его загадки.

– Ну, это очень простая загадка. Нет случая, всё закономерно и происходит по закону причинно-следственной связи. В некоторых религиях говорят о законе кармы. В физике это третий закон Ньютона: «Действие равно противодействию». Также везде в священных книгах указывается о заповедях. Не делай зла людям – получишь от них аналогичный ответ, – озвучил свои мысли один из путешественников.

Друзья потеряли счёт времени, разыскивая седьмую дверь. Наконец они нашли её – и прочитали:

Пол во всём – всё имеет свой Мужской и Женский принцип. Пол проявляется во всех областях.

Путешественники даже немного обиделись. Они так долго искали дверь, а в итоге получили знания, которые им были известны. Своё некоторое возмущение выразил один из путешественников:

– Да это и так всем известно. Я очень люблю свою жену.

– Не так всё просто, – возразил ему художник. – Это справедливо не только в физической жизни, но и в душевной и духовной. В физической жизни пол проявляется как секс, а на более высоком уровне он приобретает более совершенные формы, но он всюду тот же самый. Любое творчество – физическое, душевное и духовное – невозможно без этого принципа. Принцип пола всегда действует в направлении воссоздания и творчества. Все вещи и все люди содержат оба начала или этот великий принцип внутри себя (его или её). Любой мужской предмет обладает женским началом; также и наоборот, – продолжал художник. Никто не стал с ним спорить, все очень устали. Медленно все разобрались по палаткам, и установилась нежная тишина.

Утром кто-то из путников нашёл ключ, на нём были выбиты предложения:

*Под и за Вселенной Времени, Пространства
и Изменения всегда можно найти существенную
Реальность (действительность) – основную Истину.*

*То, что является Основной Истиной –
Существенной Реальностью, – выше любых имён.*

– Это, наверное, ключ ко всем загадкам, и нам придётся понимать, как он действует, всю свою жизнь, причём каждый будет понимать это через личное восприятие мира, – высказал общую мысль учитель.

– Но мы же хотим увидеть Свет в конце нашего путешествия, – сказал художник.

– Конечно, хотим, – поддержали его все путешественники.

– Свет, появись, приходи, пожалуйста, к нам, хватит загадок! – крикнули все хором.

Подул приятный тёплый ветер – и стало понятно: Свет согласился.

Глава последняя и первая. НАЧАЛО

Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную.

Надпись на храме Аполлона в Дельфах

Когда началось утреннее рождение зари, наши путешественники пошли навстречу Свету. Они всё гадали, что такое Свет и как он предстанет перед ними.

– Наверное, мы увидим кого-либо из учителей: Иисуса, Будду, Кришну, Моисея, – предположил учитель.

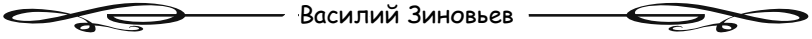
– Нет, мы услышим прекрасную музыку и увидим Баха, Моцарта, – возразил музыкант.

– Не согласен, мы встретим Леонардо да Винчи, Рафаэля, – высказал догадку художник.

– Давайте лучше подождём, – предложил кто-то из путников.

Прошло несколько часов, прежде чем наши странники подошли к прекрасному зданию. Сооружение было настолько прекрасно, что невозможно описать словами. Красота и необходимые пропорции были соблюдены во всех линиях здания. Всюду незримо присутствовала Божеская мысль. Здание стояло на прекрасной солнечной поляне, где летали птички и порхали бабочки. Звучала прекрасная музыка. Рядом росли вековые сосны, ели, кедры, а также множество других деревьев. Дверь входа в здание была высотой более трёх метров. Купол здания подпирали огромные мраморные колонны. На них были расположены какие-то буквы. Читалась только буква «а», остальные трудно было разобрать. Двери распахнулись, и люди с некоторой опаской зашли внутрь здания. Перед их взором справа и слева открылись огромные округлые окна, состоящие из множества разных цветов витражей. В центре здания располагался алтарь, на котором стояли подсвечники с зажжёнными свечами. За алтарём горел негасимый огонь. Далее располагались две двери. Одна правее огня, другая левее. Путники с замиранием сердца прошли алтарь, каждый со своими мыслями, и предстали перед дверями.

– За какой-то из дверей живёт Свет. Давайте пойдём в правую дверь, – предложил учитель. С неким необъяснимым чувством открыли дверь. Наши путешественники увидели свою прекрасную голубую планету и множество других планет. Несколько минут стояли путники поражённые увиденным. Наконец музыкант сказал:

– Всё, закончилось наше путешествие. За следующей дверью находится Свет.

Все невольно встали на колени, наклонили голову и открыли дверь.

Наступила торжественная и величественная минута.

Дверь открылась – и люди увидели... отражение самих себя!

!!?..

КОНЕЦ

28.08.2021

Алексей Курганов

г. Коломна, Московская область

Такая жизнь...

(рецензия на рассказ Дениса Минаева «Такая любовь»*.

Сборник «Мне бы в юность...», Новокузнецк, 2013)

Это очень человечный и в то же время жёсткий, если не сказать – страшный, рассказ (не путать со «страшилками!»). Сюжет немудрён: автор (повествование ведётся от первого лица) случайно встречает в поезде давнюю знакомую, одноклассницу, и узнаёт историю её семейной жизни тоже со знакомым, тоже их одноклассником, который, чтобы улучшить материальное положение молодой семьи, отправился контрактником на чеченскую войну и вернулся оттуда целым и невредимым физически, но надломленным психически. Заработанные им деньги «сожрал» дефолт, он отправился на войну опять и получил там страшное ранение, приковавшее его к инвалидной коляске. Желая облегчить жене и родившемуся ребёнку жизнь и понимая, что до конца дней своих останется для них только обузой, он намеренно портит с семьёй отношения, разводится с женой и уезжает в другой город, где кончает жизнь самоубийством.

Возможно, это моё личное восприятие, но я увидел в рассказе Минаева что-то от толстовской «Крейцеровой сонаты». И дело не только в сходстве декораций: поезд, попутчица, беседа «за жизнь». У Толстого главный герой повести, помещик Позднышев, поняв, что семейная жизнь – дело для него не радостное, а именно тяжёлое, постепенно отдаляется от супруги (впрочем, как и она от него) и в конце концов убивает её, застав с любовником. Психологизм невероятный! Страсти бушуют шекспировские! В рассказе

* Рассказ Д. Минаева «Такая любовь» представлен на 72 стр.

Минаева нет таких страстей, есть, наоборот, бытовая житейская обыденность, но, оказывается, она порой бывает гораздо страшнее и беспощаднее даже самых невероятных эмоциональных всплесков.

Да, сюжет страшный. Страшный своими безысходностью, обыденностью и тупиковостью. Страшна сама жизнь, коли для разрешения её проблем есть только один-единственный выход – идти на войну, идти воевать, идти убивать, а вернувшись оттуда, с той самой бойни, понять, что жизнь (не семья!) тебя опять обманула, что вернулся ты к тому самому, от чего и из-за чего уходил. Страшно потому, что в такой ситуации человек поневоле начинает искать виноватых и находит их не в государстве (государству все его проблемы – до лампочки и по барабану) и не в близких людях, но поскольку они ближе и доступнее, то всю злость человек начинает вымещать именно на них, ни в чём не повинных. Это – тупик. А из тупика нет выхода, кроме единственного – поставить большую, жирную, окончательную точку на всём.

Рассказ заканчивается тем, что автор передаёт адресованное ему, автору, письмо того самого одноклассника-самоубийцы его сыну, и первое впечатление от такого финала: история недосказана. Но перечитаешь ещё раз – и понимаешь: именно на этом месте повествование и нужно было остановить, и то, что Минаев остановился, говорит о нём как об опытном сочинителе. В противном случае – и я в этом стопроцентно уверен – получились бы такие слезливые литературные, прошу прощения, сопли, которыми сегодня забиты все литературные сайты и которые в данном конкретном случае нельзя было допускать ни в коем случае.

О языке текста. Мне всегда импонировали авторы, которые пишут динамичным языком, без «воды». В их текстах не бывает лишних слов (той самой «воды»), и каждое именно что Р А Б О Т А Е Т на сюжет, а не является декорацией, антуражем, «красивостью», от которых ничего не зависит

и которые, как говорится, ни уму ни сердцу. Минаев-прозаик оказался одним из именно таких «динамичноязычных» авторов. Кстати, на примере этого рассказа я ещё раз убедился в одной, казалось бы, странности (а может, и закономерности): совсем не редкость, когда поэты пишут очень впечатляющие прозаические тексты (классический пример: Пастернак с его «Доктором Живаго»), а вот чтобы прозаики сочиняли заметные поэтические произведения – большая редкость. Может быть, разгадка в том, что поэзия несёт в себе максимальную свободу условности, и эта условность позволяет мыслить поэтам и шире, и раскованнее, и нестандартнее, чем изначальным прозаикам?

В рассказе при всей его трагичности и жизненной несправедливости сюжета нет так называемых отрицательных персонажей (почему именно «так называемых» – потому что в подобных текстах я никогда не понимал и не понимаю деления на хороших и плохих, положительных и отрицательных). Может быть, и в этом положении вещей тоже заключается описанная трагедия: все – нормальные люди, не сволочи, не подонки, не скоты, а нормальной жизни у них всё равно нет! Как же так? Почему? А вот так. «Патамушта». Как говорится, получите, не кашляйте и ничего хорошего не ждите. Хэппи-энда, так полюбившегося многим современным российским авторам, здесь уж точно не получится. Такая жизнь...

И, заканчивая этот материал, хочу поздравить Дениса Минаева – прозаика с успешной творческой работой. Желаю новых интересных прозаических текстов!

г. Коломна, сентябрь 2013 г.

Владимир Колабухин

г. Ярославль

Давай с тобой поговорим

Давай с тобой поговорим
О чём-нибудь хорошем...
Взгляни,
Как всполохи зари
На фейерверк похожи!..
Как пахнет мятой
В этот час
И как прекрасен
Вечер...
А внук какой
Растёт у нас,
Да и другой намечен...
Невзгоды в память
Не бери –
Без них
Кто в мире прожил?
Давай с тобой поговорим
О чём-нибудь хорошем.

Ирина Китаина

г. Москва

Верный друг

Едет – тихо, курит – громко,
Средне – иногда – поёт:
Он – шофёр, его трёхтонка
В общем медленно идёт.

То гора, то спуски, спуски,
То пологий перевал,
То кафе – компот, закуски,
Маленький уютный зал.

Вот в таком кафе дорожном
Пёс бездомный отдыхал.
Кто – горячим, кто – холодным,
Кто ничем не угощал.

Он смотрел так сиротливо –
Ласки и еды просил:
То повизгивал так льстиво,
То хвостом крутил-юлил.

Наш водитель псину обнял,
Приласкал и накормил.
И судьбу бедняги – понял,
И с собою – захватил.

Укатил с собачкой вместе
И назвал его Дружком:
Всё правдиво в этом тексте,
Только люди – без имён.

Мой герой

(ироническое)

Он какой-то нереальный –
Смелый взгляд, высокий рост,
Он какой-то идеальный –
Просто можно ставить ГОСТ.

По-советски ладно скроен –
Плюс зелёные глаза,
Плюс любезен, ловок, строен –
Просто в рифму «как лоза».

Не встречались мне такие –
Вечно карлики кругом:
Не лихие, никакие –
Мачо только за бугром.

Всё же встретился – красавчик –
И меня околдовал:
Сто процентов – он обманщик!
Нет – романа, есть – финал!

Златошвей

Гроздь красные на белом –
То рябины алой кисть:
Златошвей так умелы –
Ниточки в панно слились.

Вышивают лист – зелёным,
Ветвь – коричневая нить,
А с рябиной рядом – клёны:
Надо золото разлить!

Жёлто-красные рисунки,
Бело-серая канва,
А ещё салфетки, сумки,
Бархат, шёлк и кружева!

Гроздья алые на белом –
И зелёная листва:
Руки златошвей умелы –
Птицы, солнышко, трава.

Всё под силу мастерицам –
И картины, и панно,
И цветы, и чудо-птицы –
На атласном кимоно.

Памяти Басманного рынка

В июльский день – эмоций масса!
Чем день наполнить? Как прожить?
Нет лучше утреннего часа –
Маршрут воскресный проложить!

Сначала – на базар, конечно!
Басманный рынок – за углом!
Там изобилье – бесконечно!
Пред нами всё – не за стеклом!

Сначала ягоды лесные –
Малиново-черничный микс,
Потом ряды – ряды мясные,
Вопрос: «Что вам угодно, мисс?»

Я полагаюсь на хозяев,
Что предлагают высший сорт,

А рядом – милый звон трамваев:
Прощай, роскошный натюрморт!

Тот летний полдень вспоминаю...
Прошло лет тридцать уж с тех пор...
Воскресный рынок... Звон трамваев...
И грусть слегка туманит взор...

Но память цепкая зачем-то
Не забывает тот денёк:
Такие светлые моменты,
Такой эмоций ручеёк!

Лефортовское

День за днём – весна уходит,
Час за часом – майский день:
Наше лето – на подходе –
И сирени белой тень.

День прозрачный – я беспечно
Посмотрю на облака:
Небо, небо – бесконечно,
Непогода – далека.

Я как будто бы в полёте –
Связь оборвана с землёй:
Лишь взлечу на самолёте –
Сразу хочется домой.

Дома – старая тетрадка,
Два блокнота, карандаш,
В книжке читаной – закладка,
И – лефортовский пейзаж.

Из окна смотрю налево –
То ли ива, то ль сирень?!
Наш Версаль?! Без королевы?!
Лип причудливая тень!

**Самому энергичному
тренеру «Энергии»**

Н.А.

Хорошо, что на футболе
Мы во вторник и четверг:
Каждый раз на новом поле,
Лишь сойдёт с газонов снег!

Мы стараемся, играем,
Бьём ногами по мячу,
Тренировки посещаем
Безо всяких «не хочу»!

С нами тренер первоклассный
Каждый вторник и четверг:
Зрелый, опытный, прекрасный –
И спортсмен, и человек!

Хорошо, что на футболе
Мы встречаемся, друзья!
Снова с тренером! На поле!
Нам без тренера нельзя!

Марина Красавина

г. Коломна, Московская область

Упорное, своенравное и свободное...

Игралище слепой пучины...

А.С. Пушкин

И был на море шторм. Начался он ещё ночью в строгом соответствии с законами природы, но неожиданно для неискушённой публики, чьи ночные купания – неперемённый атрибут отдыха. Поэтому беспечные и азартные любители поздних заплывов поначалу не поняли внезапно посуровевших волн.

Таинственный гул усиливался гудением самолётов, смешивался с ним, наводя беспричинную тоску. И нечаянные слёзы. Впрочем, многие люди спали и видели свои сны.

Море между тем нервно билось о прибрежные камни, натываясь на их острые углы, и отступало лишь для того, чтобы вгрызаться с новой силой. Только песок на берегу, посверкивая тысячами кварцевых зрачков, лихо подмигивал ярким звёздочкам. Да важная рыжая луна равнодушно следила за косматой пеной волн, которые становились всё мощнее.

К утру волны ничуть не присмирели, правда, море немного посветлело вблизи побережья, но крутые двухметровые валы скручивались, сгибали тёмно-зелёные хребты и, грозно рокоча, обрушивались на тонкую полоску берега. Пена, светлая, тёплая, пышная, как взбитый белок, ласкала полупустые лежаки на пляже, и неожиданно прохладный ветер гонял сухой песок на обочине шоссе.

Пейзаж, достойный кисти Сергея Григораша. На нежнейшей голубой дымке неба тонкой кистью прорисованы облачка, бело-розовые зефиры, а море шлёт волну за волной,

то аквамариновую, то прозрачно-зелёную, то отливающую серебристо-розовым. И каждая шумит, вскипая белой пеной, рвущейся на куски о камни.

Желающих плавать нет. Дети визжат от страха, когда волны покрывают их ступни; держатся за сильные руки отцов, а те делают вид, что догоняют волны.

В воздухе пахнет морскими водорослями, йодом, и... несмотря на медленно идущее к зениту солнце, чьи лучи, словно прочные канаты, стремятся связать волны, несмотря на могучие силы солнца, – отчего-то тревожно.

Вот оно, объяснение... Мечется по прибрежному песку невысокая женщина средних лет в короткой тёмной тунике. Волосы растрёпаны, но она не замечает этого, машет кому-то руками... Они похожи на крылья чайки. Вдруг, перекрывая шум и рычание моря, раздаётся пронзительный девичий крик. Девушка захлёбывается в рыданиях, бежит вдоль берега, машет руками и не переставая кричит что-то. Язык ужаса, боли не нуждается в переводе. Там, в море, метрах в 20 от пляжа, борется с бушующими волнами её отец. Рядом с ним ещё один пловец. Он пытается приблизиться, протягивает руку, но море отвергает помощь и относит несчастного всё дальше. Даже на расстоянии видно, как слабеют пловцы. Наконец тот, что моложе, с трудом преодолевает метры до берега и падает на песок.

На берегу собирается толпа. Кажется, что говорят все сразу, показывая пальцами в сторону тонущего, чей седой ёжик головы временами сливается с седой пеной волны, исчезая в ней. Ещё мгновение – и только бейсболка плывёт по волнам. Крики женщин, должно быть, слышны солнцу. Наверное, так, воздев руки к небу, кричала Ярославна, умоляя силы природы о спасении князя Игоря...

Море ожесточённо уносит с собой одинокого ослабевшего пловца. В это мгновение, сбрасывая на ходу белую футболку, в глубину волны с разбегу ныряет молодой человек.

С откоса у прибрежного ресторана ему бросили надувного дельфина. Поймав спасательное плавсредство, юноша энергично плывёт вперёд. Голова тонущего на мгновение появляется над водой и вновь исчезает. Не появляется над водой. Женский визг достигает апогея. Кажется, барабанные перепонки не выдержат. А над берегом полощется красный флаг – сигнал запрета на купание. Но кто и когда не нарушал табу? Жив или нет тот, кто в море? Отчего решился на поединок с бушующей стихией?.. Мужчины до седых волос остаются мальчишками, то желая поднять свой авторитет в глазах жены или детей, а то и просто бравидуя презрением к опасности.

Большинство собравшихся на берегу искренне переживают случившееся, в глазах неуверенность, сострадание, печаль. А женщины по-прежнему кричат. Надрывно. Крик уже больше напоминает вой. Кто-то успокаивает девушку и жену пловца. А парень медленно плывёт вперёд. Ещё один добровольный спасатель нырнул в пучину прямо с обрыва. И всё же силы неравные. Сколько времени длится этот поединок? Над набережной ревет сирена, и на пляже появляются спасатели с оранжевым кругом и длинным мотком каната. Коренастый пловец начинает новый этап в борьбе за жизнь незнакомого человека. Мощно врезаюсь грудью в тёмные волны, преодолевая упругую стену воды, спасатель напоминает торпеду. Расстояние постепенно сокращается. А те, кто нырнул первым, уже смогли достичь тонущего, и спасательный «дельфин» сыграл свою важную роль. Канат натянут. Незнакомые мужчины, оставив своих ребятишек на попечение мам, застывших в позе жены Одиссея, спешат помочь вытягивать из цепких объятий моря горе-пловца и его неожиданных спасителей. Жив или нет? Женщины бегут по берегу. На руках выносят из моря «героя» дня. Укладывают на лежак. Человек неподвижен. Он окружён плотным кольцом близких людей.

Исчезли спасатели. Ушли незаметно смелые парни. Лежит, сверкая в лучах солнца, серебристый «дельфин».

У парапета дежурит машина «амбуланс» – медицина на колёсах.

Море, недовольное, разъярённое, стремительно зализывает следы ног на песке, стонет и набрасывается на берег в поисках новой жертвы. Пусть даже в виде шлёпанца или детского пластмассового вёдрышка.

На пляже непривычно тихо...

*Август 2019
Греция, о. Крит*

Светлана Лобова

г. Москва

Веселидзе

Всем хорошо известно, как полезно владеть иностранными языками. Но бывают ситуации, когда не следует показывать свои знания. Случаются разные истории. Об одной из них будет мой рассказ.

Для начала небольшое предисловие издаелека. Было время, когда наша страна жила в дружной многонациональной семье разных народов, то есть в Союзе Советских Социалистических Республик. В вузе, где я училась, было много приезжих студентов из других городов нашей страны и иностранцев. Среди нас была девушка из Сухуми. Внешность у Тани была славянская, но её бабушка жила в Батуми, и поэтому, охватив такую широкую географию родных, она, кроме русского, владела абхазским и грузинским языками. Забегу вперёд и скажу, что будущий муж Татьяны родился в Полтаве. Они вместе часто навещали его родственников, и Танечка, русская с грузинскими корнями, вскоре заговорила по-украински.

Фамилию она носила звучную – Веселовская, которую мы быстро переделали в Веселидзе. Характер у девушки был весёлый, но шутила она очень серьёзно, с кавказской сдержанностью. И от этого шутки были смешнее раза в три.

Однажды собралась Таня к будущим родственникам в гости. Ехала она одна, пришлось задержаться из-за сессии. До отхода поезда оставалось около часа. Захотелось есть, и она зашла в вокзальный буфет. Купила бутерброд, кофе и стоя заняла место за столиком. Подошли двое мужчин южной внешности. Вежливо по-русски поинтересовались, можно ли занять место рядом с ней. Получив утвер-

дительный ответ, быстро перешли на родной грузинский язык. На девушку они перестали обращать внимание, что её, очень уставшую, особенно устраивало. Мужчины говорили о делах, не особо стесняясь крепких выражений. Это продолжалось минут десять. Татьяна заканчивала трапезу, как вдруг неожиданно её соседи переключились на беспричинные нелестные комплименты в её адрес на своём родном языке.

Веселидзе неторопливо вытерла салфеткой губы и, поднимаясь, по-грузински спокойно высказала, в свою очередь, мнение о говорящих. Повисла нелепая пауза. Мужчины с открытыми ртами выглядели глупо. «Как так? Своя!»

Таня пошла к поезду. Грузины бросились за ней. Они с трудом подбирали слова извинений, размахивали руками. Один достал из сумки коньяк... Татьяна остановилась. Негромко сказала им ещё несколько фраз, повернулась и ушла. Её обидчики больше не посмели бежать следом.

Вернувшись после каникул, наша Веселидзе рассказала эту совсем не смешную, но очень поучительную историю. Мы порадовались её знаниям и достойному выходу из не-красивой ситуации.

Вывод рассказа очевиден. Учите иностранные языки.
Мало ли что...

Денис Минаев

г. Москва

Такая любовь

Шумный-шумный вокзал. Беспорядочная суета. Сотни людей вокруг, но я всё равно один. Никому нет дела до меня, ровно как и мне до них. Только гордые фонари на перроне смотрят на всю эту кутерьму свысока и своим ослепляющим светом затмевают чистое звёздное небо.

Громкий, металлический неприятный женский голос объявляет посадку на мой поезд. Вот и закончилась двухмесячная научная командировка в Уфу, и теперь я возвращаюсь домой, в Рязань.

Не думая уже ни о чём, направляюсь к нужному вагону. Ещё немного суеты – и я удобно располагаюсь на нижней полке купе. Всё. Осталось несколько томительных минут ожидания, и поезд помчит, приближая мою встречу с женой и сынишкой. Достая газеты, купленные в дорогу, и начинаю перелистывать одну с последней страницы, как привык.

Уже знакомый металлический голос объявляет отправление. Моё внимание привлекает оживлённый перрон и торпливые люди, от которых потихоньку удаляюсь. В купе я один, что, несомненно, радует.

Только успел подумать об этом, как дверь распахнулась и вошла красивая девушка. Чёрное закрытое платье изящно облегалo стройную фигуру. Почти полное отсутствие макияжа и чёрная повязка на голове придавали загадочность этой симпатичной блондинке.

– Здравствуйте, – приятным голосом сказала незнакомка и на некоторое время задержала взгляд на моей персоне, будто вспоминая, где она могла меня видеть.

– Здравствуйте, – ответил я. – А мы с вами нигде не встречались?

И, не дожидаясь ответа, спросил:

– Извините, вас, случайно, не Света зовут?

В её карих глазах промелькнул огонёк интереса, и мило-видное лицо озарила очаровательная улыбка:

– Кажется, мы с вами в одной школе учились...

– Более того, в одном классе, – уточнил я. – Ташкент, школа № 101...

– Здравствуй, здравствуй, Саша. Сколько лет, сколько зим.

Я встал, и мы по-дружески поцеловались. Затем, присев рядом, продолжил разговор:

– Как живёшь, Светик? Прекрасно выглядишь.

– Да ладно, брось...

– Нет, нет, действительно. Выглядишь потрясающе. Чёрный цвет тебе очень к лицу.

– Это точно. Жизнь моя не слишком светлая, поэтому чёрный цвет – как родной.

– Почему так печально говоришь? Что-то случилось? – без притворства поинтересовался я.

– Траур у меня, – сказала Света, и огонёк в её глазах потух. А лицо, кажется, немного посерело. – Еду в Ульяновск, к мужу на могилу. Вернее, к бывшему мужу, – и она тяжело вздохнула. На щеке бриллиантовой капелькой заблестела слеза.

– Извини, не знал, – поспешил я реабилитироваться. – Мои соболезнования.

Света тихо плакала...

Надо было срочно менять тему.

– Ты давно в России живёшь? – спросил я.

– Уже пятнадцать лет. Окончила Авиационный институт. Ещё там, в Узбекистане. Парень вернулся из армии, мы поженились и почти сразу переехали в Уфу вместе с моими

родителями. Позже в Россию и его родители перебрались. Кстати... Ты, Саша, знаешь моего бывшего... Слава, Слава Киселёв...

– Конечно, знаю...

Так всегда, память оставляет именно такой образ человека, каким его видишь в последний раз. Я тут же вспомнил нашу последнюю встречу с ним. И образ Славки, нашего ташкентского одноклассника, запечатлелся в памяти далеко не в весёлом виде.

Встретил я его в Ульяновске, где гостил у родственников, три года назад. Слава сидел возле церкви в инвалидной коляске и просил милостыню. Я пытался с ним заговорить, но он долгое время делал вид, что не знает меня. Я был настойчив, но он не поддавался. Потом, в конце концов, решительно поднял голову, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Ну, если мы с тобой знакомы, то выручай старого друга...

– Чем я могу тебе помочь, Слава?

– Дай сотню...

Я был в смятении. В душе творилось что-то непонятное. Достав из бумажника сотенную купюру, я протянул её школьному товарищу. Он резко вырвал деньги, будто боялся, что я передумаю, и быстрыми движениями рук заставил свою инвалидную коляску торопливо удалиться.

Ещё несколько минут я стоял на том же месте и не мог сообразить, что же произошло. Больше мы с ним не виделись.

Со временем я немного успокоил себя тем, что это и не Славка вовсе. Да Бог ему судья...

Конечно же, я не стал посвящать Свету в свои воспоминания об этой встрече. Ненадолго замолчал. Потом спохватился:

– Подожди, Светик. Получается, Славка умер? Где, говоришь? В Ульяновске?

– Да... Покончил с собой... Совсем недавно... Неделю назад... Я в командировке за границей была. На похороны попасть не получилось. Даже проститься по-людски не удалось...

И Света опять горько заплакала. Я налил ей стакан минеральной воды и попытался успокоить.

Много вопросов рождалось в голове, но я не решался их задать. Несвоевременно как-то.

Света успокоилась. Появилась проводница. Принесла постельное бельё. Предложила чаю, от которого мы поспешили отказаться. Я достал из сумки несколько бутербродов с колбасой, пяток варёных яиц, сала и термос с чаем и уселся за столик напротив собеседницы.

– А что-нибудь покрепче у тебя есть? – спросила она.

– Найдём, – на выдохе ответил я и водрузил на стол бутылку стерлитамакской водки.

Первую рюмку выпили молча, каждый думал своё.

За окном уже стемнело. Время перевалило далеко за полночь, но спать не хотелось. Равномерный стук колёс почему-то не действовал усыпляюще, как это обычно бывало.

– Хорошо нам со Славиком жилось сначала, – нарушила тишину Света. – Хоть и трудно, но всё же хорошо. Тяжело было устроиться на новом месте – ни друзей, ни знакомых. Купили домик на окраине Уфы и стали жить вместе с моими родителями. Слава устроился на работу автослесарем – он же училище окончил. Уставал сильно. Но, знаешь, Саша, он всегда старался со мной быть весёлым – живчиком таким. Можно сказать, на руках носил. И в парк, и в кино по выходным, да и просто так вечерами по городу гуляли...

А какой он был счастливый, когда у нас Димка родился! Что ты!.. Горды-ы-ый... Как будто у него одного в мире жена сына родила. Как он за ним ухаживал, буквально тряся над Димой и надо мной. Помогал во всём. Иной раз приходит с работы, чуть с ног не валится, а хотя бы одна пелёнка не-свежая будет – тут же в баню и за стирку... Внимательный.

Когда сын подрос, муж стал уговаривать меня родить ещё одного ребёнка. Но я попыталась его отговорить, мол, подумай, мы живём вместе с родителями. И так в доме не развернуться. У Димы даже своей комнатки нет, а ты ещё одного хочешь...

Вот тут, наверное, всё и началось... – Света замолчала. Мы выпили ещё по чуть-чуть.

– Ты не подумай, что Слава меня упрекал или винил в чём-то. Нет. Он просто начал искать способ заработать на отдельное жильё, будь оно неладно. Что он только не предпринимал, как только не вертелся. Зарабатывал неплохо, но, как назло, дома и квартиры дорожали с каждым днём.

В общем, в один злосчастный день приходит Слава домой и говорит, что написал заявление в военкомат и собирается ехать в Чечню. А это 1995 год. Помнишь, что тогда там творилось?

Я всеми способами умоляла его отказаться от этой затеи. Уже и согласилась родить ещё ребёнка. А он ни в какую – я должен обеспечить семью, и всё тут. Упрямый ужасно... В общем, через месяц он уехал на войну!..

Мы выпили со Светой по третьей. Закусили. Немного помолчали.

– Он писал почти каждую неделю, – вздохнула Света. – Скучал сильно. Письма были тёплые, добрые.

Через полгода приехал. Жив-здоров, за исключением небольшого шрама на руке, и чёлка на голове совсем седая...

Тут я невзначай вернулся к воспоминаниям о человеке в инвалидной коляске. Сомнений не оставалось. Это был Слава. Суровый, наскоро побритый мужчина с прядью седых волос на лбу. Но почему он отказался меня узнавать – это оставалось вопросом...

– Он изменился сильно, – продолжала Светлана. – Стал молчаливым, с потускневшими глазами. Мог подолгу сидеть где-нибудь один. Даже втихомолку плакал. Но при мне и сыне старался быть прежним Славой.

Что самое обидное – когда мы получили в Сбербанке его деньги, оказалось, что на жильё нам не хватает. Инфляция сожрала весь его мучительный труд. Да чёрт с ними, с деньгами, я была счастлива, что он вернулся. Что он теперь рядом. Но моя радость быстро улетучилась – через два месяца он опять уехал в Чечню.

Во второй раз я получила от него два письма, а потом... – и Света замолчала. На глаза её навернулись слёзы. Не дожидаясь меня, она выпила ещё одну рюмку и тяжело вздохнула:

– А потом около четырёх месяцев была тишина – долгая, мучительная, душераздирающая тишина. Я не знала, что делать, куда деваться. Не могла есть, не могла спать нормально, пока... Пока в один из серых дней не пришло письмо от начальника военного госпиталя в Ростове-на-Дону, где говорилось, что мой Слава... – и голос Светланы задрожал. – ...Мой Слава тяжело ранен в позвоночник, и вся его нижняя часть тела отказала. Пуля снайпера сделала его инвалидом. И теперь Славка не хочет возвращаться домой. Говорит, чтобы не быть обузой...

Что страшно, Саша, потом, когда я уже приехала его забирать, узнала, что снайпера, который моего Славу... В общем, снайпер – девка была, представляешь. Сучка. Сама, тварь, из Омска. В своих же русских парней стреляла... Поймали её потом. Ну и... в общем... сам понимаешь, что с ней сделали...

Затем около полутора лет мы со Славой провели в госпиталиях, пытались его на ноги поставить. Все заработанные деньги на лечение ушли – да всё впустую. Ничего не помогло.

Славка сильно изменился. Никто ему стал не нужен. Даже с Димкой, со своим сыном, он был холоден. А про меня уж и говорить не стоит. Почти не обращал внимания. Только придирался по всяким пустякам. Начал сильно пить. В пьяном угаре всю ночь скандалил, бил посуду, кричал, как бешеный. И пил, пил, пил... Бывало, утром швырнёт в меня чистые, постиранные носки и требует новые.

Частенько упрекал в том, что я ему ещё одного ребёнка не родила, а вот сейчас, мол, он даже и на это не способен...

Так продолжалось больше года...

Не скрою, я начала его ненавидеть. За что он нас обижал? Меня и сына, за что?..

Ко мне стал захаживать в гости коллега. Нет, не подумай, Саша, у нас ничего не было. Хотя иногда так хотелось бросить всё и упасть в объятия нового поклонника.

Славка это почувствовал. Начал обвинять меня в измене и требовать развода. Я отказывалась, сопротивлялась... Но под настойчивые уговоры моих родителей и по требованию Славы мы с ним всё-таки развелись. И он уехал к своим родителям в Ульяновск.

Мой коллега, Алексей, стал просить меня выйти за него замуж. Но я не соглашалась. А Слава на письма не отвечал.

Вот так я и жила до сих пор. Алексей приходит постоянно, а от Славы ничего...

А вчера я получила телеграмму о том, что Слава покончил жизнь самоубийством. Вот так...

Наступила длительная тишина. Света молча смотрела в окно. Уже светало. Мимо проносились деревья, чьи-то

дома, поля, но Светлана их не видела, она была где-то далеко в своих мыслях.

Усталость бессонной ночи и алкоголь сделали своё дело, и Света тихонько задремала. Лишь изредка во сне она стояла.

Я смотрел на эту чудесную, но очень несчастную женщину и думал: «Боже мой... Светка, Светка... Светка Ромашова... Кто же знал, что у этой, в прошлом вечно жизнерадостной, весёлой и улыбчивой девчонки с длинными волнистыми русыми волосами и с глубокими, как Чёрное море, глазами, будет такая нелёгкая жизнь.

И что Славка, отъявленный заводила и хулиган, одновременно пишущий стихи, романтик, так быстро покинет этот бренный мир!..»

Разбудил я Свету на подъезде к Ульяновску. И вышел вместе с ней. Ничего страшного, если я задержусь день-другой здесь. Навещу своего старого приятеля.

Родители Славы меня тоже вспомнили. Рассказали, что всё это время после развода он проводил у вокзала или у церкви, выпрашивая милостыню. Возвращался домой пьяный, но не дебоширил. Утром просил у матери прощения, однако всё повторялось...

Что удивило – он не оставил никакой предсмертной записки...

Свежая могила на кладбище отличалась от других только большим количеством цветов и красивым крестом.

День прошёл незаметно и как-то пасмурно...

Назавтра мы разъехались...

Радостные минуты встречи с женой и сыном ненадолго отвлекли меня от раздумий об одноклассниках. А вечером следующего дня, разбирая свою почту, накопившуюся за время отсутствия, я наткнулся на письмо, пришедшее три

дня назад из... Ульяновска. Я замер и в течение нескольких минут не мог даже открыть конверт.

Подозрения оправдались – это писал Слава, причём перед самой смертью. Как он узнал мой адрес?!..

Он просил прощения за нашу встречу возле церкви, объясняя своё поведение тем, что боялся в минуты слабости рассказать историю любви к Свете. В письме же он всё подробно изложил. Оказалось, Слава специально устраивал скандалы и беспробудно пил, чтобы жена возненавидела его и бросила. Не хотел он губить её жизнь. Надеялся, что после развода она выйдет замуж за хорошего человека и будет по-настоящему счастлива.

Он писал, как сжималось сердце, когда думал о ней, о сыне. Как плакал, получая от Светы письма. Но не отвечал, надеясь, что она со временем смирится и забудет его.

Шло время, но его любимая не соглашалась стать женой другого. И тогда Славка решился совсем уйти... Уйти из жизни, чтоб не мешать.

Последней просьбой одноклассника ко мне было – ничего не рассказывать Светлане об этом письме.

Я не знал, как поступить. И решил сделать, как он просил. Ничего не говорить!..

* * *

Прошло несколько лет. Меня снова пригласили в Уфу читать лекции в институте.

На одном из занятий я начал знакомиться с новой группой. И бросилась мне в глаза одна фамилия в журнале: Киселёв, Дмитрий Киселёв.

После лекций я попросил Диму остаться для беседы.

Во время разговора стало ясно, что это сын моих школьных друзей. Что мама его, Светлана, вышла замуж за Алексея и родила девочку. Что об отце своём Дима знает и от матери слышал в его адрес всё только доброе...

Ответ на мой вопрос: «Что делать с письмом Славы?» — пришёл сам по себе. Я не отдал письмо Свете, как и обещал. Но передо мной сидел Дмитрий Вячеславович Киселёв. Взрослый человек!..

03–04.06.2003

р. п. Пителино и г. Сасово Рязанской обл.

Шрамы украшают мужчин

Автобус подкатил к остановке, и салон начал постепенно заполняться. Все места для сидения были уже заняты, кроме одного на задней площадке. Тут по лестнице с некоторыми усилиями вскарабкался мальчишка лет шести и бегом устремился к незанятому месту. Уселся поудобнее и прильнул к окну, за которым шумно мелькали разноцветные машины. Молодая девушка, лет двадцати пяти, с двумя полными холщовыми сумками килограммов по пять каждая и женской сумочкой через плечо подошла к мальчику, поставила одну сумку на пол, зажав её ногами, и ухватилась освободившейся рукой за поручень. Вторую сумку поставить она не решилась, так как по находящейся сверху упаковке было понятно, что там десяток куриных яиц. Груз хрупкий и ценный.

— Мам, а мы завтра пойдём в кино на новый мультик? — обратился мальчик к этой девушке.

Мамочка поправила сбившуюся на глаза, вспотевшую прядь тёмных волос, которая ещё с утра была аккуратно уложенной чёлкой, и, вздыхая, ответила:

— Никитушка, завтра ты опять пойдёшь в садик. А на мультики мы пойдём в субботу. Хорошо, милый?

Мальчишка насупился, скрестил руки на груди и демонстративно отвернулся:

— Плохая ты...

Автобус тронулся. Кондуктор – немолодая грузная женщина, – подойдя к брюнетке и обидевшемуся мальчугану, попросила оплатить проезд и добавила начальничьим голосом:

– Скажите сыну, чтобы держался. Транспорт всё-таки... Дорога... Всё может быть...

– Никитушка, держись, сынок, – нерешительно продублировала мама требования кондуктора.

Но мальчишка только громко вздохнул, даже не посмотрев на девушку, раздражённо подёрнул плечами и остался восседать в том же положении.

Кондуктор пошла дальше, выглядывая в пассажирах вновь прибывших, а девушка решила, что вопрос закрыт, и не стала уговаривать мальчика, чтоб тот держался.

Тут раздался приглушённый звук модной мелодии. Музыка доносилась из женской сумочки, висевшей на плече этой самой мамы. Она обвила свободной рукой вертикальный поручень и стала копаться в сумочке, разыскивая телефон, издававший этот громкий во всех отношениях хит. Прокопавшись несколько секунд, параллельно задавая себе в уме вопросы из разряда «откуда здесь взялась та или иная вещица», девушка всё же нашла мобильник, но тот по закону подлости сразу замолчал. Вглядываясь в экран телефона, с досадным выдохом «Блин» брюнетка, быстро нажимая на кнопки, определила звонящего и, победно ткнув в клавишу вызова, приложила трубку к уху.

– Алё, привет, подруга... Да-а, в автобусе едем с Никиткой. Просто руки заняты сумками, вот и не сразу ответила.

Девушка ненадолго замолчала, слушая, что говорит ей подруга.

– Ой, Машка, – вдруг ответила она. – Я так устала, что просто нет сил идти эти три остановки до дома. Всегда прогуливались, а сегодня уж решили на автобусе. Да ещё и Никитка попросил ему шарлотку испечь. Вот забрала его

из сада, зашли в магазин за мукой да яблоками, ну и набрала я, как всегда, полные сумки. А что делать? Ты же знаешь. Кто мне купит, принесёт всё? Я сама. Я и баба, и мужик. Хех, – то ли с подобием улыбки, то ли с недовольной гримасой выдохнула девушка. – Ты-то как сама? Как у вас с Лёхой?..

Мальчишка у окна в этот момент чихнул. Мамаша, прижав телефон к уху плечом, достала из кармана носовой платок и, отцепившись от поручня, с трудом держа равновесие из-за тряски автобуса, стала вытирать нос сына. Тот недовольно дёрнул головой, давая матери понять, что он ещё в обиде.

В телефоне, судя по всему, начался затяжной рассказ о непростой ситуации у Машки, так как брюнетка больше слушала, чем говорила. Только изредка она вставляла в разговор свои «да ты что?..», «вот это да...» и «ничего себе...» и пару раз спросила: «А ты? А он?»

В конце концов заключила:

– Знаешь, Машка, все они, мужики эти, козлы. Тебе ещё повезло, что он сбежал, когда ты ему только о свадьбе намекнула. А мой-то, вспомни, свалил, когда узнал, что у меня уже срок два месяца... Теперь вот я одна с Никиткой. А у тебя такого... м... м... – девушка взглянула на сына, соображая, как объяснить подруге о беременности, но чтоб мальчик не догадался, о чём речь. – ...у тебя такого «подарка» ещё пока нет, слава Богу. Так что радуйся, что именно сейчас расстались, а не потом, когда поздно будет.

И вообще, Машка, я поняла, что мужиков сейчас уже совсем не осталось. Посмотри на всех наших девчонок... Кто замужем? Раз-два и обчёлся...

– Mam, хочу машинку, – перебил разговор обидевшийся в недавнем прошлом мальчишка. – Ма-ам. Хочу-у машинку...

Брюнетка отвлеклась от телефона:

– Никитушка, – нежно проворковала она, – милый, обязательно купим. Попозже.

– Сейчас хочю... – закапризничал и захныкал сыночек.

– Никит, ну пожалуйста, дай я с тётей Машей поговорю, – и брюнетка переключилась вновь на разговор по телефону.

Автобус покачивало на дорожных ямах, и девушка с телефоном уже прижалась к поручню почти всем телом, чтобы не мотаться, как флажок на ветру. А мальчишка занял противным и нудным голосом.

– А в принципе, Машка, – продолжила брюнетка, – по большому счёту, на фиг эти мужики нужны? Вон моего, к примеру, возьми, когда жили вместе, что делал? Да ни-че-го. Каждый день: придёт с работы, почавкает, завалится на диван и в ноутбук пялится... Ни в кино с ним, ни в бар, ни просто погулять по парку. Он, видите ли, с работы и устал. А где он там уставал-то? Компьютерщик очкастый... А я, как дура, прибегу со своей работы на заводе, приготовлю вкусенькое что-нибудь, жду его. То ему, это ему... А он даже «спасибо» за обед не скажет. Я про цветы и подарки вообще не говорю... Зато ему в любой момент денег на пивко вынь да положи... Никакого осознания... Никакой жалости к жене родной... Сам дома палец о палец...

– Ммм-а-амм... – настойчиво продолжал ныть мальчишка с нарастающей громкостью...

Тут автобус резко затормозил и остановился. Телефон выскочил из руки брюнетки и чудесным образом влетел в сумку, стоящую на полу. Девушку мотнуло, и она еле удержалась на ногах, в последний момент зацепившись за поручень освободившейся от мобильного рукой. Потная чёлка вновь слетела на увеличившиеся от неожиданности глаза. Вторая сумка, бывшая в другой руке, ударилась о соседнее сиденье, и на упаковке с яйцами появились мокрые пятна.

Мальчишка, вовремя выставивший руки вперёд, несколько не пострадал и даже не испугался. Слегка опешив, он всё же понял, что произошло, и, увидев, как его маму мотало возле поручня, посчитал это происшествие очень забавным, отчего начал хохотать над ней. А когда он перевёл взгляд на других людей, потиравших ушибленные локти и колени, стал хохотать ещё сильнее.

Мамаша осмотрела и обцеловала сына, который во весь голос смеялся над окружающими, взяла его за руку, в другой руке у неё оказались обе тяжёлые сумки, и направилась к выходу, посылая ругательства в сторону водителя автобуса и желая ему всего самого недоброго. А извинения водителя и объяснения о том, что прямо под колёса с тротуара выскочила дамочка с детской коляской и он вынужден был резко затормозить, вызвали ещё большие проклятия брюнетки в сторону автобусника и всех окружающих.

Подойдя к выходу, она раздражённо пнула по двери, давая понять, что намерена немедленно покинуть салон автобуса...

Двери открылись, и мамочка с сыном, показывающим водителю язык, выскочили на улицу. Девушка продолжала громко кричать, обещая написать жалобу в автоколонну...

Водитель ещё несколько раз извинился перед оставшимися пассажирами, которые просто молчали и смотрели на него. Кто-то понимал, что на дороге бывает всякое. Кто-то считал, что проклятий удалившейся брюнетки было уже достаточно. В итоге двери автобуса закрылись, и он покатил дальше по маршруту.

На следующей остановке в салон зашли ещё несколько человек. Мужчина лет сорока, увидев свободное место, направился к нему, но в последний момент заметил позади себя кудрявого рыжего улыбчивого мальчугана лет пяти, который держался за руку красивой блондинки. Мужчина остановился и жестом руки предложил девушке свободное

место. Мальчишка немного отодвинулся в сторону, пропустил маму, которая села на сиденье, и встал с ней рядом. Блондинка, поблагодарив мужчину, приобняла своего малыша и что-то ему сказала.

Тут к ним поспешила кондуктор, которая уже с середины салона стала громогласно и убедительно просить блондинку срочно посадить ребёнка. Мальчик повернулся и поднял голову на кондуктора:

– Тётя, пусть мама сидит, – произнёс с детской серьёзностью мальчишка. – Я постою, ведь я же музычина.

Мамочка согласно кивнула головой в сторону сына и повторила для кондуктора:

– Женщинам нужно уступать место в транспорте. А он мужчина. Он постоит.

– Мужчина, мужчина... – подтвердила кондуктор, глядя на малыша.

Потом перевела взгляд на девушку:

– Но это дорога всё-таки... Всё может быть... Автобус резко затормозит, мальчик упадёт и ударится. А нам потом отвечать...

– Вы правы, извините, – согласилась блондинка, одновременно усаживая сына к себе на колени. – Но даже если он и ударился бы, посадил синяк, ну что ж, ничего страшного... Шрамы украшают мужчин...

18.11.2014

г. Коломна Московской обл.

Медицина – это сила

Моему деду Василию Ивановичу посвящается...

Июнь 1935 года в Оренбуржье выдался обычным, не очень жарким. Однако с двадцатисемилетнего ветеринара Василия Позднякова пот лил ручьём. На врачебной ниве он трудился уже более пяти лет, работу свою любил

и выполнял с огромным удовольствием, поэтому, когда началась горячая пора – массовый отёл, – почти круглыми сутками находился на пастбище или ферме...

Егор Захарыч, обычно бодренький и вечно куда-то спешащий старичок, сегодня еле передвигал ноги. Отрешённо ступая по толстому слою пыли, покрывшей дорогу, он направлялся к ферме. Было раннее утро, но солнце уже хорошенько прогрело воздух, и восьмидесятипятилетний дед в ушанке и телогрейке абсолютно не вписывался в эту летнюю картину.

– Ох ты, мать твою за ногу, что ж так зябко-то? – недоумевал Захарыч и ещё больше запахивал на себе одежду.

Так, потихоньку поругивая всё вокруг, старик добрался до ветеринарки и, тяжело ступая, поднялся по лестнице крыльца. Полусонного Василия он застал в кабинете сидящим за столом и разбирающим кипу бумаг.

– Здравствуй, доктор, – проскрипел дед и снял шапку.

– И тебе не хворать, Захарыч. Ты чего такой? – пригляделся к нему Василий. – И зачем здесь?

– Так, похоже, как раз и захворал я. Ломота в костях, да знобит что-то...

– Ну тогда тебе врачу показаться не мешало бы.

– Вот я и пришёл по твою душу. Врач ты или хрен с бугра?

– Я ветеринар. Я животных лечу, Захарыч. Коней, коров, понимаешь... Тебе к человеческому доктору надо, – попытался объяснить Василий.

– Какая, к шуту, разница? Все мы Божьи создания. Я к тебе за помощью пришёл, лекарств каких-нибудь дай, и полно. Я ж не остограмниться прошу. Хворый я, слышишь?

– Ты ж не болеешь никогда, – заёрничал ветеринар. – Сам говорил. Да ещё и медицину на чём свет стоит

костерил. Поди, самогоночки холодной шмякнул, Егор Захарыч. Она-то тебя и заморозила.

– Ты, Василий, это... на святое не замахивайся. Можешь вылечить – лечи. А нет – так неча тут попусту зубоскалить. Пойду домой. Авось Господь приберёт. Отмучаюсь...

– Ладно, всё-всё, – осёк его ветеринар, мысленно ругая себя за невнимание к старику. – На-ка вот, держи, – протянул деду градусник. – Вставляй в подмышку.

Дед с интересом принял стеклянную палочку и стал запихивать её в означенное место.

– Захарыч, ну как ты его... Да нет же... – Василий, поднявшись со стула, взял градусник у деда и сам вставил его куда и как полагалось. – Посиди чуток... Вон в уголке. Извини, я пока напишу. Всю ночь не спал, а мне ещё журнал заполнять. Сам понимаешь...

– Может, опохмелишь, доктор. Сказывается мне, хворь-то как рукой снимет. А? Спиртик-то завсегда припрятан у тебя где-нибудь...

– Та-а-ак, Захарыч...

Старик, понимая безрезультатность своей просьбы, на полусогнутых скрылся за дверью:

– Нет так нет. Пойду, подымлю на крылечке... Охо-хощеньки, мать моя женщина... – выругался он в пустоту...

Спустя пару минут в кабинет вбежала доярка Павлина. Сбившаяся на один глаз косынка, взлохмаченная прядь волос, горящее багрянцем лицо придавали ей образ пирата в юбке, что вызвало у ветеринара невольную улыбку. Однако веселье моментально улетучилось, когда Паша заголосила:

– Василиваныч, там Зорька телится!.. – и скрылась за дверью.

Доктор вскочил со стула и, схватив необходимые инструменты, вылетел из кабинета вслед за дояркой, не замечая никого и ничего...

Прошло три дня. Работы у Василия слегка поубавилось, но он по обыкновению засиделся в кабинете до восьми вечера, заполняя бумаги.

Тут раздался нерешительный стук в дверь.

– Да-да, кто там? Входите, – пригласил ветеринар.

В проёме появился Захарыч и, улыбаясь во все оставшиеся зубы, прошагал к столу:

– Вот, Василий, спасибо тебе, – старик протянул завёрнутый в платочек градусник. – Очень хорошее лекарство – эта твоя стекляшка. Правда, немного неудобно с ней, каждую ночь приматывать к руке пришлось. Но ничего, терпимо... Зато это лекарство твоё шибко мне помогло! На второй день похорошело, а сегодня вообще огурцом себя чувствую. Кстати, про огурцы... тут у меня... вот... – и дед водрузил на стол несколько молоденьких огурчиков и пол-литра первака. – Давай махнём по граммульке за медицину твою. Верно гутаришь: медицина – это сила. Мать её так!..

29–30.10.2015

г. Коломна Московской обл.

Петр Панасейко

г. Тольятти, Самарская область

Детство моё, постой!

Мемуары

Дороги в ушедшее вдаль детство нет. Это закон природы, но вернуться туда можно с помощью воспоминаний о нём. Писать мемуары о своём детстве – нет благородней задачи. Ибо пишешь их – и невольно оказываешься... в детстве.

Мы говорим «детство», подразумевая период жизни человека от 4 до 14 лет, далее до 21 года идёт отрочество. Но возникает вопрос: а куда делись первые три года? Нет, они на месте, просто их принято именовать «младенчеством». Это совершенно правильно. События первых трёх лет в памяти не сохраняются. Как, впрочем, и с 4 до 7 лет, хотя некоторые эпизоды того времени иногда всплывают. Однако в основном радости они не приносят.

Я хорошо помню, как в шестилетнем возрасте оказался в Запорожье, нашем тогдашнем областном центре, в больнице, где мне сделали операцию по удалению полипов. Как я ни пытался забыть тот детский ужас, не смог до сих пор. Посадили меня в кресло, руки привязали к нему, как и ноги. Кричи не кричи – не поможет. Кроме адской боли меня угнетало и беспомощное моё состояние. К моему несчастью, процедуру повторили дважды: первый раз удалили не все полипы. Как я вытерпел, понятия не имею.

Ещё помню, как в дошкольном возрасте мы с братом убегали в огород, прятались в траве, которую выращивали для нашей коровы. Убегали не просто так: в это время по сельским дворам ходили медсёстры из сельской больницы, делая детям прививки. А уколов я тогда боялся, как огня.

Начиная с семилетнего возраста я уже стал запоминать не только плохое в своей жизни, но и хорошее.

Первого сентября 1963 года я вообще-то, как рождённый в 1956-м, должен был идти в первый класс. Однако со своими одноклассниками в школу в тот памятный год не пошёл: до семи лет мне не хватало ровно полтора месяца. Зато с утра до вечера я принимал участие в сносе своего старого саманного дома с соломенной крышей. Несмотря на то, что рядом уже стоял построенный новенький дом из белого шлакоблока, на фасаде которого до сих пор красуется вырезанная из дерева цифра «1963», мне было жаль дома, в котором я родился и провёл первые семь лет жизни.

– Ищи, Петя, там клад, – помогая залезть мне на чердак дома, говорила прабабушка Марина.

– Да, да, внучек, – присоединялась к разговору бабушка Дуня, – ищи хорошенько. Дом построили в начале девятнадцатого века запорожские казаки, выходцы из-под Полтавы, основавшие наше село Туркеновка по фамилии старшего казака Турко.

Можно представить, с каким упорством после этого я лазил по чердаку, заодно проверяя и соломенную крышу. К моему огромному разочарованию, клад я не нашёл, но находил старинную посуду, серп и другой инвентарь старинной работы. Но самой ценной находкой для меня оказалась старинная подкова, которую я хранил как талисман до самого нашего отъезда из села в августе 1971 года.

Но вот незаметно наступил сентябрь. Как ни странно, я до сих пор лучше помню несколько последних дней августа, чем первые школьные дни сентября. Потому что словосочетание «Первый раз в первый класс» всегда звучит как набат.

В эти дни мама, работавшая в колхозе «Родина» дояркой, специально отпрашивалась с утра на работе, чтобы съездить со мной, будущим первоклассником, в Гуляйполе,

расположенное в восемнадцати километрах от нашего села Малиновка (бывшие Туркеновка и Новосёловка), за учебниками, портфелем и школьной формой. Всего этого в селе тогда не было, приходилось и потом каждый раз ездить в районный центр.

Написал и подумал: хорошо, что я пошёл в первый класс в 1964 году, а не в 2018-м. С этого года власти современной Украины Гуляйпольский район упразднили, передав подчинённые сёла в соседний Пологовский район. А это ещё плюс двадцать километров, если не ошибаюсь.

Здания школы, где я учился в первом классе, давно уж нет. Но его я помню хорошо. Это – бывший дом дьяка. Мне повезло: здание находилось недалеко от моего отчего дома, на перекрёстке двух сельских улочек. Недалеко... но тогда первый раз я возвращался из школы, и мне показалось, что прошла целая Вечность. В школу-то я шёл с мамой, обратно – один. Но тем не менее сочувствовал тем моим одноклассникам и одноклассницам, которые жили на других окраинах села. Как и я, недалеко от школы проживали только Надя Ткачун, Коля Плетень и Витя Беляк.

Когда вспоминаю свой первый класс, перед моим мысленным взором почему-то в первую очередь предстаёт торжественное построение во дворе школьного здания. До сих пор мне приятен запах цветов из букетов первоклассников. Село отличается от города тем, что ежегодно первого сентября не требуется тратить деньги на покупку цветов, их мы рвали с разрешения родителей в своих домашних садах. Более того, к сентябрю специально выращивали наилучшие сорта цветов. Таких в городе не купишь.

Первый урок оказался организационным: наша первая учительница Наталья Тихоновна рассаживала всех по партам. Чем она руководствовалась, не знаю, но думаю – ростом учеников и учениц. Мы с Сергеем Золотько, как самые высокие в классе, удосужились от учительницы последнего места

в левом ряду. Своего решения она так и не отменила до окончания 3-го класса, когда с нами распрощалась. Да, тогда нам «повезло»: на Украине в новый учебный 1966/67 год начали эксперимент по сокращению начальной школы на один класс. В четвертом классе у нас появился классный руководитель. Хотя, думаю, не я один, получив этого руководителя на два года (четвертый и пятый классы), пожалел о том, что Наталья Тихоновна нас рано покинула. Кстати, она в своё время обучала и мою маму Лену.

С первого класса у нас закончилось босоное детство, перешедшее в детство школьное. С одной стороны, мы стали «грызть гранит науки», с другой – исчезла до минимума личная свобода. По утрам уже сколько захочешь не поспишь. По вечерам надо было перед сном обязательно ежедневно мыть ноги.

Сегодня, спустя десятилетия, я с улыбкой вспоминаю одну проверку, которую внезапно во втором нашем классе устроил наш директор школы Плетень Александр Григорьевич, появившийся в классе под конец уроков. Приказал снять обувь и носки. После этого начал ходить и проверять, с его слов, гигиену наших ног. Мне бояться было нечего, ибо, пока не помою перед сном ноги, моя бабушка Дуня под контролем прабабушки Марины отправиться в постель не разрешат. Однако нарушителей гигиены проверяющий всё же выявил. Как можно догадаться, ими оказались некоторые мальчишки. К девчонкам у директора вопросов не оказалось.

Один школьный день сменял другой, дни тянулись друг за другом как маленькие черепашки, но первый «свет в конце тоннеля» мы дождались. Речь о первых ноябрьских краткосрочных школьных каникулах. Как же нам не хотелось после них снова идти в школу и садиться за знакомые парты, которые толком и не успели от нас отдохнуть...

А вот вторым зимним каникулам мы обрадовались несказанно: десять дней, гуляй – не хочу. Тогда в отличие

от нынешних времён не было моды задавать школьникам на каникулы заданий. Мы отдыхали по полной программе, не думая о невыученных уроках. Сегодняшним российским школьникам (про украинских не знаю) можно только посочувствовать. Конечно, в этом во многом виноват бушующий в стране второй год подряд коронавирус.

Единственное, что я помню из школьных заданий на лето, так это чисто физическую работу, не влияющую на умственную.

В 5-м классе все учащиеся Малиновской восьмилетней школы из разрозненных зданий перебрались в общее вновь построенное двухэтажное школьное здание. Обучаясь в 6-м классе, мы под руководством нашего нового классного руководителя (прежняя руководительница с семьёй выехала на постоянное место жительства в соседний Донецк) Пилипенко Фёдора Васильевича посадили вдоль Центральной улицы села, на участке возле школы, саженцы деревьев. Каких именно – я уже не помню, но хорошо помню, как учитель закрепил за каждым учеником (девчонки не привлекались) посаженное дерево и велел на летних каникулах приходить и периодически их поливать. С этим поручением мы успешно справились. И делали это от чистого сердца. Секрета не было: Фёдор Васильевич – учитель-фронтовик пользовался у нас огромным авторитетом и уважением. Если меня спросить, кого я могу поставить за десять лет обучения в школе рядом с учителем Пилипенко, то я сразу и не отвечу. Были у меня и другие хорошие учителя, но такой, Учитель с большой буквы, был, пожалуй, один.

Не передать, как я переживал и грустил, когда он у нас не появился в следующем 7-м классе. Тогда думал, что он к нам ездил в школу из соседнего села Полтавки, расположенного в трёх километрах от нашего. Но, как мне сообщила недавно моя бывшая одноклассница Надя Ткачун, продол-

жающая его нелёгкое учительское дело, Фёдор Васильевич проезжал через Полтавку, но ехал из села Успеновка.

Как-то на сайте «Одноклассники» я вышел на группу школы села Успеновка, увидел там групповое фото учителей местной школы 1968/69 учебного года. В то время Пилипенко должен был работать в Успеновской школе, к нам он пришёл на 1969/70 учебный год. Долго рассматривал лица, но за давностью лет не смог узнать, к моему стыду, лицо дорогого мне учителя. Успокаивало только то, что, возможно, его на фото нет. Писал комментарий к фотографии, спрашивал, но, к сожалению, мне никто так и не ответил. А жаль.

Детство, однако, – это не только ходьба в школу и обратно.

Летом, когда жара становилась невыносимой, я отправлялся в тень. За домом у нас стояла кушетка. Ложился на неё, брал в руки книгу и читал. Когда же чтение меня утомляло, откладывал книгу в сторону и свой взор устремлял вдаль. Благо за нашим огородом других не было. При мне там находилось пастбище. Чуть выше росла кукуруза или подсолнух. Однако последние культуры мне не мешали разглядывать на трассе Гуляйполе – Новозлатополь проезжающий транспорт.

Любовался же не только автомобилями и рейсовыми автобусами. Меня влекло голубое мирное небо над ними, в которое иногда вмешивались тучи. Дождь в селе не сравним с городским дождём. В последнем случае он смывает с улиц и тротуаров пыль, разгоняет в воздухе на время выхлопные газы от транспорта, заставляет пешеходов прятаться или пользоваться зонтиком. Проживая на селе в детстве, я не припомню ни одного случая, чтобы кто-то ходил с зонтиком. Потому что сельский дождь – это не только полив огородов и садов, полей за селом, но он как-то по-особому очищал души сельчан, поднимал им настроение. Бегать босиком под дождём по лужам, устраивать произвольные

танцы, петь песни – ничего лучшего из детства я припомнить не могу. А вот всё же один неприятный случай, связанный с дождём, мне памятен.

Было это, кажется, летом, когда я, окончив четвёртый класс, перешёл в пятый.

С братом Федей мы во время летних каникул любили проводить время на прудах с удочками в руках. Два пруда находились далеко за селом, а один, названный в честь тогдашнего председателя колхоза Рекотовским, располагался в центре села, за его огородом. Ездили на рыбалку на велосипедах. По очереди: то на один пруд, то на другой, то на третий.

В тот воскресный июльский день очередь была за Рекотовским прудом, что спасло меня от более тяжких последствий. С утра мы с братом и сельскими ребятами уже сидели на берегу пруда, считая пойманных карасей и одного сома. Но со временем стал замечать, что ребята потихоньку покидают насиженные местечки рыбаков.

- Давай, Петя, и мы уедем, – предложил брат.
- Не понял, ты о чём, Федя?
- Посмотри на небо – и всё поймёшь.

Вдалеке прямо на нас надвигалась грозовая туча.

- Ладно, ты езжай, я тебя догоню, – посоветовал я брату.

Однако караси тучи не видели и попадали мне на крючок по очереди. Я так увлёкся ими, что не заметил, как стал накрапывать мелкий дождик. Вот тут только до меня дошло, что надо сматывать удочки.

То, что случилось дальше, нынче у меня вызывает улыбку, но тогда мне было не до неё.

Привязав удочки к велосипеду, разместив на нём улов, я тронулся в обратный путь. Но не успел отъехать и несколько метров, как пошёл сильный дождь. Укрытия никакого не было. Вначале надеялся добраться до главной нашей сельской, единственной в селе асфальтированной, центральной

улицы с названием «Космическая». Но велосипед сразу же перестал меня слушаться: колёса оказались забиты грязью из чернозёма. Улочка-то грунтовая. Первая мысль была у меня бросить велосипед на обочине и спастись бегством. Дело в том, что на этой сельской улице не было домов, кроме одного, их, саманные, в своё время снесли, когда хозяева ушли в мир иной. Но до этого дома расстояние составляло метров пятьдесят. Пришлось изо всех сил тащить по грязи велосипед к спасительному дому. «А если хозяева не пустят в ворота, тогда что?» – пронеслась мысль в детской голове.

К счастью, во двор вышла женщина приятной внешности и без лишних слов показала место, куда следует поставить транспортное средство. Сам же я спрятался под домом под навесом.

Когда дождь закончился, я ожидал, что хозяйка скажет: «Забирай велосипед и езжай домой». Однако ехать по грязи не было никакой возможности. Страхи мои оказались преждевременными.

– Иди домой, пусть отец придёт и заберёт твой велосипед, его для начала надо хорошо почистить, – после этих слов хозяйки меня как ветром сдуло.

В тот же вечер отец его забрал со словами: «Тебе, Петя, повезло, что попал ты в беде к хорошим людям».

– А что, есть и нехорошие?

– К сожалению, встречаются. Хотя и не часто.

Кем была эта женщина-спасительница, отец мне так и не сказал. Об этом я узнал только спустя четыре десятилетия, проживая уже в России.

20 августа 2015 года я случайно вышел на сайте «Одноклассники» на мою бывшую сельскую одноклассницу Надю Ткачун. Разговорились. Стали вспоминать наше детство. Я вспомнил и ту неудачную рыбалку.

– А ты знаешь, Петя, – спросила меня Надя, – кто была та женщина?

– Понятия не имею. Отец мне не сказал, только отругал, чтобы я в следующий раз по пустякам не беспокоил хороших людей.

– Этим хорошим человеком была... моя будущая свекровь. Сейчас я как раз проживаю в её доме, во дворе которого ты тогда нашёл спасение.

– Спасибо ей огромное от меня.

– Увы! Благодарность запоздавшую от тебя она принять не сможет: годы и война взяли своё.

– Тогда, Наденька, низкий поклон от меня и Царствие Небесное твоей замечательной свекрови!

Поскольку я заговорил о велосипеде, то не могу не вспомнить время, когда я учился на нём ездить. Научился до школы в семилетнем возрасте.

Улица у нас длинная, в конце её находилась молочная ферма. Однако родители мне разрешали учиться ездить только на небольшом её участке: от улицы Космическая до бывшей центральной улицы. Но, как говорится, «аппетит приходит во время еды». Чем больше ездил, тем лучше у меня получалось. И однажды я, нарушив родительский запрет, пересёк «красную черту», то есть переехал Космическую улицу, а там также учились ездить мои одноклассники, но в отличие от меня уже первоклассники. Кто-то предложил устроить велогонки. В итоге мы все оказались возле владения коров. Была золотая осень, их содержали на улице в загоне, возле которого мы и остановились отдохнуть. Стали любоваться коровами. Однако не учли, что это могло кому-то не понравиться. Нет, речь не о доярках или пастухах. Наше наглое любопытство явно не понравилось быку, который, злоупотребляя своими рогами, устремился на нас. Чем бы всё закончилось, если бы в это время не проезжал мимо сам председатель колхоза, успокоивший «хулигана», а нам давший хорошего пинка?..

Не знаю, как ребятам, но мне за это самоуправство пришлось вечером постоять в углу. Выдал нас председатель.

Случилось с моей стороны в детстве ещё одно нарушение запрета родителей, связанного с велосипедом. Правда, случилось это где-то летом по окончании шестого класса, когда мне шёл четырнадцатый год. То есть подросткового возраста я ещё не достиг, это произошло 15 октября 1970 года. Вот в этом и была проблема.

Катаясь с ребятами на велосипеде по селу, потом на его околице, нам вздумалось, как и несколько лет назад, устроить велогонки. К нашему удивлению, финишем оказался памятник перед въездом в районный центр Гуляйполе, а это от села... восемнадцать-девятнадцать километров. По тогдашним детским меркам это настоящий марафонский заезд. К счастью, никто из ребят не додумался устроить гонки по Гуляйполю. Мы взяли обратный курс в родное село. Опять же, к счастью, на этот раз наши родители об этом не узнали.

Сейчас, когда за спиной остались почти шестьдесят пять прожитых лет, думаешь: откуда у нас в детстве бралась смелость, отсутствие страха? Видимо, сказывалась сельская природа и жизнь, в отличие от городской. В селе не было светофоров, но не имелось и много транспорта, этого повышенного источника опасности. Когда мы ехали в Гуляйполе на велосипедах и обратно, то нас обогнало не больше двух рейсовых автобусов и с десятков легковых автомобилей. Чего не скажешь о городских улицах. Их не только не сосчитать, но и ездят они порой на «космических скоростях».

Поэтому мы ехали и не столько смотрели на дорогу, как любовались окружающей природой. А она прекрасна и неопишима пером. Вдалеке располагались утопающие в зелени хутора, которые не успели ещё уничтожить по вине Хрущёва, а вокруг колосились хлеба, радовали глаз подсолнухи, созревала «царица» полей – кукуруза. Но меня больше привлекали водонапорные башни, ибо поблизости ни пруда, ни речки не было. А вода есть жизнь. Без неё «ни туды и ни сюды».

В начале 1960-х годов на республиканском уровне (в Киве) был утверждён план застройки села Малиновки. В итоге появился новый центр с улицей Космической и административными и другими общественными зданиями на ней. Без постройки жилых домов тоже не обошлось. Семья кумы моей мамы одной из первых туда переселилась. Нам этого делать не стоило, ибо проживали совсем рядом.

До перепланировки села центр находился, как я уже сказал, с левой стороны нашей улицы, на перпендикулярной улице. Моя детская память хорошо сохранила всё то, что там находилось, что делает село населённым пунктом.

Сельская почта расположилась прямо в конце нашей улицы – улицы моего детства. Поэтому всю корреспонденцию (письма, газеты, журналы) мы получали в первую очередь. Не будет же почтальонша носить их по всему селу, прежде чем бросить в наши почтовые ящики?! Аптека находилась с левой стороны, чуть подальше от нашей улицы. Что мне из неё запомнилось? Так это, разумеется, гематоген. О котором современные дети вряд ли догадываются, поскольку в наше время появилось множество его заменителей. К тому же «Марс» или «Сникерс» куда вкуснее гематогена.

Здесь же находился саманный продовольственный магазин. Кстати, магазинов в селе имелось несколько. По количеству на тот момент колхозов. Я до сих пор не понимаю: село одно, а колхозов много. Хотя, если знать, что они организовывались добровольно-принудительно, то вопрос отпадёт сам по себе. Организовать в начале колхозного строительства на селе одно большое коллективное хозяйство не представлялось возможным из-за сопротивления зажиточных крестьян. Слово «кулак» неприличное, оно мне не нравится.

Позже построили промтоварный, но уже кирпичный магазин. Здесь же находились церковные здания и дома свя-

щенников. По одному из зданий, превращённому в школу, в котором я начинал учиться в пятом классе, можно представить, что на Руси церковные служащие жили не хуже помещиков. К счастью, в нашем селе последних никогда не было, ибо в нём жили потомки запорожских казаков. Здание семилетней школы за сельским парком я уже не застал, оно сгорело после войны от пожара.

Не забыть мне и прежний саманный сельский клуб. Поскольку я являюсь кинолюбителем с детства.

Однако самой большой достопримечательностью старого центра села являлся, без преувеличения, парк. Там проводились все сельские мероприятия, самым памятным из которых считалось празднование Дня Победы и День освобождения села от фашистских захватчиков. Как же мне больно было видеть в мае 1991 года при посещении родного села, как на месте прежнего парка росла кукуруза. Неужели для неё места за селом не нашлось?

Скорей всего, по той же причине сегодня и на месте хуторка на окраине села, где несёт свои воды Янчул, приток реки Гайчур, растёт подсолнух. А ведь каким чудесным был этот райский уголок. Его я часто посещал, там проживал родной младший брат моей прабабушки Марины Пётр Кононович. Нам с братом он разрешал хозяйничать на огороде. Сорванные с грядки огурчики и помидорчики куда вкуснее казались, чем с нашего огорода. Хуторок состоял из одной улицы с домами по обе стороны, он весь утопал в зелени. Вот где можно прятаться от летнего зноя. Правда, такой роскошный, как у моего дедушки Ефима, сад там отсутствовал. Но окружающие хуторок поля с золотистой пшеницей или рожью очаровывали гостя, каким являлся часто я.

Со слов мамы, хуторок этот появился уже после войны. До неё там стояли дома в сторону соседнего села Полтавки. При мне сохранился только один дом на перекрёстке двух дорог: в Полтавку и Новозлатополь. Запомнился огром-

ный бассейн во дворе дома, а также рассказ отца, как он однажды, проезжая на тракторе в сторону поля, вынужден был оказаться спасателем. Хозяйка дома, потерявшая мужа на войне, решила почистить бассейн, но не рассчитала ветхость деревянной лестницы, которая под её тяжестью переломилась пополам, и она превратилась в пленницу. Хорошо, что там воды набралось к тому времени немного: долго не шли дожди. Подробностей спасения я уже не помню, а спросить не у кого, отца я потерял ещё в 2006 году. Но помню, что та спасителя благодарила до самого нашего отъезда из села.

Доказательством того, что вокруг хуторка когда-то теплилась жизнь, служило старое сельское кладбище, оказавшееся уже при нас за селом. В мае 1991 года на его месте я нашёл только одну чью-то могилу с оградой, а вокруг неё колосилась пшеница. Мне стало грустно от увиденного: ведь там похоронены люди, жившие в селе, а нынче от них не осталось, в прямом смысле слова, и следа. В связи с этим стоит вспомнить мудрость того же брата моей прабабушки Петра, похоронившего жену по её просьбе на том кладбище, но написавшего завещание похоронить его на другом сельском кладбище в центре села, рядом с могилой его любимой племянницы, а моей бабушки Дуни. Он ушёл из жизни вскоре после неё. Его могила сохранилась до сих пор, в отличие от могилы жены.

По вечерам, когда солнышко, уставшее за день, садилось за селом, сельские мальчишки вместе с подростками собирались на месте быстро высохшего при отсутствии родника пруда вблизи улицы Космической. Сбор касался игры «Казаки-разбойники». Я часто попадал в число победителей. Но не потому, что был «самый крутой». Причина заключалась в моём напарнике. Их дом стоял первым на Космической, там жила семья Кошарных. Старший сын-подросток и вырuchал меня. Выше его ростом, кажется, среди «каза-

ков-разбойников» не было, да и я не обижен ростом. А, как говорят, «волка ноги кормят»: догнать нас – это проблема для остальных. К огромному сожалению, в живых моего напарника-«разбойника» давно нет. Об этом я узнал ещё находясь в селе, в 1991 году. Я нашёл у пруда то самое место, где мы с ним прятались, поклонился и положил цветы. Возможно, он с Небес и наблюдал за этой моей процедурой.

Я люблю золотую осень с детства, потому что в эту прекрасную пору появился на свет. Однако с нетерпением ждал каждый раз и весну, чем старше становился, тем с большим нетерпением. А всё потому, что когда снег тает на сельских улицах, то появляются весенние ручьи, бегущие куда-то вдаль. К морю, очевидно.

Так вот, нам, мальчишкам, нравилось пускать по этим ручейкам бумажные кораблики. В некоторые из них мы вкладывали приветы для тех, кто этот кораблик поймает. В том числе писали записки и русалкам Азовского моря, до которого «рукой подать». К сожалению, наши кораблики не достигали моря Чёрного, так как плыть самостоятельно без водного течения они по морю Азовскому никак не могли. Сейчас я те детские бумажные кораблики вспоминаю с улыбкой на лице, покрывшемся морщинами, но тогда мы искренне верили, что они достигнут места назначения. Детство – волшебная страна.

Пока у нас не отобрали огород в связи с выходом родителей из колхоза, мы держали корову, которую летом отправляли на пастбище за селом, но не одну, а с «подругами» по нашей улице. То есть пасли уличных коров мы по очереди. Каждый раз я с нетерпением ждал своей очереди. Описать испытываемое пастухами на пастбище удовольствие трудно. Во-первых, аппетит на чистом воздухе вдалеке от сельской суеты удваивался. Однажды мне даже приходилось бежать за дополнительными продуктами в магазин соседнего села

Полтавки, ибо до своего магазина я добирался бы полдня: так далеко мы удалялись с коровами. Во-вторых, за день я там прочитывал страниц в книге столько, сколько дома не мог прочитать и за неделю. В-третьих, можно загорать не хуже, чем на берегу Азовского моря.

Его я посетил дважды: летом после второго класса и после пятого. На всю жизнь запомнил его волны и морской запах. Когда въезжаешь в Бердянск и подъезжаешь к морскому берегу, дышать становится легче. Уже взрослым я дважды загорал на морском песочке в Одессе, но Чёрное море на меня произвело не такое впечатление, как некогда море Азовское. Почему – не знаю.

Иногда слышишь, что на селе скучно жить. Не знаю, взрослым, может, так оно и есть. Взрослым я там не жил. Но проводить детство на селе – веселей не бывает. Конечно, у нас отсутствовали аттракционы и «чёртово колесо». Их нам заменяли бескрайние поля за селом с рощами. В одной из них мы как-то с другом обнаружили белые грибы. Наши родители нам сразу не поверили, понесли их в школу на экспертизу учительнице ботаники. Та подтвердила их съедобность. Может, родители этому эксперту и не поверили бы, ибо до этого никто за селом в рощах грибов не находил. Но... учительницей ботаники на тот момент оказалась какая-то родственница матери моего друга. Поэтому грибы мы съели и глазом не моргнули.

Я уже упоминал нашу детскую рыбалку. Но то было на пруду и с удочками. Но несколько раз по весне мы с братом ловили рыбу голыми руками... у нас на огороде. И это не первоапрельская шутка. Когда зима выдавалась снежной, а весна ранней, то высохший пруд возле улицы Космической наполнялся на время водой сверх нормы. Вода перебиралась с шумом через плотину прямым в огороды. А наш находился четвёртым от плотины. Рыба же бралась не с неба, она попадала вместе с водой из пруда за селом. Тот пруд тоже

не мог при разливе удержать лишнюю воду в своих берегах. Мы надевали болотные сапоги и ловили рыбу прямо в огороде. На радость нашим родителям, бабушке и прабабушке, которые не успевали рыбу жарить, солить и сушить.

Сегодня, слушая песню «Ты погоди» в исполнении Ларисы Мондрус, я вслед за ней повторяю:

Ты погоди, погоди, погоди
Уходить навсегда,
Ты приводи, приводи, приводи
Нас сюда иногда.
Детство моё, постой,
Не спеши уходить,
Дай мне простой ответ,
Что там впереди?

Увы, детство моё не послушалось меня, ушло навсегда, оставшись в моих тёплых и ностальгических воспоминаниях.

Школьная любовь

Мемуары

В первом классе я сидел с мальчиком моего же роста, так решила наша первая учительница. Никто не возражал. Но вот незаметно подкрался пятый класс.

Я уж точно не помню, как нас рассаживала классная руководительница, появившаяся у нас в качестве украинского эксперимента в четвёртом классе и не ставшая тогда нарушать решение первой учительницы. В пятом – нарушила. Никто не возражал, за исключением одной одноклассницы-отличницы Вали.

– Я хочу сидеть с Панасейко, – вдруг все услышали её голос.

Никто ничего не понял, а классная наша стояла в это время как античная статуя. Во-первых, её сразило неожиданное решение первой ученицы в классе. Первенство, надо сказать, ей досталось не только из-за учёбы, одноклассник Юра, например, учился не хуже. Сыграло роль социальное происхождение: мама на селе являлась советским работником, папа занимал какую-то руководящую должность в местном колхозе.

Во-вторых, кроме Вали никто не понимал, с кем конкретно она изъявила желание сидеть за одной партой: в классе учился мой однофамилец. Когда учительница попросила уточнить кандидатуру, то услышала в ответ: «С Петей». Другого звали Володей. «Пусть будет по-твоему, садись к нему», – не стала возражать педагог.

До конца уроков мы сидели вместе. Для меня происшедшее явилось полной неожиданностью. Не скрою, в то время все наши мальчики были влюблены в Валию. Но почему она выбрала именно меня?

На следующий день мы в классе сидели каждый на прежнем месте. Почему же первая любовь одноклассницы угасла, едва возникнув? Не потому, конечно, что мне больше нравилась другая, о которой ниже. Я не зря выше указал на занятие её родителей, они принадлежали к сельской интеллигенции, я же, как и большинство одноклассников, родился в семье колхозников. Скорей всего, вечером, когда Валя дома поделилась новостями в школе, то в отношении меня получила «отлуп». Оно и верно: негоже, как говорили раньше, холопским детям дружить с дворянскими. Судя по всему, дочка с родителями спорить не стала, ибо на следующее утро молча пересела на прежнее место.

Эта неожиданная для меня история, о которой я забыл буквально на следующий день, продолжилась в начале двадцать первого века. С 2001 по 2007 год я вёл переписку (52 письма) со своей бывшей сельской учительницей, которая

руководила нашим седьмым классом, последним перед нашим отъездом на другое место жительства, в город Тольятти РСФСР.

Чуть ли не с первого письма бывшая учительница передавала мне просьбу из Запорожья от бывшей одноклассницы Валентины. Она состояла в том, чтобы я ей написал. Однако я, хотя в университете и получил единственную тройку, попавшую в диплом, по логике (заявил преподавателю, что это математика, а её я в школе не любил), но логически мыслить не научился. Сначала учительница сильно переживала, что потеряла её адрес, весь день искала, нашла и мне выслала. В адресе мне знакомым оказалось только имя, остальное ни о чём не говорило. Как догадался читатель, отвечать я не стал.

Я понял, что тогда, в пятом классе, Валя ни с того ни с сего влюбилась в меня по уши, и, видимо, та её первая любовь всплыла спустя годы, когда она пережила два неудачных брака. Иначе она про меня не вспомнила бы. Не ответил я ей на настоятельные просьбы не только потому, что мне нравилась другая, на что ушедшие десятилетия не повлияли. Причина заключалась в другом: поскольку я был «свободен», то она могла получить и третий неудачный брак. Ибо последующие классы шестой и седьмой показали, что мы с ней абсолютно разные люди. Как говорил ещё Пушкин: «Лёд и пламень не столь различны меж собой». В таких случаях говорят при разводе: «Не сошлись характерами». Мне-то зачем это было нужно?!

Более того, один случай, происшедший в лето нашего отъезда из села, вообще сделал нас недругами. И только, думаю, личные её проблемы во взрослой жизни вынудили одноклассницу забыть тот неприятный для нас обоих случай. А дело было так.

В воскресный день мы с братом отправились в сельский клуб посмотреть какой-то интересный фильм. Мама нам для

этого дала по пятакчу. Вот было время, когда можно было в детстве смотреть кино за пять копеек! К сожалению, брат свою денежку потерял. Купили один билет. Но, увидев, кто стоит на контроле билетов в зал, обрадовались. Как оказалось, преждевременно. Отдав билет для контроля, мы надеялись услышать: «Проходите оба». Но не тут-то было. Сказать, что моя одноклассница Валя, перешедшая в восьмой класс, непонятно как ставшая контролёршей, превратилась в мгновение в бабу-ягу, – ничего не сказать. Запустив Федю в зал, я молча удалился. Больше до самого отъезда в клубе не появился. Брат тоже – из-за солидарности со мной.

С формальной точки зрения она, конечно, была права, но... поступить так с одноклассником, который просил одолжить ему 5 копеек, объяснив ситуацию с их потерей братом, это за границей морали. Я лично сомневаюсь, что она свою старшую сестру и брата запускала в зал по билетам. Просто хотела показать, что весьма «крутая девчонка». Но не понимала одного: что такой «крутой» характер в будущем испортит ей жизнь. Навсегда! Что и случилось на самом деле. Бог хотя и на Небе, но всё видит. Ни с одним мужчиной ей не повезло. Сама виновата. К счастью, я не оказался той самой «соломинкой», за которую обычно хватаются в безвыходной ситуации.

Теперь перейду к разговору о той однокласснице, которая, если честно, мне стала нравиться не в пятом классе, а в первом. Хотя она и появилась передо мной не первого сентября. Мама хотела отдать дочь Надю в школу на следующий год. Думаю, она нравилась не только мне, но себя в классе не рекламировала, как её одноклассница Валя. Сидела за партой тихо, вела себя на переменах скромно. Создавалось впечатление, что её в классе вообще нет. Я всегда сидел сзади через несколько парт в том же ряду, что и Надя. Кстати, сидела она с одним из моих лучших друзей Витей, несмотря на это, я часто его мысленно ревновал.

Эта моя школьная любовь тогда оказалась безответной: Надя «не догадывалась» о моём существовании. Хотя догадаться в 7-м классе после одного случая могла, конечно же.

Так вот, у нас в классе появилась новая учительница биологии. Тогда изучали мы раздел «зоология». Не знаю почему, но в классе педагог получила от учащихся обидное прозвище «Амёба». Об этом ей кто-то донёс. Когда она в очередной раз зашла к нам в класс, то увидела на доске надпись мелом что-то про «амёбу». Надо отдать должное учительнице, она обиду молча проглотила, продолжив урок, но после него доложила о ЧП нашему классному руководителю. Начались разборки. Одноклассница Татьяна, сама написавшая оскорбительные для учительницы слова, свалила вину на свою соседку по дому – Надю. Та потеряла дар речи от такой наглости. Все молчали. Не выдержав и защищая честь любимой одноклассницы, я поднялся и сообщил классному руководителю, кто настоящий автор слова «Амёба» на школьной доске. Если бы здесь не была замешана Надя, я бы промолчал, зная характер Татьяны и на что она способна.

Через мгновение Татьяна исправилась, заявив, что надпись сделал я сам. Все молчали. Никто за меня не заступился. Хотя многие знали, кто сделал надпись на доске на самом деле. Классная тоже молчала, не зная, как поступить. Вдруг поднимается одноклассница Наташа и сообщает подробности написания того оскорбительного слова с комментариями. С её слов, это сделала Татьяна. Только теперь мы с Надеей оказались полностью реабилитированными. Почему она так сделала, не знаю, видимо, ей я был небыстрозначим.

После этого мне по-прежнему нравилась Надя, но Наташе я благодарен за тот отчаянный поступок. Она спасла меня тогда от бесчестия. Разве такие поступки забываются? Вскоре из села я уехал и никогда больше с ней не встречался.

Доказательством того, что я тогда не «поменял» Надю на Наташу, и правильно сделал, служит наше нынешнее

время. Надя единственная из одноклассниц, кто сегодня поддерживает со мной связь в интернете с помощью сайта «Одноклассники», находясь от меня за тысячу километров. К тому же в другом государстве.

Она смогла поступить в университет, получить высшее образование и вот уже пятое десятилетие занимается педагогической деятельностью в нашей с ней родной Малиновской школе. Отлично владеет русским языком. Является моей Музой при написании мной повестей, рассказов, мемуаров, статей, а также – главным читателем и критиком. Мне просто с ней интересно общаться. Что касается Наташи, то пусть не в обиду ей будет сказано, с ней мне вряд ли было бы сегодня интересно общаться. Она, скорей всего, ограничилась восьмилетней школой, работает по-прежнему в столовой сельской (но не Малиновской) больницы, с интернетом не дружит. Поэтому с ней в отличие от Нади общаться было бы просто скучно.

Второе несостоявшееся интервью

Мемуары

1. Когда-то Вас подвёл на вступительных экзаменах роман Достоевского «Преступление и наказание». Сейчас, когда Вы сами стали писателем, как относитесь к «коллеге»?

Сказать, что я Фёдора Михайловича «реабилитировал», разумеется, нельзя. Из-за него я потерял год при поступлении в университет. Но дело в другом. Я до сих пор не пойму, зачем это произведение мы изучали в школе. Говорят, его и сегодня изучают. Так вот, неужели подросткам с неокрепшей психикой надо рассказывать, как топором убивают двух невиновных женщин? Недавно в интернете прошла инфор-

мация об очередном страшном преступлении: подросток убил своих членов семьи. Не начитался ли он перед этим подобных произведений об убийстве?

Достоевский в этом плане не одинок. Я вспоминаю, как мы плакали, заканчивая читать в школе рассказ «Муму». Тоже ведь убийство, хотя и животного. Зачем оно учащимся?

2. В связи с этим вопрос: а какие у Вас в школе на уроках русской литературы были любимые произведения?

«Слово о полку Игореве», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Кому на Руси жить хорошо», «Анна Снегина».

3. Сейчас на Украине считают Тараса Шевченко только украинским поэтом, не имеющим отношения к России. А Вы как думаете?

Если уж на Украине считают, что Адам и Ева были украинцами, то что говорить о Шевченко? Конечно, же Тарас Григорьевич – достояние двух народов, украинского и российского. Спрашивается, если бы не российские художники, выкупившие его из крепостничества, стал бы он всемирно известным поэтом? Вряд ли! К тому же не надо забывать, что именно в России Тарас стал ещё и художником. То есть именно здесь раскрылся полностью его талант от рождения. И ещё! Личные дневники, в отличие от стихотворений, Шевченко писал на русском языке. Мне только интересно, смотрят ли на Украине по-прежнему замечательный советский фильм «Тарас Шевченко», где поэта прекрасно сыграл его земляк Сергей Бондарчук? Просмотрев фильм, можно с уверенностью говорить, чей он поэт. Не думаю, чтобы последний, проживая в России, или отбывая воинскую повинность, разговаривал с окружающими людьми на «мове». Тарас

Григорьевич прекрасно владел русским языком. Что делает ему честь.

4. А что Вы скажете о писателе Николае Гоголе?

Ну тут вообще, как говорят, «ни к селу ни к городу». Единственное, что связывает Гоголя с Малороссией, так это его место рождения. Писал он произведения на русском языке. Однако, как я ни старался найти хотя бы одно из них на украинском, поиски мои не увенчались успехом. Таких произведений у писателя нет. Он – чисто русский писатель с украинскими корнями. Как и многие из нас. В том числе и я.

5. Ежели у нас разговор зашёл об Украине, то как Вы относитесь к событиям последних лет на Украине? И конкретно к Вашей бывшей малой родине?

Если сказать одним словом, то ОТРИЦАТЕЛЬНО!

На Украине я родился и прожил первые пятнадцать лет и никогда не думал, что пройдут десятилетия и в этой некогда процветающей союзной республике возродится нацизм. Но обвинять весь украинский народ в этом никак нельзя. Майданы и госпереворот на Украине в 2014 году организовали представители Галичины, они же и захватили власть в стране. Не думая о последствиях, они выполняют все команды из-за океана. В этом ещё можно было сомневаться, пока нынешний президент Зеленский в угоду США, да и Евросоюзу тоже, испортил по-настоящему братские отношения с другим соседним государством во главе с Александром Лукашенко, который до последнего дружил с современным украинским режимом.

Затеяв декоммунизацию и десоветизацию, украинские власти не подумали о том, что в итоге срубили сук, на котором сидят. Владимир Владимирович Путин очень справедливо считает, что в 1922 году при создании СССР не прописали

порядок выхода из него. При том что такое право союзным республикам предоставлялось. А если бы порядок выхода был в Договоре об образовании Союза прописан, то после 1991 года Украине пришлось бы вернуть все земли, которая она получила после 1922 года. Об этом почему-то Зеленский не говорит?! Ибо ему это невыгодно.

Что касается моей малой родины – Запорожской области, – то, к счастью, там проживают люди, в основной своей массе не враждебные нашей России. Хотя в семье не без уродда. Долгие годы я переписываюсь на сайте «Одноклассники» с одной из своих сельских одноклассниц, и за это время она ни одного плохого слова не сказала о моей второй малой родине, где я проживаю уже почти полвека – Самарской области, как в целом и о России.

6. После Вашего отъезда с родителями в 1971 году Вы бывали на Украине?

До 1991 года в этом для меня не было никаких проблем. В составе туристических групп я посетил Киев в 1977 году, Чернигов в 1988 году, Одессу в 1989 году, а самостоятельно – Запорожье и Днепропетровск в 1991 году. Побывал и на своей малой родине в селе Малиновка Гуляйпольского района. Село изменилось до неузнаваемости, но люди в нём были такими же жизнерадостными, как и в мою бытность. Встретили меня не как гостя с берегов Волги, а как своего земляка. Особенно тёплый приём мне оказали мои бывшие учителя Ольга Ульяновна и Александр Григорьевич Плетень. Вернувшись в Тольятти, я их с коллегами отблагодарил, написав и отослав в Гуляйполе в редакцию районной газеты свою статью о тех, кто учил меня когда-то в Малиновской восьмилетней школе. Статью к началу нового учебного года напечатали. На русском языке. Найти её сейчас вряд ли возможно. Русский язык сегодня на Украине вне закона.

7. Среди Ваших мемуаров, опубликованных на Вашей странице на портале «Проза.ру» есть и мемуары о некогда родных украинских местах. Как их воспринимают Ваши земляки?

Хороший вопрос. Читают многие, но комментарии писать могут только зарегистрированные на портале пользователи. А таким пользователем является моя бывшая одноклассница Надя Ткачун. С её слов я знаю, что мои мемуары о Малиновке читает в селе не только она. Но присылают мне на сайте «Одноклассники» отзывы и земляки, проживающие вдалеке от родного села. Приятно было, например, мне читать отзыв от сына покойного председателя колхоза «Родина» Валентина Рекотова – Сергея. Но для меня не менее приятно, что читают мои мемуары и читатели, никогда в Малиновке не проживавшие. Но их предки оттуда. К ним относится, например, Валентина Руденко (Жестовская) из Днепропетровска (язык не поворачивается этот родной город моего покойного крёстного Тищенко Владимира Петровича назвать Днепром).

8. А как земляки оценивают рассказы, написанные Вами на реальных событиях?

Увы, это беда не только моих земляков. Но в большей степени, конечно, касается их. У меня есть рассказы, сюжет которых взят оттуда. Показательным в этом вопросе является мой рассказ «Случайный выстрел». Это строго художественное произведение, основанное на творческом вымысле. А не документальный очерк. Это понимает только Надя Ткачун. Остальные сельские читатели мне предъявляют претензии в искажении фактов в произведении.

За основу сюжета рассказа я, действительно, взял трагический случай, происшедший в селе у моих соседей Дехтярь. Глава семьи Гавриил являлся крёстным моей маме. Он

считался охотником, имел на законном основании ружьё с патронами. К ним на лето приезжали внуки. С ними проживала самая младшая дочь Оля.

Когда она закончила седьмой класс, к ним приехали её племянники Лёня и Серёжа, оба несовершеннолетние. У последнего было весьма нехорошее хобби. Если мальчишки собирали марки, этикетки от спичек, то он ходил по селу и собирал гильзы и поржавевшие патроны, оставшиеся после освобождения села от фашистов в 1943 году. Его также интересовало оружие. Однажды он полез на чердак и нашёл охотничье ружьё деда. Стал с ним ходить по двору, целясь в птичек. Нажать на курок не получалось. Да ему и в голову не могло прийти, что ружьё заряжено. Когда из дома вышла тётя Оля, он нацелился на неё. Та без задней мысли, подняв левую руку, пошутила: «Серёжа, не стреляй, я жить хочу». Но произошло непредвиденное: прозвучал выстрел, и девочка медленно опустилась на землю, прикрывая смертельную рану рукой. Спасти её не удалось.

Что случилось с невольным убийцей, я не знаю. Но моё творческое воображение нарисовало мне картину, которую я и перенёс в рассказ.

9. У Вас есть замечательная повесть, но с трагическим концом, «Вещий сон невесты». Как она Вами была написана?

Она тоже написана на реальных событиях. Произошли они в 1950-х годах в Гуляйпольском районе. Прототипом главного героя являлся один из районных трактористов, принимавших участие в строительстве в начале 1960-х годов Центральной улицы нашего села. В повести 60% правды, и только 40% относится к творческому вымыслу. Тем не менее это не документальный очерк с подлинными фамилиями, а художественное произведение с вымышленными фамилиями и именами.

Эта повесть далась мне труднее трёх других, которые я написал после двухсот рассказов. Я много раз начинал её писать, но каждый раз слёзы не позволяли мне этого сделать. Мне жаль было и погибшую девчонку, и пострадавшего без вины молодого тракториста. Взяв себя в руки, я повесть дописал до конца.

Второй повестью, написанной на реальных событиях, является «Прощай, родной завод!». В ней я отразил печальную судьбу моего предприятия, где работал почти четыре десятилетия. А вот повести «Встреча бывших одноклассников» и «Родом из села» – это следствие моего творческого воображения, посетившего как-то меня перед сном.

Я очень надеюсь, что со временем все мои четыре повести будут экранизированы полнометражными фильмами. Пока что у меня экранизированы только два рассказа «Случай на кассе» и «Сосед по гостиничному» номеру». Но фильмы короткометражные.

10. У Вас написано 35 рассказов для детей, есть самый любимый?

Это рассказ «Наседка». Он написан на реальных событиях с творческим вымыслом и посвящён моей бывшей сельской однокласснице, а ныне учительнице начальных классов Надежде Ткачун. Понятно, что её мама, являющаяся прототипом мамы в рассказе, учительницей никогда не работала, а всю жизнь трудилась в колхозе.

11. На Вашей странице на портале «Проза.ру» опубликовано 47 рассказов о любви. Какой самый любимый?

Пожалуй, что рассказ «Одна в доме». Посвящён он моей сельской однокласснице Наташе Двойниковой. Идея написать рассказ у меня появилась, когда Надя Ткачун сообщила мне, что у Наташи умер муж и она осталась одна в селе со-

седней Днепропетровской области. Я так понял, что дочь её с мужем живёт в городе. Услышав эту печальную новость, мне захотелось сделать Наташу счастливой в рассказе с помощью творческого вымысла. Я это сделал. К сожалению, она с интернетом не дружит. И не догадывается, конечно же, что произведение посвящено ей. И вряд ли когда-нибудь догадается, так как там героиню зовут по-другому. Для меня же главное, что в итоге получился очень интересный, по словам читателей, рассказ. Мне и того достаточно.

12. А что Вы скажете о любимом рассказе из серии о войне? Их у Вас 18.

Тут двух мнений быть не может, это рассказ «Учитель-фронтовик», посвящённый моему сельскому учителю в шестом классе Пилипенко Фёдору Васильевичу. Это художественное произведение, но у меня есть и мемуары, ему посвящённые. Перед его памятью я преклоняюсь и сегодня.

Вторым любимым рассказом является «Я выбрала жизнь». Он также основан на реальных событиях. Одной из героинь рассказа, которая вернулась домой из Германии, является покойная двоюродная сестра моей мамы Лидия Куц из Гуляйполя. Их с подругой во время войны действительно угнали в Германию на принудительные работы. Оттуда вернулась только тётя Лида, а подруга оказалась в США, её действительно спас американский офицер.

13. Из скромности Вы называете себя писателем-любителем, но, судя по опубликованным на портале «Проза.ру» семистам произведениям, Вы уже планку любителя преодолели. Не собираетесь ли Вы в связи с этим вступить в один из двух российских писательских союзов?

Подожду, пока они объединятся в один. Шучу, конечно. Нет, не собираюсь. Я не Михаил Шолохов, который писал по зову своего сердца, а оно принадлежало, как известно, партии. Из неё я вышел в 1990 году, ровно за год до того, как она приказала долго жить. Я сейчас не состою ни в каких политических организациях и союзах, и вступать не собираюсь, хотя соответствующие предложения получаю. Я – свободный писатель, который зависит только от моего творческого воображения. Я заранее не знаю, что оно мне преподнесёт в любой момент. Только так могут появляться настоящие художественные произведения.

14. Написание своих произведений не мешает Вам читать не Ваши произведения?

Разумеется, нет. Я стараюсь не пропускать ни одного произведения, опубликованного на портале «Проза.ру» в рубрике «Колонка редактора». Периодически читаю и произведения моих избранных авторов.

Но вопрос, видимо, подразумевает в первую очередь чтение классической литературы. Так вот, из иностранной классической литературы я уже несколько раз перечитал «Трёх мушкетёров» Александра Дюма-отца. Что касается отечественной классической литературы, то сейчас я перечитываю (в какой уж раз?!) «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева. Меня особенно захватывает чтение двух его записок: «Бежин луг» и «Лес и степь». Читаешь их и наслаждаешься прекрасной русской природой.

Из других классических произведений я периодически перечитываю Льва Толстого, Михаила Лермонтова, Александра Пушкина, Николая Некрасова, а также двух Алексеев Толстых: Николаевича и Константиновича. У последнего мне очень нравится «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

15. А как Вы попали в 2016 году в номинацию конкурса «Народный писатель» на портале «Проза.ру»?

За это я должен благодарить одного из экспертов конкурса. Дело в том, что на номинацию «Народный писатель» выдвигали произведения не сами авторы, а соответствующие эксперты. То, что меня выдвинули, меня здорово удивило, ведь к тому времени я на портале «Проза.ру» находился всего год. В финалисты я не попал, но по результатам читательского голосования (5-е место) был включён в «Золотой фонд» конкурса «Народный писатель». Это явилось для меня «бальзамом на душу», ибо перед этим меня здорово обидел Международный конкурс ВСМ, давший моему рассказу «Учитель-фронтовик» тридцатое из тридцати одного место. С ним я распрощался, тем более что организатор конкурсов ВСМ проживает в Израиле. А я патриот своей Родины – России.

Я долго не мог выяснить, кому же должен говорить «Спасибо!» за номинацию «Народного писателя – 2016»? Выяснил случайно: экспертом номинации на премию «Народный писатель – 2016», выдвигавшим мои произведения, являлась Татьяна Морозова, которая выступает на портале «Проза.ру», как и свои книги публикует – под прекрасным псевдонимом Яна Варшавская. Низкий поклон ей за это!!! К огромному сожалению, премия «Народный писатель» после 2016 года не проводится.

16. Среди Ваших статей, опубликованных на портале «Проза.ру», четыре выделяются особо. Как Вы раньше относились и как относитесь сегодня

к лидерам Белого движения в России во времена Гражданской войны?

Раньше на моё мнение о Деникине, Юдениче, Колчаке и Врангеле сильно влияли учебники истории, по которым мы учились в школе. Учебникам «помогали» советские фильмы: «Железный поток», «Гроза над Белой», «Угол падения», «Лавина с гор», «Пыль под солнцем», в которых белогвардейцев показывали в неприглядном свете. Когда исчезла компартия с Советской властью, то оказалось, что те же лидеры Белого движения воевали за Россию, как и большевики. Им начали ставить памятники, снимать фильмы. Трудно представить реакцию населения СССР, если бы в те времена по одному из двух (сейчас их трудно сосчитать) телеканалов показали фильм о Колчаке. Или в новостях сообщили, что прах Деникина перевезли в Россию.

Я считаю, что для того, чтобы трагедия 1917 года в России никогда не повторилась, надо раскрыть все архивы того времени, сказав всю правду и о белых, и о красных, и о зелёных.

17. А как Вы относитесь к тем, кто сегодня пытается раскачать лодку, в которой мы все находимся, под названием Россия? Речь о Навальном и его сторонниках.

Как патриот своей Родины я осуждаю их действия, ибо они не ведают, что творят. Так называемая пятая колонна в России наносит ей не меньше вреда, чем «доброжелатели» из-за рубежа. Это ж надо до такого додуматься, чтобы ШТАБ НАВАЛЬНОГО (признан террористической организацией и запрещён на территории РФ) список российских граждан и передавал их нашим врагам за границей для объявления санкций!..

18. А Ваше отношение к бывшим советским вождям?

К Сталину весьма отрицательное. Говорят, он превратил страну из крестьянской в индустриальную. Но какой ценой! Руками десятков тысяч узников ГУЛАГа?! Я только недавно узнал, что в строительстве нашей ГЭС на Волге принимали участие заключённые местного ГУЛАГа. Вы только вдумайтесь в эту цифру: на стройке были задействованы 46 тысяч 600 заключённых Кунеевского ИТЛ! Хотя, может, цифры и преувеличены.

Говорят ещё, что Сталин выиграл войну. Да если бы накануне её по его вине не были репрессированы в армии десятки тысяч офицеров, не были расстреляны почти все маршалы, если бы он поверил разведке о точной дате нападения Германии на СССР, не репрессировал за это как провокаторов, а привёл войска в полную боевую готовность, то фашисты никогда до Волги бы не дошли, в крайнем случае – до берегов Днепра.

Хрущёва я в отличие от Сталина уже застал, правда, в малолетнем возрасте. «Разобраться» с ним смог только повзрослев. Единственная его заслуга, на мой взгляд, это XX съезд партии, арест и расстрел Бериин. Трудно себе представить, что было бы со страной, если бы на месте Никиты Сергеевича оказался Лаврентий Павлович! А вот за Новочеркасск 1962 года ему прощения нет. И не будет. Устроить расстрел мирной демонстрации – до этого даже Сталин не додумался, отстреливая противников его власти поодиночке руками НКВД.

Что касается Брежнева, то мужик он был неплохой. И если бы он не допустил Афганистан-1979 и Олимпиаду-1980, то, может, и не понадобилась бы горбачёвская Перестройка.

Самая большая ошибка Михаила Сергеевича – что он увлёкся гласностью, а надо было идти по китайскому варианту. И компартия бы была у власти, и народ был бы сыт и доволен. Гласность же подняла из завалов истории местных на-

ционалистов в союзных республиках. И ещё, нет прощения Горбачёву за то, что он заявил, якобы без Украины, где верховодить стали потомки бандеровцев, невозможно сохранение Союза. Надо было подписывать подготовленный новый союзный договор с теми республиками, которые готовы были его подписать. Пусть бы осталось не пятнадцать, а десять республик. К сожалению, случилось то, что случилось.

Я упустил ещё двух советских руководителей – Андропова и Черненко. Но о них много говорить не приходится из-за кратковременного нахождения у власти, тем более с пошатнувшимся здоровьем.

19. Сейчас модно критиковать школьное просвещение. Что бы Вы сделали, будучи Министром просвещения?

В первую очередь отменил бы пресловутые ЕГЭ и ОГЭ. Во-вторых, старшие классы, десятый и одиннадцатый, разбил бы на углублённое изучение отдельных предметов. Сейчас подобное есть в целом по школам. Но ведь в школе не все с этим согласны. А так, по классам, было бы нормально. Скажем, 10-й «А» и 11-й «А» углублённо изучают математику, физику и химию, 10-й «Б» и 11-й «Б» углублённо изучают русский язык, литературу, историю, иностранный язык. Для чего это надо? Сужу по себе.

В девятом и десятом классах в начале 1970-х годов я, любитель истории, русского языка, литературы, вынужден был тратить драгоценное время на изучение математики, физики и химии, которые мне в дальнейшей жизни нигде не пригодились. Как и при поступлении в университет на юридический факультет.

20. В университете Вы изучали латинский язык, а как Вы относитесь к тому, чтобы сделать его международным вместо английского?

Двумя руками «За». В университете я изучал немецкий язык, но когда я беседовал с однокурсниками, изучающими английский язык, то они мне говорили, что латинский язык изучить значительно легче. Сейчас латынь считается «мёртвым» языком, хотя на нём разговаривает католическая Церковь. Я думаю, что из-за хамского поведения в мире США многие страны со временем откажутся не только от доллара, но и от их языка. На смену английскому языку международным вполне может стать язык латинский.

21. У Вас есть домашняя библиотека?

А как же без неё! Но состоит она у меня в основном из произведений русской классики. Иностранную я не читаю, я патриот своей Родины – России.

22. Участвуя в коллективных сборниках издательства «Серебро Слов», Вы получаете в итоге бесплатно десять экземпляров книг. Что Вы с ними делаете? Храните все десять на книжной полке? Или сдаёте для продажи в книжный магазин?

Ни в коем случае. Себе я оставляю по одному экземпляру, остальные дарю библиотекам, родственникам и знакомым. Но в первую очередь, разумеется, дарю героям моих мемуаров. За что получаю от них благодарность.

23. А какие газеты и журналы вы сегодня выписываете?

Сегодня? Никаких. Всю информацию получаю из интернета. Хотя на сто процентов ему доверять нельзя. В мире идёт информационная война.

Однако было время, когда я выписывал, как член КПСС, газету «Правда», журнал «Коммунист», как студент-заочник

юридического факультета выписывал журналы «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Правоведение», «Хозяйство и право», «Человек и закон». Но это всё в прошлом.

24. Интересный вопрос: когда Вы были последний раз в кинотеатре?

Ответ будет не менее интересным. В кинотеатр «Сатурн» я последний раз ходил в конце прошлого века. Причин тут две. Первая: сейчас любой фильм я могу посмотреть, не выходя из дома, включив интернет. Вторая, более уважительная. Если раньше я сидел в кинотеатре, спокойно смотрел фильм и не боялся, что с задних рядов мне на голову что-то полетит, то сейчас этого гарантировать нельзя. А тут ещё вмешался без спроса коронавирус.

25. Смотрите ли Вы современные ремейки старых советских фильмов?

Ни за какие, как говорят, гроши. У меня к ремейкам выработалось отвращение. Я не могу их смотреть и пять минут. Ремейков, к сожалению, в последнее время сняли довольно много. Последний из них – «Угрюм-река». Переиграть Людмилу Чурсину ещё никому не удавалось. Так же, как переиграть Глебова и Быстрицкую в ремейке «Тихий Дон», или Николая Олялина в ремейке фильма «Обратной дороги нет» под названием «Исчезнувшие». Так и просится на повестку дня Федеральный закон о запрете ремейков. Снимайте своё, но не трогайте киноклассику.

26. А как Вы относитесь к советским актёрам-эмигрантам?

Однозначно как к предавшим свою Родину. За исключением тех случаев, когда их вынудили уехать из страны. Но были и другие случаи.

Так, Олег Видов («Всадник без головы») уехал в Америку, по уши влюбившись в американку. Елена Соловей уехала, чтобы вылечить больного мужа. К ним вопросов у меня нет.

Есть вопрос к покойному Савелию Крамарову. Чего ему не хватало в Советском Союзе? Его киношной славе многие завидовали, и не только в СССР.

27. В кинотеатры Вы не ходите, а телевизор смотрите?

Современный телевизор без вреда здоровью смотреть нельзя. Конечно, не смотрю. Просто противно смотреть все эти «Пусть говорят», «Давай поженимся», «Прямой эфир», «60 минут» и им подобные. Полоскать грязное белье приглашённых в студию людей на всю страну – это аморально. К сожалению, конца этому не видеть.

28. А что Вы скажете о нынешней срочной службе в армии всего один год? Вы сколько служили?

Один год службы можно только приветствовать. Нам в середине 1970-х годов довелось служить два года. Мне ещё повезло, я служил в железнодорожных войсках, строящих Байкало-Амурскую магистраль. Мы, воины-железнодорожники, были первыми. Сначала находились на 18-м километре от Тынды Восточного участка БАМа, а увольнялся я в запас уже с 41-го. Все два года мы находились на природе в сибирской тайге, которую описать невозможно, надо только видеть. У нас не было никаких заборов, в отличие от воинских частей в городах. Но и это ещё не страшно. А каково было ребятам три года служить на подводных лодках? Страшно подумать даже. А они ведь служили.

29. Что у Вас берёт верх, писатель, мемуарист или публицист?

Всего понемногу, но больше всего, разумеется, писатель. Писать рассказы с творческим вымыслом куда приятнее, чем строго придерживаться фактов в мемуарах и статьях.

30. Вопрос последний: беспокоит ли Вас ностальгия по покинутой полвека назад малой родине?

На этот вопрос, мне кажется, ответит лучше всего советская песня о родном крае, где есть такие ностальгические строки:

На этой огромной планете, сынок,
Под куполом вечных небес
Есть множество всяких путей и дорог,
И разных диковинных мест.
Но где б ты вдали ни бродил, всё равно
Ты помни, встречая рассвет,
Что место одно есть такое, одно,
Где ты появился на свет.

Вот только воспользоваться следующим советом не могу:

Ты песню сейчас о дорогах поёшь,
Но время наступит, сын мой,
Когда ты приедешь сюда и поймёшь,
Что ты возвратился домой.

Возвратиться на малую родину, однако, не смогу не потому, что прожил вдалеке от неё полвека. Мать моего племянника Жени со вторым мужем, прожившие в городе Тольятти чуть меньше моего, доработав до пенсии, вернулись к себе на малую родину, в Краснодарский край, в родную станицу.

Не смогу вернуться потому, что Украина сегодня оказалась самой, пожалуй, враждебной страной после США по отношению к моей второй малой родине – России, которую я люблю и никогда не предаю.

Онкология – не приговор

Мемуары

Несмотря на то, что второй год на планете бушует коронавирус, неизвестно откуда свалившийся на головы землян, онкология никуда не делась, а продолжает сокращать жизнь тем же землянам. Понятно, что страх заразиться коронавирусом немного отодвинул на задний план страх заболеть онкологическим заболеванием, в просторечии – раком. Но тем не менее страх остаётся, ибо по-прежнему бытует мнение среди населения, что «онкология – приговор». До недавнего времени автор настоящих строк был такого же мнения. Сейчас же он считает, что онкология – не приговор. Но при двух условиях.

1. Когда онкологию выявляют на первой-второй стадиях.
2. Когда врачи устанавливают правильный онкологический диагноз.

Если первое условие на сто процентов зависит от самого пациента, обязанного периодически проверять своё здоровье, то второе от него не зависит. Это – ответственность врачей-онкологов.

Сейчас речь как раз и пойдёт о втором условии.

В январе 2018 года я, проснувшись рано утром, собираясь ехать на работу после праздничных дней, почувствовал в нижней части брюшной полости тупую боль. В подобных случаях я сразу же прохожу УЗИ. Благо в нашем микрорайоне есть платная поликлиника, где за деньги, но безо всяких талонов можно пройти УЗИ любого органа.

УЗИ показало увеличение лимфоузлов в брюшной полости. На следующий день я не поленился, встал до рассвета и помчался в заводскую поликлинику за талоном на приём к терапевту. А вечером после работы сидел уже возле знакомого кабинета терапевта Бельченковой.

Изучив самым внимательным образом результаты УЗИ брюшной полости, Татьяна Николаевна, как опытейший врач-терапевт, имеющий на тот момент сорокалетнюю практику, не стала сразу же соглашаться с заключением врача, проводившего УЗИ. Та написала предполагаемый диагноз – лимфоаденопатия. «Будем диагноз уточнять, – сообщила она мне, – но для начала надо сходить на приём к онкологу». Одновременно с направлением к нему медсестра Анна Вениаминовна Желтова, не дожидаясь указания терапевта, выписала мне направление на общий анализ крови.

Идти к терапевту повторно только ради общего результата крови я не стал, решил сначала сходить к онкологу. В нашей заводской поликлинике, как и в других поликлиниках Автозаводского района города Тольятти, врачей-онкологов нет. Все они находятся отдельно в Онкологической поликлинике при городской больнице.

Приём там осуществляется по предварительной записи. Это и понятно. В порядке живой очереди не получится: просто до тебя очередь в тот день не дойдёт. Я с направлением терапевта отправился после работы (все врачи работают в две смены с 8:00 утра до 20:00 вечера).

Онколог меня принял, прощупыванием установил, что лимфоузлы увеличились не только в брюшной полости, но на шее и под мышками, хотя в двух последних местах они меня не беспокоили ни разу. После этого взял с лимфоузлов на шее пункцию. За результатом велел прийти позже.

Я пришёл, как было велено. «Могу предварительно тебя обрадовать, – сообщил мне врач, – онкологии не выявлено,

но надо ещё уточнить». После этих слов он мне выписал направление в онкологический стационар на биопсию шейного лимфоузла.

Тогда я не знал, что биопсия в отличие от пункции является операцией и, чтобы на неё попасть, надо сдать семь анализов крови, пройти флюорографию, кардиограмму сердца и принести заключение терапевта.

Поэтому я отправился досрочно снова к своему терапевту. Их по графику привлекают к прохождению работниками ежегодных медицинских профессиональных осмотров. Однако мне повезло: Татьяна Николаевна и Анна Вениаминовна находились на своём рабочем месте в поликлинике.

– Я, конечно, дам вам направление, сейчас Аня выпишет, на все требуемые анализы и процедуры, – сказала мне Бельченкова, – но... меня волнует ваш прошлый общий анализ крови, там слишком много обнаружено лейкоцитов, норма во много раз превышена. Если сопоставить заключение УЗИ брюшной полости и количество лейкоцитов в крови, то, я думаю, диагноз лимфоаденопатия в данном случае исключается. Все признаки хронического лимфолейкоза, но понятно, что точный диагноз может установить только врач-гематолог. Но биопсию в онкологии всё равно проходите, так как гематолог без неё точный диагноз установить не сможет. Надо вам сходить на приём к гематологу.

Гематологов в поликлиниках тоже нет, они также находятся в больнице Автозаводского района. Там приём осуществляется по предварительной записи. Я записался. Но, сдав все анализы, отправился на биопсию в больницу в онкологическое отделение. Спустя десять дней меня выписали с диагнозом «Мелкоклеточная (диффузная) лимфома». Это – онкология.

С выпиской я помчался к своей спасительнице – терапевту Бельченковой. Она, прочитав заключение онколога, сказала мне: «Спорить с биопсией я не могу, но не будем спешить

с окончательным диагнозом. Пройдите обязательно консультацию гематолога».

– Татьяна Николаевна, – не выдержал я, – а как мне быть, онколог мне на основании биопсии дал направление в областной Самарский гематологический центр на комиссию по рациональному назначению лекарственных средств. Я уже звонил в Самару, записали меня только через месяц. Боюсь, что не успею получить к этому времени заключение гематолога.

– Без заключения гематолога не езжайте, попросите, пусть поторопятся.

Сроки поджимали, но, к счастью, Бог послал мне в помощь гематолога Гусеву Наталью Александровну. После проведения обязательной стерильной пункции она попросила лаборантов выдать мне на руки миелограмму не через день, как обычно, а на следующий день. Но кроме этого велела взять у терапевта направление и срочно съездить в Самару в одну из клиник медицинского университета и сдать анализ на иммунофенотипирование периферических клеток крови. Я съездил.

Указанный анализ полностью подтвердил предположение и терапевта моего, и гематолога, что имеются все признаки хронического лимфолейкоза. В итоге я поехал в Самару на комиссию с двумя заключениями: онколога (мелкоклеточная (диффузная) лимфома) и гематолога (хронический лимфолейкоз).

Изучив все представленные мной медицинские справки и заключения, областная комиссия установила мне окончательный диагноз: хронический лимфолейкоз, – назначив в качестве лечения шесть курсов химиотерапии.

Последний, шестой, курс я прошёл 28 февраля 2019 года. После этого ещё раз по рекомендации гематолога Гусевой Н. А. и по направлению терапевта Бельченковой Т. Н. съездил в Самару и прошёл иммунофенотипирование пери-

ферических клеток крови. Оно подтвердило норму лейкоцитов в крови. Как перед этим УЗИ подтвердило, что лимфоузлы тоже пришли в норму. После этого гематолог мне дала долгожданное заключение: наступила РЕМИССИЯ. Сколько она продлится, один Бог знает. Первого марта 2021 года пошёл третий год ремиссии. Однако я хочу сказать о другом.

Я до сих пор с ужасом думаю: что бы со мной было, если бы меня стали лечить в онкологии от мелкоклеточной (диффузной) лимфомы? А в это время хронический лимфолейкоз перешёл бы из второй стадии сначала в третью, а потом и в последнюю, четвёртую. С вытекающими последствиями.

Поэтому я преклоняюсь перед профессиональным врачебным мастерством терапевта Бельченковой Татьяны Николаевны и гематолога Гусевой Натальи Александровны. Дай Бог им здоровья и долгих-долгих лет жизни. Особая благодарность медсестре терапевта Желтовой Анне Вениаминовне, ибо её рукой продолжают выписываться мне направления на всевозможные анализы и процедуры, которые я обязан по рекомендации гематолога проходить периодически у терапевта, а потом являться на консультацию к ней.

Эти воспоминания мной написаны по просьбе некоторых пациентов, с которыми я проходил химиотерапию. Их просьба понятна: показать на собственном опыте, что диагноз «онкология» не является приговором. Он успешно лечится, когда соблюдаются два условия, указанные выше.

Владимир Лысинский

Мемуары

Моей маме идёт 86-й год, но она до сих пор удивляется, как смогла в 1971 году в возрасте 36 лет уговорить отца забрать нас с братом и навсегда покинуть родное село, уехав в... неизвестность. Для неё, понятно, построенный на бере-

гах Волги в российском городе Тольятти Волжский автомобильный завод ни о чём не говорил, видимо, потому, что мы жили в селе, но по всему Советскому Союзу шла, как сейчас это происходит, «навязчивая реклама». И люди, побросав свои дома, а то и городские квартиры, устремились на Волгу. В число их попали и мои родители. Из села мы уехали.

А вот тут уже я удивляюсь, что никто больше из моих земляков в Тольятти не переехал следом. Хотя им-то было к кому ехать, мы быстро на новом месте обустроились.

Сказать, что в Тольятти мы оказались «одни на белом свете», разумеется, нельзя. С нами одновременно приехали сюда родная сестра отца с семьёй, тоже из нашего села. А также – двоюродная сестра мамы с семьёй. Из Донецка.

У последней тоже было два сына – Саша и Володя. Нет, я не ошибся, указав прошедшее время. Дело в том, что Владимир Васильевич Лысинский 9 января 2021 года отправился в мир иной в возрасте 63 лет. Выявленная онкология последней стадии не оставила ему шансов выжить.

А полвека назад, в августе 1971 года, Володя с Сашей оказались той «соломинкой», за которую мы с братом Федей схватились, оказавшись в незнакомом городе за тысячу километров от родного украинского села.

И сразу же, как только они приехали (неделей позже), у нас жизнь стала веселей. Читатель спросит, а почему не стала в день приезда вашего, ведь с вами приехали ещё двоюродный брат и двоюродная сестра? Потому что лучше иметь врагов, чем таких родственников. Когда 12 апреля 2015 года умер от инсульта мой брат Федя, то ни «сестра» эта («брат» её умер давно), ни её мать (отец умер ранее) не посчитали нужным прийти и проводить его в последний путь. Наверное, даже звери так не поступают. Бог им судья, тем более что «тёти» тоже уже нет в живых.

Однако вернёмся к моему троюродному брату Володе Лысинскому.

В Тольятти мы с ним приехали восьмиклассниками. С той лишь большой разницей, что он учился все семь предыдущих лет в русской школе города Донецка, а я – в чисто украинской сельской. Несмотря на это, учился он слабо и после восьмого класса пошёл учиться в профессиональное училище. Я же продолжил обучение в девятом классе средней школы, ибо после неё собирался поступать в вуз. На мой взгляд, тут может быть одна причина, причём весьма существенная: я родился 15 октября 1956 года, но пошёл в первый класс в 1964-м, то есть годом позже, почти с восьми лет. Он же родился 6 ноября 1957 года, но пошёл в первый класс годом раньше, в том же 1964 году, что и я. Получается, в возрасте 6 лет и десяти месяцев. Почему? Для меня это так и осталось загадкой. Но всем известно: чем школьник старше, тем учиться ему легче вместе с младшими. И – наоборот.

С Володей мы дружили с первых дней приезда в Тольятти. Хотя мы оба жалели, что учиться попали в разные школы: я – в девятую, он – в двадцать седьмую. Школы располагались не слишком далеко одна от другой. Просто девятая была старше двадцать седьмой, получается, на восемнадцать школ. А по времени их появления в городе – это целая вечность. Здесь и коллектив был «спетым», и атмосфера отличалась дружелюбием, ибо мои восьмиклассники, к которым я попал, учились вместе с первого класса. Чего не скажешь о той, другой, школе. Там и учителей собирали по округе, и учащиеся срывались с насиженных мест. Ведь всем известно, от кого в первую очередь избавляются коллективы, когда появляется такая возможность. В этом плане Володе здорово не повезло. Я ему сочувствовал.

Вместе ходили в кино. Больше всего мне запомнился казахский фильм «Конец атамана», который мы с Володей смотрели в кинотеатре «Буревестник». Вместе с родителями ездили отдыхать на Волгу. Нет, я снова не ошибся, написав слово «ездили». Пешком мы ходили купаться и загорать

в Автограде. На Волгу. Возникает вопрос: а зачем куда-то ещё ездить? Всё дело в том, что Тольятти расположен возле водохранилища, или возле так называемого «Жигулёвского моря», а настоящая Волга продолжается за городом после ГЭС.

Если в первый класс умудрился пойти в один год со мной, то с армией этот номер не прошёл: служить его призвали годом позже, как и положено. Род войск у нас здорово различался. Я два года в составе железнодорожных войск строил БАМ, а он два года ловил нарушителей на советско-польской границе в районе Бреста в составе пограничных войск. По-моему, ни одного не поймал, так как в то время данная граница считалась границей Дружбы. Чего не скажешь о дне сегодняшнем. Польша вместе с Украиной являются по отношению к нашей любимой России весьма враждебными государствами. Как и к Беларуси. Не позавидуешь белорусским ребятам-пограничникам, несущим там службу.

После службы Володя устроился на Волжский автомобильный завод. Однако поработать долго не смог. По моей «вине».

К тому времени я уже год находился на «гражданке», работал на ВАЗе, а по вечерам ходил на дежурство в Оперативный комсомольский отряд дружинников подшефного микрорайона. Володя как-то напросился пойти со мной. Я не отказал, не зная, что за этим последует.

Вскоре он с завода ушёл, поступив на службу в милицию. Приглашал и меня, но по состоянию здоровья разделить с ним компанию я не мог.

Сначала на сержантской должности Лысинский работал в дежурной части Автозаводского РОВД Тольятти. Однако вскоре один из участковых инспекторов, работавших в опорном пункте охраны порядка подшефного микрорайона, а потом перешедший в другой ОПОП, Степан Сикора, забрал его к себе. Таким образом, из положенных двадцати пяти лет

Владимир Васильевич работал более половины на самом, пожалуй, ответственном участке в милиции – участковым инспектором. Потом были другие руководящие должности. На пенсию он уходил в звании подполковника.

Всё это время Володя состоял в военкомате на спецучёте. Его в отличие от меня не призывали периодически на сборы. Но тут есть один минус для него. Оба в армии мы служили рядовыми. После службы я, окончив университет и получив воинское звание лейтенант, ездил с этими погонами на военные сборы. Он же, дослужившись в милиции до подполковника, так и остался в военкомате рядовым.

Сидеть дома «на печи» в сорок пять лет Лысинский не стал и устроился на работу в какую-то лабораторию, где успешно трудился, пока не отправился на больничный в страшном високосном и коронавирусном 2020 году. С него, увы, на работу он не вернулся.

6 ноября 2020 года я по телефону поздравил Володю с днём рождения, ему исполнилось 63 года. Поскольку он находился на больничном, я пожелал ему скорейшего выздоровления. Пожелание принял, но меня озадачил:

- Петя, ты сколько курсов химиотерапии прошёл?
- Все шесть, а что?
- Ты не будешь против, если чуть позже расскажешь мне об этом подробно?

Тут мне в прямом смысле слова стало не по себе, и я спросил:

- Володя, так химиотерапия проводится при онкологическом заболевании. У тебя что, его выявили?
- Получается так.

После этого я стал его успокаивать, что онкология – это ещё не приговор, не зная о том, что она у него была уже на последней стадии.

9 января 2021 года моего дорогого троюродного брата Владимира Лысинского не стало. Возможно, с Небес он сей-

час наблюдает, как я пишу эти горестные о нём воспоминания, наблюдает и вспоминает наш общий приезд на берега Волги в августе 1971 года. При этом, не сомневаюсь, продолжает благодарить мою маму, с помощью которой он покинул навсегда Донбасс, с 2014 года объятый пламенем гражданской войны на Украине, и прожил в России достойную жизнь. До последнего он поддерживал с помощью телефона и интернета связь со своим дядей Иваном Лысинским, проживающим в Донецке. Жизнь дяди, с его слов, последние годы была кошмаром. К счастью, его племянник не узнал, что значит жить во время обстрелов в подвальном помещении. Вот только он и в мирное время из жизни ушёл раньше времени. Царствие ему Небесное.

Слово предоставляется секретарю парткома

Мемуары

Четвёртого марта 2020 года на 81-м году ушёл из жизни Вениамин Дмитриевич Заикин. Немного не дотянул до своего очередного дня рождения: родился 13 апреля 1939 года. Для всех нас, бывших работников Производства технологического оборудования АВТОВАЗа, это печальное событие явилось настоящим шоком. И неудивительно, ибо Заикина знали не только коммунисты производства, но и практически все работники. Уж такие две ответственные должности он занимал. Наше счастье, что их занимал Человек с большой буквы. Хотя начинал не с них.

В конце 1970-х годов в качестве начальника отдела он руководил Конструкторским отделом инструмента, оснастки и штампов. Несмотря на то, что я с февраля 1977 года (после службы в армии) работал фрезеровщиком в инструментально-штамповом цехе, а отдел Заикина, согласно названия, нас

курировал, с ним лично я не встречался. Но хорошие отзывы доходили и до моего фрезерного станка. К чертежам, которые нам выдавали в цех инженеры-конструкторы, у меня вопросов никогда не возникало. При этом я сочувствовал некоторым своим друзьям-фрезеровщикам, работавшим в других цехах, которые частенько вынуждены были тревожить своих «родных» конструкторов.

В начале 1980-х годов наш секретарь парткома Егоров Евгений Иванович ушёл на повышение в партком Волжского автозавода. На тот момент я ещё в партию не вступил и на очередной партийной конференции не присутствовал. Не знал даже, кого избрали новым секретарём. Узнал летом 1981 года, когда я успешно окончил второй курс юридического факультета университета. Вот как это было.

Вызывает меня в партком заместитель секретаря по оргработе (фамилию не помню) и говорит мне следующее:

– Уважаемый Петр Алексеевич, от всей души поздравляю тебя с успешным окончанием очередной сессии и переходом на следующий, третий, курс.

– Спасибо, – отвечаю я, не поняв, как говорят в таких случаях, юмора. – При чём тут третий курс университета и партком, я не член партии. Пока не собираюсь вступать. Надо бы окончить сначала университет.

– Но можешь, дорогой товарищ, и не окончить.

– Не понял, объясните подробнее.

– А что тут объяснять. Закончишь третий курс – придёшь к нам за подписью Заикина в характеристике. Его подпись в «четырёхугольнике» стоит на таких документах второй после директора.

– Вениамин Дмитриевич избран новым секретарём парткома?

– Да, совсем недавно.

– Понятно, что дальше?

– Короче, у меня на очереди на приём в партию состоит один уважаемый начальник цеха, но принять его я не могу при всём желании.

– Это почему?

– Не хватает заявления от одного рабочего. Девять уже написали, на той неделе будем принимать их в кандидаты в члены КПСС. Хотим принять и этого руководителя. Но надо с ним принять десять рабочих. Ты, Петр Алексеевич, десятый. Иди срочно в цех свой к секретарю партбюро и пиши заявление.

– Я подумаю.

Вышел в коридор и стал думать. Да, нас в университете предупреждали, что после перехода после третьего курса на соответствующие специализации (у меня – хозяйственно-правовая) понадобится ежегодная характеристика с места работы. Но выручать начальника чужого цеха не хотелось. У меня свои имелись кандидатуры. Этот меня не устраивал. Вступает в члены КПСС ради карьеры. Я направился прямо в кабинет секретаря парткома Заикина.

Выслушав внимательно, Вениамин Дмитриевич заулыбался:

– Нужна будет характеристика, если её подпишет твой начальник цеха, я подпишу не глядя. А тот руководитель подождёт, я не сторонник приёма в партию по разнарядке. Но, к сожалению, я не генсек, а обычный секретарь партийного комитета предприятия.

– Вениамин Дмитриевич, я напишу заявление в партию, но при условии, что на следующей неделе вы вместе со мной примете в кандидаты вот этого руководителя.

Взяв у меня из рук листок с написанной фамилией кандидата в члены партии, Заикин затем открыл какой-то журнал и стал там искать фамилию, которую я предложил. Это был список руководителей младшего, среднего и высшего звена нашего производства, желающих вступить в Коммунисти-

ческую партию. Спустя несколько секунд он журнал закрыл и произнёс: «Согласен». После принятия нас обоих и ещё по разрядке восьми человек тот руководитель мне долго жал руку в знак благодарности. Звал работать в его цех. Но я в рабочих задерживаться долго не собирался, будучи студентом-заочником юридического факультета государственного университета.

Как коммунисту мне было поручено заниматься добровольной народной дружиной производства. Трудность состояла в том, что это была в то время строго добровольная организация. Работники после трудовой смены надевали красные повязки и шли охранять общественный порядок в подшефный жилой квартал. Заставлять их против желания исполнять свой общественный долг категорически запрещалось. Об этом секретарь парткома не уставал повторять.

Я, как начальник штаба ДНД, по понедельникам присутствовал на оперативных совещаниях в парткоме и хочу сказать, что таких секретарей после Заикина я больше не встречал, вплоть до 1991 года, когда КПСС приказала долго жить. Никогда ни на кого не повысил голос, не оскорбил, не унизил. К нему в кабинет можно было заходить, как говорится, в любое время суток. Когда, разумеется, он в нём находился. В связи с этим я не один раз вспоминал, находясь в гостеприимном кабинете Заикина, как его предшественники в этот же кабинет (партком состоял не только из кабинета секретаря) заставляли меня заходить со стуком и с записью у секретаря-машинистки. Разумеется, после ознакомления с этим правилом посещения парткома ноги моей там не было. Другое дело в бытность Заикина.

Вениамин Дмитриевич не ограничивался моим докладом о дежурствах дружинников за прошедшую неделю. Частым гостем он появлялся и в общественном пункте правопорядка подшефного девятого квартала Автозаводского нашего

района Тольятти. Чем поднимал настроение уставшим за вечер членам ДНД. Особенно женщинам.

Сколько раз мы с ним пытались освободить женщин – работниц производства от указанных дежурств. Но увы, нам не позволял сделать это районный штаб дружины в лице председателя райисполкома. В принципе он соглашался с нашими доводами, но изменить график дежурств в сторону уменьшения количества дежурств не мог. Это для нас он – райисполком – считался начальством, а над ним «висели» ещё горисполком и горком партии. И пусть у нас ничего не получилось, важен сам факт, что секретарь парткома пытался решить этот вопрос: облегчить участь работниц, вынужденных после трудовой смены вместо подготовки ужина на семью и воспитания детей идти на улицу и охранять порядок. И в зной, и в стужу. После него этим вопросом никто не занимался. Несмотря на то, что заместителем нового секретаря парткома по идеологии был один из моих лучших цеховых командиров ДНД. Удивляться этому не стоит: власть, большая или маленькая, не каждому по плечу, некоторых людей она здорово портит. Вениамин же Дмитриевич доказал всем нам, что, какую бы должность он ни занимал, он прежде всего оставался самим собой, добрейшей души человеком. Не только на своём рабочем месте или на территории производства.

Однажды, находясь в областном центре на сессии, я после сдачи очередного экзамена поехал в центр города на Почтамт звонить домой маме. По пути зашёл в книжный магазин. Должен сказать, что за время обучения в университете я в местной библиотеке брал мало учебников. В основном пользовался своими, купленными в книжных магазинах. Выхожу на улицу, а навстречу мне идёт Заикин, видимо, за какой-то партийной литературой. Встретились с ним – сказать как дорогие родственники – ничего не сказать. Кто был больше рад встрече, неизвестно. Он меня стал

спрашивать о сессии, а меня интересовало, как там без меня мои дружинники дежурят.

– Да, плоховато без тебя, Петр Алексеевич, – услышал я жалобу секретаря парткома, – быстрее сдавай сессию и приезжай. Надо решать один вопрос. Думаю, без помощи дружинников тут не обойтись.

– Что за вопрос, Вениамин Дмитриевич?

– Я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. Ни пуха тебе ни пера.

Я не стал больше задавать вопросов, так как увидел, с каким нетерпением дожидается в служебном автомобиле его водитель. Но успел понять: он просто пожалел меня, чтобы забивать мою голову во время сессии другими вопросами. Вернувшись домой, после обеда, я не выдержал и пошёл к Заикину домой. Встретила меня как дорогого гостя его жена Любовь Васильевна. Прекрасный человек, такой же добрый и отзывчивый, как и её муж.

– Подождал бы до утра, Петя, – у порога произнесла она, – ваше пиво подождёт до утра.

– Что за пиво? – не понял я.

Ответить она не успела, из комнаты вышел сам хозяин:

– Ну, если ты уж сегодня пришёл, скажу в чём суть вопроса, который надо решать. Через неделю, как ты знаешь, у нас в городе состоятся выборы депутатов в местные Советы.

– Ещё бы мне не знать, я же зарегистрирован кандидатом в депутаты Автозаводского районного Совета.

– К сожалению, вопрос касается не твоего избирательного округа. Речь идёт об избирательном округе по адресу...

Когда он назвал номер, я понял, о каком пиве говорила Любовь Васильевна. В том высотном доме на первом этаже располагался пивной бар. Но туалета поблизости не было. В качестве его посетители бара использовали лестничную площадку в доме с обратной стороны. Куда только жильцы не обращались – всё бесполезно. Когда терпение у них

лопнуло, заявили, что на выборы не пойдут, если пивнушку к этому времени из дома не уберут. Как я и ожидал, Заикин предложил мне выставить возле этого дома пост дружинников. Так ему посоветовали в райисполкоме. Я согласился, но высказал своё сомнение по поводу поста.

Несколько дней мои дружинники по вечерами тащили оттуда «алкашей», которых не успевала отвозить в медицинский вытрезвитель (современная молодёжь вряд ли знает, что это такое) наша служебная машина. Но когда мы с Заикиным за сутки до выборов поинтересовались мнением избирателей, проживающих в злополучном доме, то ответ был тот же: «Убираете пивнушку – идём на выборы, не убираете – сидим дома». Пришлось срочно ставить в известность дежурного райисполкома, а тому – его председателя. Утром следующего дня я пришёл на избирательный свой участок, где меня выбирали. Народа было маловато, день только начинался, зато на соседнем избирательном участке выстроилась длинная очередь. Это пришли дружно голосовать избиратели из дома, где ещё вчера была пивнушка и которой след простыл.

Заикин всегда внимательно выслушивал тех, кто к нему обращался, но одновременно он являлся и прекрасным оратором. Хорошо помню проведение торжественного мероприятия по случаю выпуска юбилейного (кажется, 500 000-го) стартера для КАМАЗа (вначале производство наше называлось Завод генераторов и стартеров). Выступающих было много, но не всех их одинаково слушали рабочие того цеха и гости. Я внимательно наблюдал за присутствовавшими. Народ оживился только тогда, когда ведущий объявил: «Слово предоставляется секретарю парткома Заикину». Слушать его – одно удовольствие. А случай этот не единственный.

После того как Вениамин Дмитриевич побывал в Болгарии с делегацией от Волжского автозавода, мы долго не могли после очередного совещания в парткоме разойтись

по своим рабочим местам: так интересно он рассказывал о поездке. Многих присутствовавших это так заинтересовало, что когда открылся в годы Перестройки так называемый «железный занавес», то они сломя голову рванули по путёвкам в Болгарию.

Уже когда Заикин находился на пенсии, я встретил его в городе на рынке. Он увлечённо мне рассказывал о предстоящей поездке на автобусе по Европе. Сначала на слово «автобус» я внимания не обратил, но потом, разобравшись, сказал: «Я шесть лет ездил в Самару в университет на сессию и без сессии, но за два часа в пути туда на автобусе и столько же обратно так уставал, что не описать. А тут целый тур по европейским странам».

– Ничего страшного, – услышал в ответ, – я и свою племянницу с собой беру.

– Счастливого тогда пути, Вениамин Дмитриевич! – пожелал я будущему европейскому путешественнику.

К сожалению, после возвращения оттуда я его больше не встречал.

В 1983 году в нашем производстве (на тот момент уже производство генераторов и стартеров ВАЗа) сменился директор. Вокруг него начал формироваться новый ближний круг. Перемены коснулись и парткома, в котором «поселился» новый секретарь. Заикин вернулся в производство, возглавив новый Конструкторский отдел стандартов и технической документации. Что могу сказать? Я снова не могу вспомнить ни одного руководителя его ранга, чтобы он шёл навстречу обратившимся к нему работникам. Сейчас в городе на каждом шагу находятся пункты ксерокопирования, а тогда... в городе днём с огнём не сыщешь. А ведь работникам надо было размножить документы не только по работе, в этом вопросов не существовало, но и личные документы: копии свидетельств о рождении, о браке, аттестата, диплома и так далее. Все шли с протянутой рукой в отдел Заикина.

Если некоторые его подчинённые посылали посетителей по-дальше, то сам начальник никогда не отказывал: ксерокопии ведь работникам требовались, по сути, тоже для работы. Они их сдавали в отдел кадров.

Кто знает, может быть, Вениамин Дмитриевич, отметивший в апреле 1999 года свой 60-летний юбилей, работал бы и до юбилея 65-го, но... в 2000 году к нам присоединили несколько цехов и отделов из другого вазовского подразделения. Так получилось, что в производстве стало два одинаковых отдела. Пришлось одному из руководителей, являющемуся пенсионером, уступить место более молодому коллеге. Если бы этот вопрос решал трудовой коллектив – ушёл бы другой. Правда, не на пенсию, а на другую работу. Но кто когда спрашивал трудовой коллектив? Не скрою, мы ещё долго сожалели об уходе Заикина, хотя к новому руководителю отдела я претензий не имел.

Но пенсия, заслуженный отдых – это ещё не конец света. Страшнее то, что случилось с Заикиным 6 марта 2020 года, когда бывшие коллеги и знакомые проводили на городском кладбище его в последний путь. К сожалению, я не смог там присутствовать, поскольку не позволило здоровье. Но лично в моём сердце, надеюсь, и в сердцах бывших работников нашего производства, Вениамин Дмитриевич останется навсегда как прекрасный Человек и замечательный Руководитель. Царствие ему Небесное!!!

Почему я выбрал издательство «Серебро Слов»

Мемуары

Настоящий коллективный сборник с моими произведениями является у меня по счёту уже четырнадцатым. До этого я в течение очень длительного времени пытался найти из-

дательство, в котором можно было публиковать свои произведения. Но поиски мои не увенчались успехом. И только в январе 2019 года я случайно (благодаря автору портала «Проза.ру» Василию Зиновьеву) вышел на издательство «Серебро Слов» города Коломна. Оно является официальным издательством Московской областной организации Союза писателей России.

Почему же я остановился именно на этом подмосковном издательстве, где генеральным директором Минаев Денис Викторович?

Сначала я выходил на многие книжные издательства, расположенные в России. Увы, они в основном занимаются выпуском авторских книг. К счастью, я нашёл несколько издательств в нашем Приволжском федеральном округе. Там коллективные сборники издают, но, изучив условия, я им «помахал ручкой». В качестве примера приведу одно из них.

Сейчас я дословно условия не помню, но смысл в том, что автор, участвуя в коллективном сборнике, оплачивает не каждую страницу отдельно, а отдельно каждое произведение: рассказ или стихотворение. Но вот здесь, как говорят в народе, «собака зарыта».

Установили таблицу, в которой указана стоимость услуг в зависимости от наличия знаков. То есть если в рассказе, например, знаков от 2500 до 5000, будет одна стоимость рассказа, если знаков от 5000 до 7500 – другая, от 7500 до 10000 – третья и так далее. Если учесть, что авторы публикуют в издательствах свои произведения, с которыми читатели успели познакомиться на сайтах в интернете, в первую очередь, то ни один автор не согласится подгонять свои рассказы под требуемое количество знаков. А без этого автоматически финансово проигрывает. Например, мой рассказ насчитывает 5500 знаков. И что же, я должен этот рассказ оплачивать по стоимости 7500 знаков? Не хочется.

А что в этом случае предлагает издательство «Серебро Слов»?

Автор первые 10 страниц оплачивает по 300 рублей за каждую, а последующие, начиная с 11-й, — по 150 рублей.

Но это не одно преимущество «Серебра Слов».

Тем авторам, кто закажет 10 страниц, высылают 10 коллективных сборников бесплатно, и только с 11-го надо доплачивать по незначительной цене. Этим же авторам бесплатно высылается сборник в электронном виде. Об этом другое издательство, на которое я ссылаюсь, может только мечтать. Там выдаётся бесплатно только один соавторский экземпляр, за остальные надо платить. Что для авторов-пенсионеров весьма накладно.

И ещё, издательство «Серебро Слов» является чуть ли не единственным, где авторы могут оплачивать участие в коллективных сборниках не только банковской картой, но и почтовым переводом. Где я возьму эту карту, если почтальон мне пенсию приносит домой. И я такой не один.

В другом мной найденном издательстве условия немного отличаются, но меня они тоже никак не устраивают. Надо 250 рублей платить за каждую страницу, независимо от их количества. Далее надо платить по 250 рублей за страницу корректору и 250 рублей за страницу редактору. Бесплатно высылают только один экземпляр сборника, за остальные надо платить. В этом случае авторы-пенсионеры просто «останутся без штанов», никакой пенсии не хватит. Если автор закажет 50 страниц, то должен за них заплатить (750 руб. на 50) тридцать пять с половиной тысяч рублей.

Поэтому замечательно, что в России существует хоть одно издательство, в котором авторы-пенсионеры без особых финансовых затрат могут опубликовать любое своё произведение в выпускаемых коллективных сборниках. Называется оно «Серебро Слов». Хотя, была бы моя воля, я бы его переименовал на «Золото Слов».

Два дяди Яши

Мемуары

Ранее я писал уже о дяде Юлии, двоюродном брате моей мамы Лены, но, как говорят кинолюбители, к которым отношусь и я, за кадром остались ещё двое моих любимых дядей. Это – родной брат моего отца Яков Панасейко и муж моей тётки Гали Яков Лелюк. Не написать о них, этих двух дорогих для меня родственниках, я не могу. Начну с первого.

Моя мама бережно хранит школьное фото своего класса. Однако на нём одноклассников получается больше, чем на самом деле было. Секрет простой: с краю к ним пристроился «чужой» школьник. Им оказался Яша Панасейко.

Родился он в августе 1934 года на хуторе Южном в нескольких километрах от основного села Туркеновки (сейчас – Малиновка). В школу пошёл после того, как в сентябре 1943 года село освободили от фашистской оккупации, которая длилась ровно два года. Отца моего он младше на пять лет.

После службы дядя, не заезжая в село, приехал в Москву, пытаясь устроиться на работу. Но послевоенная столица тех лет здорово отличалась от нынешней, куда слетаются, словно на мёд, люди со всех уголков России в поисках лучшей доли. И не только России, но и ближнего зарубежья, а точнее – из бывших союзных республик, прежде всего из Средней Азии.

Не найдя работы, сослуживцы отправились в подмосковный Реутов, где их взяли на стройку. С тех пор этот замечательный город, в котором мне удалось побывать дважды, являлся для дяди Яши родным. Однако не забывал он и родное село Малиновку, куда родители перебрались после «закрытия» по воле Никиты Хрущёва хутора Южный.

Пока мы жили на Украине (до 20 августа 1971 года), семья дяди часто по приезду бывала у нас в гостях. Приезжал

он с женой Зоей, дочкой Олей и сыном Володей. Однако на Волгу, в город Тольятти, к нам в гости он уже приезжал только с супругой, ибо дети к тому времени выросли и у них появилась своя жизнь.

Первый раз я посетил дядю в городе Реутове с братом Федей в сентябре 1987 года. Попали к нему случайно.

В тот памятный год мы с Федей решили по туристической путёвке съездить в город Брест, где в своё время служил пограничником наш отец. Туда ехали поездом Тольятти – Москва, затем Москва – Брест. Оттуда ехали тем же маршрутом... но не доехали до Тольятти. Остались с разрешения руководителя туристической группы в Москве. То есть выполнили просьбу отца навестить по возможности его брата.

В то время он жил с женой, разведённой дочкой и внучкой Настей в хрущёвской пятиэтажке. Принял нас как самых дорогих родственников, хотя по Гражданскому кодексу племянники и не относятся к первой линии родства.

Как ни странно, но второй раз к дяде в Реутов я (на этот раз один) попал тоже случайно. Снова – по пути. Только на этот раз не из Белоруссии, а с Украины. В мае 1991 года я первый и последний раз посетил свою малую родину – село Малиновку, что в Запорожской области. После него я поехал в Запорожье к своему однокласснику и дальнему родственнику Володе Панасейко. Оттуда съездил в соседний Днепропетровск, навестив своего крёстного Владимира Тищенко. А вернувшись, не стал возвращаться домой (находился в очередном отпуске) и полетел в Москву. На этот раз ехать туда меня отец не просил, так как путь мой не лежал, как в прошлый раз, через столицу.

Поехал с приключениями, так как не знал, что дядя недавно сменил своё прежнее место проживания в Реутове.

Как ни в чём не бывало явился по известному мне адресу в хрущёвке. На улице стояла майская тёплая ночь. Однако

ночевать на улице не хотелось, решил потревожить сон дяди Яши. Но... потревожил незнакомых мне людей, проживающих в бывшей его квартире. Извинился, попросил дать новый адрес прежних хозяев квартиры. Увы, получил «отлуп»: они понятия не имели, где проживает нынче мой дядя. То ли прикинулись иванами, не помнящими родства, то ли в полусонном состоянии не могли вспомнить, куда те переехали жить в том же городе, кто его знает?!

Вышел я на улицу, посидел на лавочке и... направился в местный отдел милиции, найти который удалось с трудом.

Дежурный майор был явно не рад моему визиту, хотя никого в помещении больше я не видел: ни задержанных нарушителей, ни его помощника. Сначала он отнёсся ко мне как к агенту иностранной державы, потребовав паспорт и цель приезда ночью в город Реутов. Узнав причину, стал выяснять, что я забыл у дяди. Выяснив и сжалившись, дал мне новый адрес дяди. Обрадованный, я покинул негостеприимное учреждение и потопал ножками (транспорт общественный уже не ходил) по указанному адресу. Как выяснилось позже, радовался рановато.

Да, дом дяди работник милиции указал правильно, но в двухзначном номере квартиры перепутал цифры. В итоге мне пришлось разбудить в три часа ночи снова не знакомых мне людей. Но мир не без добрых людей. Я, к счастью, попал на квартиру женщины – председателя домового комитета. Войдя в моё положение и сжалившись над незванным гостем, эта добрая душой женщина пошла искать список жильцов, по которому она накануне раздавала талоны на продовольственные товары (не все их помнят, но тем, кто жил в «лихие 90-е», их не забыть).

Я чуть от радости не подпрыгнул, услышав фамилию моего дяди и его точный адрес. Поблагодарив мою спасительницу, я ножками потопал на 15-й этаж шестнадцатизэтажного дома, ввиду поломки лифта.

Позвонил в квартиру один раз. Тишина. Позвонил второй – за дверью раздался женский голос: «Кого это носит в такой поздний час?» «Тётя Зоя, это я, Петя из Тольятти», – отвечал я.

Так я оказался в гостеприимной квартире моего дяди Яши.

Две недели находился у него в гостях, но мне показалось, что я из своей квартиры никуда и не уезжал. Так тепло и сердечно принимали меня хозяева квартиры.

С ними жила семилетняя внучка Настя, собирающаяся первого сентября в первый класс. Её мама дочкой не интересовалась, отдавая после развода предпочтение «зелёному змию».

– У меня, Петя, к тебе просьба, – обратился ко мне на следующий день дядя, – у Насти в садике через неделю выпускной, отведи и забери её в это время из садика, мы с бабушкой хоть немножко отдохнём, работаем же ещё, мне до пенсии три года.

– Хорошо, дядя Яша, не волнуйтесь, а Настенька-то согласна?

В это время из комнаты выбежала внучка, слышавшая наш разговор, и бросилась ко мне на шею.

– Вопрос снимается, всё понятно.

От Насти я потом узнал, что она в дедушке души не чает, любит его безбожно. И она права, как можно не любить такого прекрасного человека. Вот только судьба у него оказалась трагической. Согласно предсказанию одной цыганки.

У меня в коллективном сборнике «Истории из жизни» опубликован рассказ, который так и называется «Предсказания». Читатели знакомятся с тремя случаями предсказания и их последствиями. Вначале я написал и четвёртый, касающийся моего дяди, ставшего прототипом в рассказе, но потом его убрал. Если сюжеты первых трёх рассказов я взял из рассказов чужих людей, то этот слышал от родного

человека. Мне больно было переводить рассказ его на язык художественной литературы. Это же живой и мне родной человек.

Об этом предсказании дядя рассказал нам с братом ещё в 1987 году. После него возвращались в Тольятти мы оба грустными. Сообщили родителям, но те, оказывается, давно всё знали и не менее нас переживали.

Случилось это ещё в молодости дяди. С друзьями встретили цыганок. Те предложили погадать за деньги. Согласились, ради шутки. Как известно, в молодости мало кто верит во всякие предсказания, скорей всего, все верят в своё бессмертие.

Не знаю, что цыганка нагадала друзьям, но их другу сказала: «Ты умрёшь на шестидесятом году жизни». Сначала рассмеялись друзья, а потом и сам дядя Яша.

Шли годы, чем старше он становился, тем страшней для него являлось то предсказание. Старался о нём забыть – не получалось. Его все уговаривали: «Забудь, Яша, мало ли что могло показаться цыганке на твоей ладони».

Но вот наступил 1994 год. Встречать его они с женой приехали к нам. Вместе с отцом стали составлять план празднования 60-летия, которое должно было состояться в августе. К сожалению, точной даты я не запомнил. Решили организовать юбилей дяди Яши в Тольятти, получалось, у среднего брата Алексея. Тем более что в городе проживала и одна из их сестёр. Решили пригласить старшего брата Ивана из Днепропетровской области и младшую сестру Раю из Саратовской области. Здесь уместно сказать, что из пятерых детей Ефима Антоновича Панасейко только один (Иван) остался проживать на родной Украине, остальные местом жительства выбрали Россию. Почему старший брат не последовал их примеру – осталось загадкой.

Зима постепенно передала свои права весне, а та лету. Наступил долгожданный для всех месяц август. Был рабочий

день. Мои родители-пенсионеры находились на даче. Вернувшись вечером с работы, я получил от соседней телеграмму из Реутова. Ещё её не читая, понял: цыганка оказалась права. Нас приглашали на похороны дяди Яши. Как после этого не верить предсказаниям?! В том числе и цыганкам.

Я поехать не смог, ибо на работе исполнял обязанности руководителя кадров. Поехали родители. Возвратившись, поведали весьма печальную историю.

Дядя Яша по-прежнему работал на строительстве дорог в Подмоскowie. В тот день он явился на работу «под градусом»: что-то отмечали с приятелями накануне. На работе, видимо, «добавили» ещё по рюмочке. Вскоре после того, как «Камаз» выгрузил на строящуюся трассу очередные тонны песка, прораб не обнаружил поблизости двух своих рабочих. Как уже догадался читатель, они находились в это время под огромной кучей песка. Догадались, в чём дело, и быстро откопали обоих. Но... спасти удалось только одного, дядя Яша признаков жизни не подавал. Конечно, кого надо наказали в соответствии с законом, но лично мне от этого не легче: дядю Яшу не вернуть. Хотя во многом он и сам виноват. Царство ему Небесное.

Второго дяди Яши тоже в живых давно нет, но, в отличие от первого, он ушёл из жизни безо всяких приключений: по старости и болезни. Зато его героической биографии хватило бы не на один том мемуаров. К сожалению, их он не писал, зато много читал газет, журналов, не пропускал по телевизору программу «Время».

Из моих родственников-мужчин, ушедших на войну, домой вернулось всего несколько. Среди них – Яков Иванович Лелюк, папа моего троюродного брата Валеры. Известна печальная статистика: из 100 мужчин, родившихся в 1921–23 годах, домой с фронта вернулись... трое. А мог бы и дядя Яша попасть в число не вернувшихся. Судьба, однако, хранила его и на войне той, и на войне другой, менее известной.

Родился он на Украине, в моей родной Запорожской области и не менее родном Гуляйпольском районе, который в своё время прославил на весь мир Нестор Махно. Вот только сёла у нас оказались разные. Малой его родиной навсегда осталось село Любимовка, в которой он и родился 14 июня 1923 года. Местную среднюю школу окончил накануне Великой Отечественной войны, поступив сразу после неё в лётное училище, расположенное на полуострове Крым в городе Кача. Окончить не успел, ушёл, как и многие его сверстники, на фронт. Воевал с первых дней войны до 1943 года. В том году, коренного перелома в ходе войны, был направлен в освобождённый Харьков в лётное училище. Доучиваться. Конечно, он снова рвался на фронт, не зная о том, что воевать придётся ещё ему и на другой войне. Речь идёт о его участии в военных действиях на территории Китая в 1949–50 годах. Только в 1960 году был демобилизован и вернулся в родную область, поселившись с семьёй в Запорожье.

Однако до этого служба его забрасывала и в подмосковную Кубинку, и в Крым, и на остров Сахалин. Поэтому место рождения сыновей разное: старший Саша родился в 1948 году в Кубинке, младший Валера – в Крыму. Не зря же кадровые военные уходили всегда на пенсию раньше гражданских лиц. А раньше всех – лётчики.

Дядя Яша очень любил жизнь. За время учёбы в школе перечитал все до одной книги школьной библиотеки, не прекращая чтения и на пенсии. Тут уж тому свидетель я. В детстве мы с мамой часто ездили в гости к нему в Запорожье, ибо его жена Галина являлась двоюродной сестрой моей мамы. Являлась – потому что уже третий год как я потерял дорогую тётю Галю. Годы берут своё.

Так вот, приезжая, я каждый раз замечал, как на журнальном столике, возле которого любил по вечерам сидеть дядя Яша, появлялась новая стопка пахнущих типографской краской газет и журналов. Не пропускал он и появление

в книжном магазине новой книги. Хотя всем известно, что их тогда книголюбы доставали с трудом. Что читал?

Как-то он положил книгу на столик, а сам пошёл на кухню. Из любопытства я взял книгу и прочитал её название. То была «Педагогическая поэма» Макаренко. Видимо, не случайно. Ибо беседовать с ним было не просто приятно, а одно удовольствие. Из него бы получился хороший учитель в школе. Но ничего не поделаешь, насколько я понял, его с детства тянуло в буквальном смысле слова в небо, туда, выше облаков. Он свою мечту исполнил. Это в жизни главное.

Умер дядя Яша 21 февраля 2006 года в год моего 50-летнего юбилея. Написал – и у меня появились слёзы в два раза больше обычных. Ещё бы! Через день, 23 февраля того же 2006 года, умирает мой отец. Весьма печальное совпадение. Царство им Небесное!

Идёт шестнадцатый год, как нет в живых дяди Яши, но я его не забыл, помню. Более того, дважды в году (14 июня и 21 февраля) я включаю песню в исполнении Эдуарда Хиля «Обнимаю небо», слушаю и вспоминаю свои встречи с этим замечательным Человеком. При этом мне кажется, что следующие слова песни посвящены именно моему дяде:

Обнимаю небо крепкими руками,
Лётчик набирает высоту.
Тот, кто прямо с детства дружит с небесами,
Не предаст вовек свою первую мечту.

Родословная по линии отца

Мемуары

Родословную по линии матери я знал до прабабушки и прадедушки. А вот по линии отца – только до дедушки и бабушки. Однако сегодня добрый человек, проживающий

на моей малой родине – Украине (правда, не в Запорожской области, а в Днепропетровской; нынче это город Днепр), прислал мне родословную с фамилией Панасейко. Зовут этого человека Валентина Руденко (Жестовская). В её роду были предки с фамилией Панасейко. Оказалось, что мы даже родственники, а не просто однофамильцы. Низкий ей поклон за информацию о моих предках по линии отца Алексея Ефимовича Панасейко, к сожалению, ушедшего в мир иной пятнадцать лет назад. Сам я, последние полвека проживающий в России, при всём желании получить указанную информацию не смог бы по простой причине: архивы находятся за границей и мне недоступны.

Отныне свой род по линии отца я буду вести с начала далёкого XVIII века. Родоначальником считается Кондрат Панасенко.

Его сын Пётр Кондратьевич Панасенко родился в 1744 году, умер в 1820 году.

А вот дальше случилось то, о чём я давно подозревал: сын Петра Семён, родившийся в 1791 году и умерший в 1847 году, носил уже фамилию... Панасейко. Так что не исключено, что какой-то писарь и на самом деле в фамилии отца Панасенко над второй буквой «Н» поставил кляксу, едва заметную. Что дало сыну Семёна Евстафию законное основание получить фамилию Панасейко. Родился Евстафий в 1830 году, умер в 1904 году.

Среди его детей был уже и мой прадедушка Антон Евстафьевич Панасейко, родившийся в 1858 году и умерший после 1917 года. Скорей всего, погиб в годы Гражданской войны на просторах бывшей Российской империи.

Среди его сыновей был и мой родной дедушка, которого я в детстве звал Ефимом. Но, оказывается, здорово ошибался. При рождении в 1882 году он получил имя... Евфимий. Умер дедушка в 1975 году, когда я находился в армии.

Что интересно, все его три сына имели отчество Ефимовичи, а две дочери были Ефимовны. Дети родились в таком порядке:

- Иван Ефимович – 1927 год,
- Алексей Ефимович – 1929 год,
- Яков Ефимович – 1934 год,
- Любовь Ефимовна – 1937 год,
- Раиса Ефимовна – 1939 год.

У Алексея и Елены Семёновны Шинкаренко 15 октября 1956 года родился я, а 9 февраля 1958 года мой брат Федя, которого я потерял 12 апреля 2015 года.

С указанными выше моими дядями и тётями я встречался при их жизни неоднократно, но что касается дочери Марии и сына Дмитрия моего дедушки Ефима от первого брака, то тут, к сожалению, «тайна, покрытая мраком».

17.06.2021

На охране общественного порядка

Мемуары

Было время в нашей стране, когда городские улицы и площади в вечернее время мы не могли себе представить без людей с красными нарукавными повязками с надписью «Дружинник». Конечно, те времена не вернуться. По крайней мере, в предстоящие сто лет. Но память о дружинниках мы должны сохранить для будущих поколений. Об одном из них мне бы хотелось рассказать. Тем более что он «по совместительству» был (разумеется, и остаётся) лучшим и самым надёжным моим другом, с которым можно идти в разведку.

Володя Тарасов родился 22 мая 1954 года, то есть на два с половиной года раньше меня. Поэтому и заниматься

добровольной народной дружиной начал в 1974 году, а я – в феврале 1977 года. Поскольку работали мы с ним в разных производствах на тот момент Волжского автомобильного завода (он – в Корпусе вспомогательных цехов, я – в Производстве генераторов и стартёров), то и ходили на дежурство в разные подшефные кварталы Автозаводского района города Тольятти.

Я проживал в седьмом квартале, и, когда направлялся в девятый, мой путь лежал мимо дома, где находился пункт охраны правопорядка № 7. У подъезда я часто видел группы дружинников с повязками. Но один из них её не имел. Однако по тому, как с ним обращались дружинники, я понимал, что он не простой среди них дружинник. Им оказался, как я после узнал, Владимир Александрович Тарасов. Он являлся одним из руководителей ДНД по месту работы. Со временем мы с ним стали вместе посещать различные совещания, проводимые как районным, так и городским штабом ДНД по охране общественного порядка. Завязалась дружба. Однако окончательно её скрепили два события, происшедшие в начале 1980-х годов.

Как-то поздно вечером (для тех, кто не знает: дежурство в подшефных кварталах заканчивалось в двадцать три часа вечера) я возвращался домой после дежурства в девятом квартале. Добрался уже до своей родной улицы Юбилейной. Не доходя до перекрёстка с улицей Фрунзе, увидел на обочине два автомобиля, возле которых стояли и громко разговаривали двое мужчин. Понятно, водителей, ибо больше никого не было. Я уже прошёл мимо, как услышал сзади: «Молодой человек, можно вас на минутку?» Вернулся к нему.

Со слов незнакомого мне мужчины понял одно: к нему «придрался» в штатском работник ГАИ (ныне это ГИБДД). Он слёзно попросил меня помочь избавиться от необоснованных придилок со стороны работника милиции, находящегося не на службе. В чём тот обвинял пострадавшего

гражданина-водителя, я уже не помню. Однако решил ему помочь.

Тут я слышу насмешливый «голос» читателя: «Дружинник, пусть и непростой, против офицера милиции?! Так не бывает!» Отвечаю: бывает, но не всегда. Не скрою, возможно, я и не стал бы ввязываться в ту ситуацию как начальник штаба ДНД одного из вазовских производств. Ведь до начала Перестройки было ещё пару лет. И доказать свою правоту в той ситуации я не смог бы. Несмотря на то, что являлся студентом-заочником юридического факультета университета. Не смог бы... если бы у меня в кармане не находилось удостоверение депутата Автозаводского районного Совета народных депутатов. Я рискнул.

Но опять же, честно скажу, не знаю, чем бы всё закончилось, так как гаишник послал меня с моим депутатским удостоверением подальше. На моё счастье, я увидел впереди движущийся в нашу сторону автомобиль. Хотел его остановить, но не успел, он сам остановился. Когда увидел, кто из автомобиля вышел, то у меня, как говорится, на душе отлегло. А вышли Володя Тарасов и его помощник Витя Исаев, возвращавшиеся домой (жили в одном доме в 10-м квартале) после дежурства в квартале, где я проживал. Тут уже, вспоминая мою нелюбимую математику, я понял, что счёт 4:1 в мою пользу. Гаишника как ветром сдуло. Пострадавший водитель, поблагодарив нас за помощь, отправился домой.

Только на следующий день с помощью депутатского удостоверения я смог убедиться в УВД города, что встречался вчера действительно с сотрудником ГАИ (выяснил по номеру его автомобиля). Требовать его наказания я не стал, иначе пострадал бы тот водитель, да, возможно, и у Володи Тарасова начались бы проблемы с дежурным автомобилем. Что касается меня, то я тогда личного автомобиля не имел, как и водительских прав вообще. Придаться не получилось бы.

Я и сегодня думаю, мог бы тогда Тарасов проехать мимо, увидев меня на дороге (Юбилейная – одна из центральных улиц хорошо освещалась)? И сам себе отвечаю: нет, не мог! Дружба для него, как и для меня, – дело святое. Хотя эту «святость» не все друзья берегут. Были у меня в жизни случаи, когда предавали друзья.

Спустя время пришлось и мне прийти на помощь Владимиру Александровичу. На этот раз, пожалуй, в первую очередь как студенту-юристу.

Из кафе 7-го квартала в опорный пункт поступил сигнал, что там началась драка посетителей. Группа дружинников во главе с Тарасовым выехала на место происшествия. Мелких хулиганов утихомирили быстро. Но среди них оказался хулиган и не совсем мелкий. Это после дружинники узнали. Он был таким буйным, что пришлось Тарасову достать из багажника служебной машины наручники и надеть на хулигана. Казалось, инцидент исчерпан. Но не тут-то было.

«Закрутилось и завертелось» всё на следующий день, когда тот самый хулиган, оказавшийся работником милиции, протрезвел. Подключив прокуратуру, начал мстить дружинникам. И в первую очередь – их командиру. Возбуждается против него уголовное дело, проводятся обыски. Во всём «виноваты» злополучные наручники. Вот тут пришлось мне повторно засесть за учебник «Уголовного права» и «Уголовный кодекс» с комментариями. Плюс проконсультироваться со своим преподавателем в университете по данному предмету. В итоге выяснилось, что дело, как говорят, шито белыми нитками.

Состав любого преступления состоит из объективной стороны, субъективной, объекта и субъекта. Из-за отсутствия хоть одного из перечисленных признаков человека привлечь к уголовной ответственности нельзя. Не буду останавливаться на этом вопросе: юристы меня поймут, а другим надо объяснять долго. Скажу только, что уголовное дело прекратили

за отсутствием состава преступления. У дружинников просто не было другого способа остановить разбушевавшегося хулигана, как использовать наручники и избежать тяжких последствий. О том, что задерживают пьяного милиционера, они не знали (находился в штатском). Да это в той ситуации, пожалуй, и роли не играло: необходимо было хулиганство немедленно прекратить. Что и сделали народные дружинники.

Я Тарасову помогал юридическими консультациями, но и тогда, в советские времена, нашёлся один Человек, который реально помог Тарасову. Трудно поверить в то, чтобы прокурор района не поддержал своего заместителя, через которого и действовал после милицейский хулиган, и не подписал санкцию на арест Володи. Тем не менее это случилось. Как сказал мне Тарасов, он сам случайно узнал об этом значительно позже, встретив на скамейке у своего дома бывшего прокурора Автозаводского района. Узнал с его слов.

Поэтому лично я категорически против того, чтобы восхвалять или ругать на все 100% прошедшее советское время, в котором нам пришлось жить. Да, было и хорошее, и плохое. Находились и тогда люди, наделённые властью, не поступившиеся своей совестью и честью. Низкий поклон им за это!

Ежемесячно у нас на заводе среди добровольных народных дружин проводилось соревнование. Начальник штаба ДНД завода, бывший сверхсрочник Советской Армии, считал главным показателем в работе дружин количество задержанных правонарушителей. Профилактика нарушений этих как бы отодвигалась на второй план. Неоднократно я был свидетелем спора на эту тему между Тарасовым и заводским руководителем добровольной народной дружины. Но последний изредка уступал, присуждая первое место дружине 7-го квартала. В основном в зените славы

купалась дружина 1-го квартала, где дружинниками были представители самого большого вазовского производства – сборочно-кузовного. Я же всегда был на стороне дружинников Тарасова. И однажды справедливость восстановил.

Начальник заводского штаба ДНД ходил в очередной ежегодный отпуск, оставляя вместо себя поочерёдно начальников штабов ДНД кварталов. Один раз и мне пришлось его заменить. Почему один? Дальше станет понятно.

Получив протокол подведения итогов соревнования ДНД за очередной квартал, который составил (никому не доверял) отпускник, я данной мне на время властью поменял местами дружины 1-го и 7-го кварталов, согласовав это своё «самоуправство» с парткомом всего завода. После этого я уже, не боясь последствий, готовил соответствующий приказ. После выхода его у меня разрывался телефон: одни благодарили, другие ругали как могли. К сожалению, моему примеру никто больше не последовал. Да и состав парткома поменялся.

Как известно, в 1987 году советское правительство отменило предоставление дружинникам дополнительных трёх дней к отпуску. Вскоре ДНД приказала долго жить. Но это случилось уже после моего ухода из руководства дружиной. Я перешёл на работу в кадры и полностью занялся нелёгкой, но такой интересной работой.

Что касается Тарасова, то Володя продолжал охранять общественный порядок. Не зря же его в своё время наградили медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». На базе ДНД он сумел из лучших дружинников создать СООД (Специализированный оперативный отряд дружинников). Успешно руководил им практически до ухода на пенсию.

Время выбрало нас

Мемуары

В юбилейный год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции я перешёл из третьего в четвёртый класс. Тогда жива была ещё моя прабабушка Марина, родившаяся и вышедшая замуж в девятнадцатом веке. Помню, я всё допытывался у неё, как это – жить на смене двух исторических эпох. На что она мне отвечала: «Не доведи Господь!» И добавляла каждый раз: «Тебе, правнучек, повезло, ты никогда не испытаешь того, что испытали мы с твоим прадедушкой Саввой». Как же она ошиблась...

Тогда время выбрало их, а спустя десятилетия время выбрало уже их правнуков. Тысяча девятьсот семнадцатый и тысяча девятьсот девяносто первый годы. Что между ними общего? Это, конечно же, смена общественного строя в стране. А точнее, зарождение и ликвидация социализма. Различие состоит в методах: насильственный и мирный. Хотя в последнем случае граждане в «лихие 90-е» испытали тоже довольно большой шок.

И вот с 1991 года меня не покидает философский вопрос: почему время на этот раз выбрало моё поколение? Ведь мы родились спустя десятилетие после самой страшной в истории человечества войны, жили в советской стране, где было бесплатным образование, медицина, цены в магазине не шокировали своими «нолями». Жили и радовались прожитому дню благодаря беспримерному подвигу советских солдат и офицеров, живых и павших, отстоявших в смертельной битве с фашизмом право на счастливую жизнь.

Благодаря Советской власти я успешно окончил среднюю школу, отслужил положенные два года в Советской Армии, после неё поступил и не менее успешно окончил юридический факультет единственного на тот момент (1985 год) го-

сударственного университета в области. После школы без проблем, по направлению райисполкома (как несовершеннолетний), поступил работать на Волжский автомобильный завод (1974 год). По окончании университета перевёлся там же кадровиком и спокойно работал до 1992 года. Именно этот год считается официально переходом России от социалистического строя к капиталистическому.

Вот тут-то всё и началось. Практически в первый капиталистический год мы ощутили на себе «все прелести» нового для нас строя. Дальше – больше.

«Трясти» в буквальном смысле слова начало не только одно из производств автозавода, где я уже работал ведущим кадровиком, но и предприятия в целом по стране. Многие стали закрываться. Точной статистики, сколько их закрылось в первое капиталистическое десятилетие при первом президенте России, я не видел, но, думаю, предостаточно.

С приходом двадцать первого века ситуация немного стала меняться, но, к сожалению, «дикий капитализм» девяностых годов нанёс такой урон, что до сих пор мы ощущаем его на себе. Чего стоит только повышение пенсионного возраста граждан России! К счастью, его я избежал. Но не избежал в 2014 году сокращения на предприятии и отправки на досрочную (за два года) пенсию. Хотя мог бы ещё работать не один год.

И ещё. Разве думал я, поступая в 1974 году на Волжский автозавод, что когда-либо он окажется в руках иностранцев?! Но это случилось не во сне, а наяву. Несколько лет уже на АВТОВАЗе и президент его, и председатель Совета директоров – представители фирмы «РЕНО-НИССАН».

Увы, чтобы пережить всё это, ВРЕМЯ и выбрало нас, моё поколение! Почему? Интересно было бы узнать ответ на этот вопрос.

В песнях останемся мы

Мемуары

Когда-то в советские времена у нас в стране была весьма популярна песня Александры Пахмутовой, где есть такие слова: «Звёзды останутся юными, песни останутся юными, юными звонкими струнами в песнях останемся мы!». Кто-то, а она со своим супругом и в 90 лет остаются юными в своих песнях.

Но и мы, те, кто с детства слушал прекрасные советские песни, по-прежнему остаёмся в них «юными душой», хотя голова давно покрылась сединой. В этом и заключается сила искусства.

Вот сейчас я слушаю песню «От Владивостока до Карпат» в исполнении Владимира Мулермана – и как будто двадцатилетний сижу в поезде Владивосток – Пенза, идущем по легендарному Транссибу. За окном вагона мелькают города: Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Петропавловск, Курган, Челябинск, Уфа. А в ушах звучат слова песни: «Выйди в этот час и собери серебро и золото зари...»

Четверо с половиной суток я ехал на поезде, ехал домой после двух лет службы в железнодорожных войсках на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Слушая задушевные песни по местному радио, в том числе и вышеназванную, я смотрел в окно и вспоминал. Нет, не службу, она тогда была ещё не забыта с малейшими подробностями, вспомнились в первую очередь годы детства. Особенно когда звучала песня «Ты погоди» в исполнении Ларисы Мондрус. За душу брали слова: «Детство моё, постой, не спеши уходить, дай мне простой ответ, что там впереди».

Впереди в подростковом возрасте у меня был переезд с родителями с Украины на берега Волги, в город Тольятти. И я невольно стал напевать про себя песню тольяттинского

автора Вайнштейна: «А в Тольятти ветра многих трудных забот, и с утра до утра люди строят завод».

Далее я пел песню: «Когда уйдём со школьного двора». С него я ушёл в конце июня 1974 года. А в ноябре того же года надел на два года военную форму.

Много раз до того слышал, что письма из дома помогали солдатам в службе, но не думал о том, что есть ещё средство, помогавшее тем же солдатам выжить в суровых солдатских буднях. Им лично для меня оказались песни, которые я помнил с гражданки и постоянно про себя их пел. Про себя, разумеется. Не только поднималось настроение, но и служба становилась легче, а проходила она, как пелось в одной из песен, на территории «бесконечной сибирской тайги». Эта песня здорово вызывала у меня ностальгию по дому, ибо там упоминалась и моя родная «Волга-реченька, быстрая, широкая». Я мгновенно представлял себя сидящим на её берегу с удочкой в руках, а также загорающим на речном песочке.

За год до призыва в армию я со всей страной с огромным интересом смотрел один из первых российских телесериалов «Семнадцать мгновений весны». В душу запала песня, звучавшая в фильме в исполнении Иосифа Кобзона, которая со мной не расставалась все два года службы:

Я прошу, хоть нена долго,
Грусть моя, ты покинь меня.
Облаком, сизым облаком,
Ты полети к родному дому,
Отсюда к родному дому.

При этом я «сочувствовал» своей грусти, ибо лететь-то ей предстояло очень далеко, если учесть, что я ехал домой на поезде четверо с половиной суток. Но она меня тем не менее слушалась: мама потом мне говорила, что я часто снился ей грустным. Мне же в это время снились весёлые сны. Ещё

бы! Грусть-то меня на время покидала. Вот так песня помогала мне служить.

Во время службы в армии появились у меня и две новые песни, которые я на «гражданке» ни разу не слышал. Вот одна из них:

Хорошо хоть немного
Посидеть у костра.
Но, волной набегаю,
Тронул вальс берега,
А вокруг голубая,
Голубая тайга.

Её пел Юрий Гуляев, это песня «Голубая тайга». Вот только я понять не мог, почему тайга в песне «голубая»? Вековые сосны – хозяйки нашей тайги имели цвет зелёный. Другую песню под названием «Багульник» часто крутили над нашим таёжным бамовским военным городком по утрам, после завтрака и перед построением. Высоко на сосне висел динамик, из которого песня звучала далеко за пределы городка. Не сомневаюсь, что её с удовольствием слушали и таёжные звери – настоящие хозяева сибирской тайги. Мы ведь были в ней гостями.

Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо...
Кажется, будто давно меня ждёт
Край, где ни разу я не был.

Помнится, слушая эту песню, мы с сослуживцами смеялись по поводу слов «где-то» и «кедры». Оно и понятно: багульник-то цвёл на наших глазах, перед нами, на очередной таёжной сопке. А кедров за два года мы так и не видели, нас окружали вековые сосны.

Служба армейская осталась позади. Пошли другие песни. Из них на первом месте была, конечно же, «Шагает, шагает» в исполнении Марии Пахоменко:

Пройдёт много лет,
И поймёт мой студент,
Что формулы счастья в учебниках нет.

Эта песня не покидала меня все шесть лет обучения на заочном отделении университета. Ей я благодарен за то, что она каждый раз перед очередным экзаменом и зачётом поднимала мне настроение. Кто знает, возможно, и песня внесла свою лепту в то, что я успешно университет окончил.

Я же по-прежнему «шагаю» с песней в свой родной университет. Вот только на этот раз во сне:

Качает, качает, качает
Задира-ветер фонари над головой.
Шагает, шагает, шагает
Весёлый парень по весенней мостовой.
Листает, листает, листает,
Учебник физики листает на ходу.

Весёлый парень – это я, но только листал я тогда другой вузовский учебник – «Теория государства и права». Вернуть-ся бы в то студенческое время! Увы, юными мы остались только в песнях, которые в юности пели во весь голос, не думая о старости, но она, такая наглая, всё же нас однажды посетила и уходить не собирается. Однако назло ей мы продолжаем петь песни нашей юности и чувствуем себя молодыми. Правда, только в душе. И то хорошо.

Как снимается кино

Мемуары

Местом дежурств у нас как членов Оперативного комсомольского отряда дружинников был подшефный девятый квартал Автозаводского района города Тольятти. Однако очень часто нас привлекали для охраны общественного порядка на различных городских мероприятиях. Одним из таких почётных заданий было недельное наше дежурство во Дворце спорта, временами превращаемого то в кинозал, то в концертный зал. Мы и раньше там дежурили, но это дежурство считалось особым, как я сказал выше – почётным. С чего бы это?

Да с того, что в наш город Тольятти в 1978 году приехала сама Алла Борисовна Пугачёва. Это сегодня её понемногу отодвигают на второй план молодые и весьма успешные некоторые эстрадные исполнители. Но тогда... она считалась недосыгаема в мире эстрады. Чуть было не написал «в мире шоу-бизнеса», о котором мы понятия не имели. До поры до времени.

Для зрителей, находящихся в зале, концерт Пугачёвой не явился чем-то необычным: её песни звучали по радио, телевидению, с миллионов пластинок фирмы «Мелодия», ну и, конечно же, с магнитофонных записей. Необычным он стал для нас. И вот почему.

Во время указанного дежурства я своими глазами видел, как снимается художественное кино. Да-да, режиссёр-постановщик фильма 1978 года «Женщина, которая поёт» Александр Орлов в это время снимал один из эпизодов фильма, в котором главная героиня Анна Стрельцова в исполнении Аллы Пугачёвой давала очередной концерт в одном из городов Советского Союза.

Сценарий фильма написал Анатолий Степанов. Однако речь пойдёт о двух создателях фильма, режиссёре и операторе.

В титрах фильма кроме режиссёра-постановщика Орлова значится ещё и режиссёр Колчеев. Вот, наверное, о нём и речь.

Так получилось, что мне все дни концерта Пугачёвой пришлось стоять недалеко от прохода на верхних этажах, где находилась камера. Воочию пришлось убедиться, какой это огромный труд – снимать кино.

Когда после выхода фильма на экраны я его смотрел в нашем главном городском кинотеатре «Сатурн», то невольно вспоминал моменты съёмки эпизода, вошедшего в фильм. Сколько нервов пришлось потратить режиссёру и оператору, чтобы его снять! Снимали, как я понял, несколько дублей одной и той же песни. Я только и слышал: «Направь камеру туда, направь сюда. Я же тебе говорил, снимай в этот момент зрителей», – и так далее. Не зря же каждый режиссёр подбирает для очередного фильма «надёжного» оператора. Как, например, в своё время Василий Шукшин, собираясь снимать свой фильм (так и не снятый ввиду смерти режиссёра) «Степан Разин», очень настаивал, что его будет снимать именно оператор Заболоцкий. Видимо, его хорошо знал.

В титрах фильма указан и оператор комбинированных съёмки Г. Айзенберг. Но, думаю, эпизод тот в нашем Дворце спорта снимали всё же операторы Игорь Гелейн и Владимир Степанов. Который из них выслушивал в моём присутствии приказы режиссёра, не знаю. Да это и не столь важно. Главное, я своими глазами увидел, как снимается кино. И понял одно: смотреть кино и снимать его – очень большая разница.

Киев. Октябрь 1977 года

Мемуары

Много в советские времена пришлось поехать по стране. Как по туристическим путёвкам через профсоюз и по служебным командировкам, так и самостоятельно. Особенно среди этих поездок запомнилась мне одна, отсутствующая в перечисленном выше списке. Речь идёт о комсомольской поездке в Киев в октябре 1977 года. Приурочена она была, как можно догадаться, к Дню комсомола. Несмотря на то, что в октябре нынешнего 2021 года поездке исполнится сорок четыре года, забыть её не могу.

Она для нас оказалась полностью бесплатной. Мы поехали по путёвке Бюро международного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Кто не знает, существовала тогда с 1958 года такая советская молодёжная туристическая организация. Если профсоюз в то время оплачивал путёвки на отдых своим работникам только частично, то в данном случае комитет комсомола нашего производства оплатил её нам полностью. Как поступили комитеты комсомола других производств Волжского автомобильного завода со своими комсомольцами — не знаю. Но мы, я, Саша Новиков и Нина Юртайкина, до сих пор благодарны тогдашнему секретарю комитета комсомола Михаилу Добындо.

Меня отправили в поездку как заместителя командира Оперативно-комсомольского отряда дружинников производства по предложению командира Кивинен Арво Степановича. Это один из немногих моих руководителей (в данном случае общественных), которые поощряли в первую очередь своих подчинённых, а не вписывали везде, куда можно, свои фамилии. Что делает им, безусловно, честь.

Нину Юртайкину направил сам комитет комсомола, не спрашивая её желания. Иначе бы она из-за скромности

отказалась. Дело в том, что за несколько месяцев до того комсомольцы планово-экономической службы избрали её секретарём организации. Можно догадаться, какую работу она в качестве комсомольского руководителя проделала за это время, что именно ей выпала честь очередной День комсомола встречать в городе-герое Киеве. Кандидатов и кандидаток на поездку среди секретарей комсомольских организаций в производстве было предостаточно.

Третьим оказался Саша Новиков, слесарь энергоремонтного цеха. Как он попал – я не выяснял. Но рассказ о поездке в Киев начну именно с него. В то время мне исполнился двадцать один год, ему – чуть больше. В свободное от экскурсий (одна – до обеда, другая – после обеда) время пошли мы с ним гулять по городу. В Киеве мы оказались первый раз. Если для него посещение этого города казалось обычным делом, то для меня оно имело немного другое значение: я просто исполнил то, что не мог сделать, обучаясь с первого по седьмой класс в украинской школе. Несколько раз в нашей сельской школе объявлялось соревнование между классами на поездку в столицу Украины. Но, насколько я помню, так никто при мне и не поехал. Киев – это не Бердянск, куда нас дважды возили летом отдыхать на море.

Сегодня в нашем городе Тольятти трудно сосчитать, сколько уже настроили и ещё построят церквей, но тогда, в 1977 году, она была в городе, если не ошибаюсь, в единственном числе. В Киеве же того времени их было не сосчитать. Под церквями я подразумеваю и соборы с золотыми куполами. В один из них повёл меня Саша. На то у него имелось основание: он ставил свечку за умершего брата. Я же хочу сказать о другом. Когда мы, в расцвете сил, зашли в православный собор, то старушки от удивления рты открыли. Зайти туда с комсомольскими значками на груди казалось невозможным. Но мы зашли. Он – потому что потерял брата, а я – просто за компанию. О чём подумали

верующие старушки – можно только догадываться. Сегодня, когда я бываю в соборе в своём городе и вижу много молодёжи со свечками в руках, я, вспоминая тот случай и тех «перепуганных» киевских старушек, только улыбаюсь.

А вот при посещении группой во главе с экскурсоводом Киево-Печерской лавры на нас уже никто не обращал внимания. Скорее обратил внимание я: в год 50-летия Великого Октября на экраны вышел фильм «Таинственный монах». Мне показалось, что съёмки его проходили на территории лавры. Уж больно всё похожим казалось. Наш экскурсовод меня разочаровала. С её слов, если бы фильм снимала киностудия имени Александра Довженко, то такое могло случиться, но «монаха» снимал «Мосфильм» на территории России.

Особо запомнилось и посещение футбольного матча на знаменитом и легендарном киевском стадионе «Динамо». О нём, вернее, о «мачте смерти» во время прошедшей войны, до сих пор не утихают споры. Тогда нам объясняли, что, собрав команду из известных футболистов города, оккупационные немецкие власти устроили матч между ними и своими футболистами. Негласно требовали проиграть, доказывая в очередной раз превосходство арийской расы. Победа же досталась советским футболистам. За это их якобы впоследствии арестовали и расстреляли. Начиная с Перестройки о том матче и его последствиях стали говорить немного другое. Я же думаю, что бы ни говорили, но это не должно умалять подвиг тех, кто вышел тогда на поле с одной целью – победить. Их спортивная победа носила глубокий смысл: победили на поле – победим и на фронте. Так оно в конечном итоге и случилось.

Я не любитель ни оперы, ни балета, люблю оперетту, но за компанию пошёл в Киевский театр оперы и балета. И не пожалел: одно дело смотреть балет «Спартак» по телевизору, совсем другое – в театре.

Теперь, пожалуй, о главном. Группе повезло: двадцать девятого октября она находилась в Киеве. Отмечали День комсомола в гостинице на улице Червоноармейской. К сожалению, название гостиницы не помню. Но это, надо полагать, нынче и не требуется. После принятия нынешними украинскими властями соответствующего закона о «декоммунизации» вряд ли и сама улица сохранила своё название. Праздник получился на славу: если незнакомые за редким исключением туристы-комсомольцы въезжали в Киев, то покидали его как родственники. Киев сдружил всех. На время, разумеется. По возвращении домой всё стало на свои места. После мне много раз приходилось летать и ездить по стране, но встретить в качестве попутчиков хотя бы одного из тех «комсомольцев» не пришлось. Хотя они, как я догадываюсь, на месте не сидели тоже.

К примеру, смотрю я сейчас в «Одноклассниках» на фото Нины Юртайкиной с туристами, за спинами которых один из известных памятников города-героя Севастополя, и думаю: а ведь я вполне мог оказаться рядом. Но... в Севастополе я побывал в апреле 1979 года. Фото же Нины, судя по всему, появилось значительно позже.

В наши дни экономическая и политическая ситуация на Украине оставляет желать лучшего. В украинской прессе и интернете можно прочитать, что Украина в советское время жила хуже, чем Россия. Однако доказательств не приводится. Доказательство же обратного у меня имеется. Оно оттуда, из октября 1977 года.

Хорошо помню, как тогда в нашем городе мужики по воскресеньям бегали с трёхлитровыми банками по городу с надеждой купить разливного пива. Бутылочное пиво было ещё в большом дефиците. И что же мы увидели в Киеве в первый день приезда? Увидели около гостиницы автоматы. Нет, не с газированной водой, а с настоящим пивом. Название только вылетело из головы за давностью лет. И никаких

очередей. Подходишь, берёшь стакан в автомате, моешь его, кидаешь десять копеек и... наслаждайся пивком сколько захочешь. По логике где-то рядом или вдали от автоматов должны лежать пьяные граждане. Но не тут-то было. Ни на Червоноармейской улице, ни на самом Крещатике, который мы исходили вдоль и поперёк, ни одного пьяного человека увидеть не пришлось.

Зашли мы как-то в первый попавшийся гастроном. От многообразия видов колбас глаза разбегались. Смотрим, к прилавку подходит одна бабуся:

– Внучка, будь ласка, отрежь мне сто грамм вон той колбаски, сто – той и двести – этой.

На прилавках киевских магазинов я встречал растворимый кофе, сгущённое молоко, шоколадки и так далее российского производства. В то время как в магазинах нашего города их было днём с огнём не сыскать. Но ещё больше нас, россиян, удивило наличие в городе в магазинах промышленных товаров и изделий. Причём весьма отличного качества. Как вспоминает Нина Юртайкина, купленный ею тогда в Киеве чайный сервиз служит до сих пор. А ведь минуло с тех пор четыре десятилетия! Долго служила ей и «киевская» куртка на меху, которой купить у себя в городе она никак не могла. На фото у гостиницы Нина в ней одета. Как-никак конец октября на дворе стоял. Однако, думаю, в Киеве из-за тёплой погоды она её просто примеряла, но когда мы прилетели в аэропорт Курумоч (к себе домой), то тут уж было не до примерок. Да и я, хотя мне не хотелось распечатывать магазинную упаковку, надел меховую шапку, явно не украинского происхождения. Купить в Тольятти её не мог.

Когда вернулся в Тольятти и стал рассказывать друзьям и знакомым об увиденном в Киеве, то мне просто не поверили. Ответили шуткой: «Придётся брать путёвку и срочно ехать в столицу советской Украины пиво пить».

Вот я и спрашиваю: так кто кого тогда кормил?!

Алекс Росс

о. Соловки, Архангельская область

Монтерей

Монтерей, Калифорния. Конец августа. Не тепло, не холодно. Трёхэтажная гостиница на шумной дороге. Номер на двоих с окном на дорогу и большой двуспальной кроватью. Атмосфера в гостинице, невзирая порой на настоящий грохот из-за окна, благоприятна для отдыха. Во всех помещениях разные и очень красивые, в цветочек, обои. Старинная мебель из красного дерева. Хозяйка в возрасте, улыбчива, говорит совсем медленно, но чётко. У отеля красивое название «Дель Монте Инн». До океана близко. Прежде всего Они отправляются туда.

В огромном ковше красивой бухты чувствуется спокойствие выдавшего виды исполина. Широкий песчаный пляж с редкими старыми большими эвкалиптами местами, ближе к дороге, зарос сочной, с толстыми как у столетника листьями, травой портулак. Ладони прибоа любовно гладят гладкий песок, неотвязно нашёптывая пенистые строчки. Бесконечная даль. Пахнет морем. Большие серые и серобелые чайки на высоких лапках с выпяченными зобами и длинными жестокими клювами безумными глазами высматривают добычу, выбрасываемую морем. Они просто ждут, и Жизнь им даёт всё необходимое. Людям же каждая волна её скорее подбрасывает зёрна трудностей на жернова их судеб.

Море, чайки, запахи и даль напомнили Ему любимые острова. Об этом Он говорит Ей. Она удивлена: «Что же тут общего? Сюда приезжают отдыхать богатые люди, там была тюрьма». «На Острова приезжали люди, богатые духом», – убеждает Он, думая про себя, что это чувства уведят

его в святое Беловодье, а «они не подвластны нескромным ошупываниям всего и вся анализирующего ума!»

Они наблюдают, как другая пара, тоже мужчина и женщина, отправляется на прогулку в каяках, лёгких одноместных байдарках. Мужчина спокойно справляется с прибоем. Женщина неловка, пристыжена собой, чуть приседает от бессилия, когда лодку поворачивает вдоль волны и бросает обратно на берег. Женщина сжимает ноги в коленях и приседает так, как будто вот-вот может написать в штаны. Она то и дело бросает вопросительный, смешанный с капризом взгляд на отплывшего уже партнёра. Но дело совсем бестолково. Лёгким, хотя и неумелым движением женщине всё же удаётся пихнуть нос лодки в море. Она плюхается внутрь, выталкивая телом набравшуюся воду, и облегчённо отчаливает.

В сторонке многочисленная группа туристов обучается управлению каяками. Инструкторша, сидя на коленях, сильно нагибаясь вперёд, широко загребаёт спаренным веслом песок, показывает, как не надо делать. Чуть дальше, у воды, на отглаженной прибоем площадке большая чайка в окружении алчущих соперниц треплет изнемогшего в её клюве голубя. Голова его запрокинута, крыло чуть распахнуто. Чайка волочит его за горло... Он ещё видит яркое солнце, других чаек, то и дело подсакивающих для удара по нему, группу туристов, слышит голос инструкторши... Голубое небо вытаскивается из него на глазах у всех. Но сильным нет до него никакого дела. Чайка остервенело долбит пушистое, мягкое, ещё тёплое тело и топит его в набежавшей волне. «Такова жизнь!» – комментирует Она.

Они поднимаются на широкий пирс, другой конец которого уходит далеко в море. Пирс служит защитной стенкой для корабельной базы. Тут частные яхты, лодки, катера и небольшие рыболовецкие шхуны. Напротив видна такая же стенка, её называют «Олд фишерменс верфь» – это

историческое местечко. Место паломничества туристов со всего света. Там теснятся ресторанчики с экзотическими яствами и магазинчики с живописными фотографиями и картинами, поделками из камня и дерева, лавки с сувенирами. Там рисуют портреты туристов один-два художника. Владельцы большей части этого беспокойного хозяйства, по утверждению некоторых горожан, старые сицилийские мафиози, на шумевшие в своё время на весь мир у себя на родине, ныне спокойно доживают свой век в этом райском местечке, недосыгаемые для рук итальянской Фемиды.

Многоязычная толпа. Очевидно, что по ту сторону океана Азия, так как в толпе преобладают японцы и корейцы. Они с детьми и в одиночку пробуют ловить рыбу с пирса спиннингами, удочками, донками и пауками. На дно последних для приманки бросают красные головы морских окуней с выпученными глазами. У голов ещё болтаются свежие остатки пищеводов. Страсть!

Полотно умиротворяющей музыки морской оснастки, постукивания, побрякивания и позванивания на яхтах и катерах, пасущихся мирно, словно стадо русских коров с боркунцами, на лужайке бухты, рвут тревожащие вопли больших морских животных. Вначале кажется, что это воют сторожевые псы внутри рыбной фабрики – старого деревянного здания с облезлой белой краской на стенах, что стоит на краю пирса. Потом оказывается, что это под основанием пирса, покоящемся на высоких мощных деревянных сваях, режут морские коровы. Некоторых из них обижают агрессивные собраты. Сильная волна вонь обдаёт Его и Её и спадает как морской отлив. Так пахнет помёт многочисленных чаек и рыба́ требуха. Страсть.

Вот большая корова, едва пошевеливая телом, медленно кружит на одном месте, выставив исподлобья вверх на причал свой большой чёрный глаз. Другая половина морды её обращена в воду. В её движениях нега, а в глубине хитрого

глаза страстное ожидание лакомства. Шустрый малыш, позарившийся на подачку, был немедленно выдворен с территории этого частного владения.

О, это захватывающее зрелище! Чайки с клювами-кирками стеклянными глазами следят за каждым гостем неотступно, свободно подпуская на расстояние вытянутой руки. «Они могут убить человека», – предостерегает Она. Внимание Их возрастает. Они шарят глазами повсюду. Обнаруживают на широких балках пирса у самой воды большущих коров. Эти старики с высокими лбами, с основательно прохудившимися шкурами и подчёркнуто осознанными движениями кажутся людям пенсионерами. Хитрец, ожидающий подачи, – циркачом-охотником. Неподалёку на одиноком понтоне толпа толкающихся, борющихся за место, орущих на всю ивановскую, политических деятелей. Страсть, как шар рулетки, крутится между ними. И каждый перебивает соперника, дёргает рулетку вне очереди. Циркач-охотник спроворил рыбку и только начал её покусывать, как налетели чайки и выхватили его добычу прямо из лап. Он, такой большой, ретировался с опаской, без борьбы. А страсть всё вопила из-под причала!

Все здесь были связаны круговой порукой. Политические деятели мяли бока друг другу, «молодёжь» и чайки сновали вокруг охотника, «пенсионеров» тревожили туристы. Одного большого старого быка-отшельника, забравшегося на морскую банку у одинокого судна, терроризировала чайка-калека. Она волочила сбоку своё повреждённое крыло, курлыккала, покачивала головой и бочком-бочком подбиралась к нему с явным намерением или выклевывать кусок мяса из его жирного бока, или, по крайней мере, глаз, чтобы он остался беззащитным. Он поднял ласту, предостерегаясь от ещё одной непрошеной гостьи, а от первой отодвинулся тяжело и отвернулся, почёсывая зубами свой зад, морща при этом толстую шкуру на груди. Банку и суд-

но крутило на одном месте то в одну, то в другую сторону. Бык покусывал свой зад, сбоку и сверху на него наседали чайки, у них не было выбора...

Внимание людей привлёк морской котик. Он только что вынырнул из глубины, умело лёг на спину, стал выписывать круги, редко балансируя то одной, то другой задней ластами, держа в передних коротких маленького краба. Лакомился им так, как человеческий младенец лакомится молоком из бутылочки, страстно посасывая соску. Был слышен хруст! Людям представилось, что это мог быть краб-внук, который шёл к своей бабушке в гости на воскресное чаепитие... Ненасытные чайки пытались атаковать котика. Однако он легко уворачивался. Только всё чаще при этом терял равновесие. Но, сделав лёгкий кульбит, опять возвращался к своему занятию. У каждой трапезы здесь были свои пристрастные свидетели. Несколько чаек продолжали следовать за ним. Да, они могли высоко летать, но у него было превосходство – он мог глубоко нырять.

Через некоторое время этот «младенец», нырнув на коротке, опять появился с новой добычей. Возможно, это была бабушка первого краба, вышедшая из своего доманорки в надежде поскорее увидеть внука. И вот они всё-таки встретились в крошечной тьме чужого желудка!

Интерес к новому гнал людей дальше. Ресторан яхт-клуба зазывал их к себе: «с 11 дня и до – очень поздно»... В размышления и чувства вплеталась приятная музыка стада послушных морских судов. Их белые игривые корпуса с голубыми тентами в этот яркий солнечный день звучали как скрипки и мандолины, пиля смычками мачт струны солнечных лучей.

Между тем морской прибой продолжал выбрасывать на песчаный берег много ненужного хлама, среди которого Он и Она иногда находили настоящие драгоценности с самого дна океана...

Венеция – брачный венец

Совсем недавно один мой приятель поведал мне об одном своём заветном желании. Связанный своим бизнесом, он много лет не бывал в отпуске, но в следующем году планирует наконец рассчитаться с кредитами и отправиться в путешествие. Первой в его плане стоит Венеция. Он возьмёт гондолу и будет «плавать туда-сюда, туда-сюда», пока не утешится. Как это уже однажды бывало, в далёком детстве на руках у мамы. У меня нет своего бизнеса, нет обременительных кредитов, тогда что же меня держит, подумал я. Мне тоже хочется ласки, поеду в Венецию сам.

Путеводители перед поездкой не читал, хотел остаться совсем не тронутым мнениями искушённых во всем про-фи. Но посмотрел фотографии побывавших там друзей. Один из них, кстати, с восторгом рассказывал, что в Венеции можно фотографировать великолепные виды и шедевры искусства веером – не сходя с одного места. И даже делать по несколько снимков одного ракурса, меняя лишь фокусное расстояние. Невероятно! Сегодня к этому я должен добавить, что Венецию можно снимать ещё и в многочисленных её отражениях. Она переполняет своей красотой не только туристов, но и саму природу трёхмерного пространства, вполне реально сосуществуя в четвёртом измерении – в зазеркалье.

Поэзию Венеции я почувствовал сразу, на ж/д вокзале Санта-Лючия. У местных обывателей совсем отличный от нашего вкус, они почти все элегантны. В интерьере большого вокзального кафетерия удивили сдержанные цвета, множество удобных широких эллипсоидных стоек. Толчеи не было, места хватало всем. Мою эйфорию разжёт аромат пенистого капучино в массивной чашке. Я позавтракал, спокойно разложив на столике захваченное в дорогу съестное. То ли из-за тепла и южного света, то ли из-за

морского воздуха у меня возникло приятное ровное настроение. И мне показалось символичным, что на выходе из вокзала гостя, как божье дитя, встречает церковь Симеона-Богоприимца. Построена она в 1738 году как имитация Римского Пантеона. Напротив её стоит церковь Скальцы (1656 год), что означает «босыми ногами». В ней покоится прах Людовика Манини, сто двадцатого по счёту и последнего дожа, правителя лагуны.

Известно, в Венеции нет ни машин, ни автобусов. Передвигаются там только пешком или по воде. В роли общественного транспорта выступают большие катера – вапоретто. У них есть номера, маршруты и единые билеты. Такси – частные моторные лодки. А гондола – узкая чёрная лодка для романтических прогулок стоит не менее 70 евро в час.

Впрочем, дорого было всё. Скорее поэтому в толпе почти не видно молодых людей, обычно во множестве путешествующих по историческим городам старушки Европы. Венеция, как дорогой бриллиант, стоит больших денег. Но немного, конечно, на Земле таких небольших городов (74 тыс. жителей), которые посещают так много известных и богатых людей. В Венеции, например, побывали в своё время Иван Тургенев, Ги де Мопассан, лорд Байрон, Марк Твен, Теодор Драйзер...

И красotka-Венеция, будто прихорашиваясь, постоянно любит себя. Отражения её видишь всюду – на воде, в окнах домов, даже на большущих оригинальных дверных ручках, в солнечных очках соседей на Большом канале (Canal Grande) – центральной магистрали города – и на многочисленных малых каналах с не менее оживлённым транспортным движением.

Я таки решил раскошелиться – и не пожалел. С воды старинные виллы, дворцы, церкви и пёстрая публика казались ещё более привлекательными. Кроме того, гондольер

рассказал мне много необычного. Эти известные на весь мир, удобные для прогулок, чёрные лакированные лодки с красными чехлами и внутренностями имеют, оказывается, вполне определённый стандарт. Длина их составляет 11 метров 41 см, ширина 149 см. Правый борт короче левого на 22 см. Каждая гондола весит 698 кг и состоит из 280 частей. Её корпус покрывают семь слоёв краски. Чтобы сделать гондолу, нужны восемь видов древесины: дуб, красное дерево, вяз, ель, липа, лиственница, орех и вишня. Вёсла для них делают из девятого по счёту дерева – бука.

Одним туристам гондолы напоминают саркофаги для богатых, другим – футляры больших музыкальных инструментов, ещё кто-то называет их чёрными лебедями. Мне они представлялись новыми галошами. Кругом было так сыро!

В прежние времена профессия гондольера была очень престижной, высокооплачиваемой и передавалась вместе с лодкой от отца к сыну. В Средние века в городе было порядка десяти тысяч лодок. Их содержали представители венецианской знати и украшали золочёной резьбой, тканями и лентами самых невероятных цветов. Сегодня в Венеции насчитывается порядка четырёхсот гондол. Гондольеры, следуя старой венецианской традиции, управляют лодками всегда стоя (местные жители вообще по природе своей осторожны). Стоя они способны быстрее реагировать на часто возникающие на воде затруднения и на мелких каналах используют вёсла, опираясь на них, как на столбы. «В своих соломенных шляпах и тельняшках, – сказала одна восторженная барышня, – они настолько красивы и самобытны, что так и хочется взять с собой домой одного такого целиком!»

Больше 50% рабочего населения в Венеции заняты в туристическом бизнесе. Туристов там ждут. По пути на набережных мне постоянно встречались ряды столов,

сервированных просто и по высшему классу, чем-то напоминавших заводские конвейерные ленты. Рядом с ними всегда находится зазывающая витрина с кальмарами и рыбой, – заказывайте на любой вкус. Едоков у Дворца Дожей (XIV век) было как сельдей в бочке. Понятно, все приехали ради хлеба и зрелищ. И этого хватает там всем. Вот заморские напитки, вот охлаждённые кокосовые орехи. Печёт солнце? Выбирайте себе по размеру местную традиционную шляпу! А если появилось желание увезти с собой частичку лазури венецианского неба и перламутр лагуны, покупайте что-то из стекла Мурано.

С ним связано много легенд. Например, распространено поверье, что это стекло настолько чувствительно, что разбивается от соприкосновения даже с мельчайшей каплей яда. Выдувают его мастера с одноимённого острова. Единичное право на производство они получили в 1291 году. А в 1376 году был издан декрет, позволяющий дочерям стеклодувов выходить замуж только за венецианских аристократов. Законы, благодаря которым сохранялись секреты производства стекла в течение столетий, были настолько строги, что позволяли властям обходиться с нарушителями их безжалостно. Например, за организацию производства на стороне без разрешения у виновных конфисковывалось имущество и вместе с семьями их или сажали в тюрьмы, или нищими высылали с островов. На раскрывших профессиональные секреты устраивали охоту нанятые правительством убийцы.

Магазинчиков с чудесными изделиями из стекла Мурано в городе полно. Разнообразие и изящество их товаров удивляло. Как, впрочем, и цена на них.

На площади Сан Марко меня поразило количество голубей. Они совсем не боятся человека. Не случайно, оказывается, что Анна Ахматова назвала Венецию голубятней лагуны.

Там я не удержался и от искушения подняться на самую высокую башню Венеции – Кампаниле (105 м). Она заложена 25 апреля 912 года – в день святого апостола Марка и была одновременно сторожевой башней города и колокольной храма Святого Марка (832, 1071–1084 гг.). Верхняя часть её с бронзовой обшивкой, улавливавшая солнечные лучи, служила в дневное время ещё и маяком. Когда-то на верхней площадке Кампаниле легендарный Галилей демонстрировал дожу свой телескоп (первый в мире), а великий Гёте наслаждался видом на лагуну с площадки пониже. Случалось и забавное, император Фредерик III как-то поднялся на колокольню верхом на лошади.

Из-за своей высоты и бронзового покрытия башня нередко подвергалась сильным ударам молнии. Кроме того, морской солёный воздух и безжалостное время делали своё дело, и, несмотря на восемнадцатиметровой глубины фундамент и громоотвод, установленный в 1793 году (один из первых в Европе), на виду у изумлённой толпы 14 июля 1902 года в 9:52 утра башня развалилась, погребя под своими руинами единственное живое существо – кошку сторожа башни.

Нынешняя Кампаниле была освящена на том же самом месте ровно через тысячу лет со дня первого основания. Она идентична старой башне, хотя на 600 тонн легче прежней и имеет в основании на одну тысячу свай больше.

Наверху находится колокол Марангону, единственный из всех чудом уцелевший при крушении Кампаниле. С его площадки открывается великолепный вид не только на остров, но и на всю лагуну: на острова Лидо, Святого Георгия, Бурано. Дальше в дымке мне были видны Местре и Маргеру. Любуясь панорамой, я ощутил лёгкость. Где-то внизу совсем крошечные, словно муравьи, копошились зеваки, в кафе блестели, как копеечки, ровные ряды столиков. Лагуна светилась изнутри, купол небосвода держался на колоннах Святого Теодора и льва Святого Марка.

Я был в восторге от красоты и театральности. В Венеции даже сами зрители – и венецианцы, и туристы – представляют собой необычное зрелище. Разместившись где только можно: усыпав ступени храмов, облепив причалы, запрудив набережные и высунувшись из окон домов и гостиниц, – они любовались старинным представлением регата «Сторика». Вот уже тысячу лет каждый год её организуют в первое воскресенье сентября, в день св. Павла.

Обряд этот символизирует морскую мощь Венеции посредством венчания дожа с Морем. Во время регаты любое гребное судно может принять участие в гонке на расстояние в двадцать миль. До острова Бурано и обратно. В финале празднества дож на своей золочёной барже Бусинторо выходит в море и со словами: «Мы венчаемся с тобой, о Море, в знак нашего владычества на водах», – отпускает в воду дорогое обручальное кольцо. После этого желающие ныряльщики соревнуются в ловкости, стараясь отыскать его. Раньше, если находился такой счастливчик, его навсегда освобождали от уплаты налогов и пошлин.

Во время парада разворачивается незабываемое зрелище. Перед глазами зрителей проплывают не только исторические барки и гондолы, по водам Большого канала неспешно шествуют сами века: строители базилики Сан Марко, купцы времён Марко Поло, мастера музыкальной эпохи Клаудио Монтеверди и Антонио Вивальди...

После всего увиденного я был основательно вымотан. Сил искать ресторан подешевле не оставалось. Однако успокаивал себя мыслью, что за эти же деньги во время ужина можно слушать хорошую классическую музыку. В репертуаре местных оркестров были «Болеро» Мориса Равеля и «На прекрасном голубом Дунае» Иоганна Штрауса.

Помню, уткнувшись в небосвод, дремала колокольня, у её стен будто дитя в люльке колыхалась вода, плакучие

ивы полоскали в ней отражения звёзд, их искры высекали во мне сладкие видения, а волны музыки приятно раскачивали вызванные ими сладкие чувства. Атмосфера, как мягкое одеяло, простёганное столетиями и набитое нежностью поколений, умиротворяла, словно добрая старая сказка. Нежась в ней, я думал, что много на нашей благословенной земле красивых мест и городов, но Венеция – брачный венец для всех любящих настоящую красоту!

Ксения Седова

*г. Коломна, Московская область,
творческое объединение «Пегасик»,
студентка ГСГУ*

Пономарёнок

*Храм божий на горе мелькнул...
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.*

Н.А. Некрасов

Воскресное летнее утро было настолько прекрасным, словно природа собралась восхитить меня неожиданным многоцветьем и первозданной чистотой. Ранняя заря обнимала плечи высоких сосен, из-за которых виднелся купол сельской церкви. Вокруг было так по-домашнему уютно и тепло...

Я приехала на службу пораньше. Люблю этот утренний час: село ещё спит, задумчиво дремлет поле, на горизонте медленно расстилается широкая рыжая лента рассвета. Постепенно убыстряю шаг, впитывая всем сердцем запахи утра. В храме полумрак. Но мне хорошо известны малейшие изгибы внутреннего пространства, ибо я – хорист и звонарь в этой старинной церковке недалеко от Коломны. Посредством колокольного звона тороплюсь возвестить всему селу о начале нового дня. Но что-то останавливает меня. Что изменилось? Окинув оценивающим взглядом храмовые своды, с досадой поймала себя на фантазёрстве. А уже через мгновение поняла причину беспокойства. По амвону шествует, чеканя каждый шаг, маленькая фигурка с озадаченным видом. Устремляется к боковой дверке в алтарь, останавливается перед Архангелом и крестится. Не теряя ни минуты, пересекает черту «мирского и духовного» и скрывается. Вроде бы ничего необычного, но прежде я не видела этого

мальчика, и меня поразила его независимая серьёзность, уверенность. С изумлением продолжаю смотреть в левую часть иконостаса, куда только что вошёл маленький, но уже очень самостоятельный человек...

В памяти всплыли давно, казалось, забытые, но дорогие сердцу воспоминания. Такое уже было в моей жизни.

Сконцентрированность и осознание всей важности дела... Да-да... Так и было. Крошечные ножки в ещё длинном и широковатом стихарке, взгляд, устремлённый в купол, скрывающий небосвод... Это случилось много лет назад, когда папа, взяв младшего брата за руку, подвёл его к алтарю и что-то шептал, сначала показав на Господа Вседержителя, а потом на Божию Матерь. Как же я гордилась братишкой и его неожиданной, не по годам, зрелостью... В реальность возвращает ощущение, будто изнутри чем-то опалило или кольнуло... Ностальгия...

Горько осознавать, что прошла уже не одна зима с тех пор. Время и события изрядно изменили мир и нас, его обитателей. Вот уже и я стала вносить небольшой вклад в службу, хотя, признаюсь, иногда одолевали сомнения.

Мгновение спустя старший алтарник выводит за руку пономарёнка из «сокрытого» от глаз. С учительской заботой и волнением, нашёптывая ученику, показывает ему траекторию движения во время исполнения «Херувимской песни»:

— В этот момент нужно выйти из алтаря не спеша, следуя за мной. Помни, что свеча нелёгкая, и если её наклонить, то можно обжечься воском... — а светловолосый мальчишка лишь кивал, не нарушая храмовой таинственно-благоговейной тишины. И казалось, в храме стало светлее от его ангельской чистоты.

Больше задерживаться я не могла: пора было разбудить колокола, возвестить о начале нового дня. А так хотелось получше запомнить все детали: от освещения и полутеней до взглядов и эмоций взрослого и маленького человека.

Привычно следуя на колокольню, не обращая внимания на кромешную темноту и винтовую, из старого и полустёртого камня лестницу, никак не могла не думать о том необычном уроке, неожиданным наблюдателем которого мне посчастливилось стать. И утренний перезвон оказался складным и ладным, будто гармонично вплелись в него звуки тихой беседы. Я спустилась вниз перед началом службы. С досадой отметила, что обучение было завершено. Неожиданно для себя стала переживать за пономарёнка, которому предстоял серьёзный экзамен. Снимая волнение, повторила тропари дня, чтобы в самый ответственный момент язык не заплёлся в «косичку»...

Когда трудишься, время летит незаметно. И вот священник даёт возглас, а ещё сонный хор в лёгкой спешке отвечает: «Аминь». Всё ближе и ближе таинство Евхаристии, напоминание о Тайной вечере. «Иже херувимы тайно образующе...» – затянул клирос, нежно перебираясь с нотки на нотку, словно капельки росы падали с травинок поутру.

Из алтаря с двух сторон степенно выходят пономари... и следом – светловолосое ангельское чадо, но уже, как полагается, в крошечном стихарке. Свеча в его руках величественно возвышалась, озаряя всё вокруг, а в глазах пономарёнка без труда читалась необычайная радость, ликование и счастье...

Наша жизнь, увы! – ограничена временными рамками. В детстве этого не понимаешь, а по мере взросления осознаёшь, что жизнь есть дар и важно ценить каждое мгновение: именно в них сокрыта суть мироздания, правда, мы пугаемся этого или стараемся не вспоминать.

Не знаю имени и возраста этого мальчика – не это главное. Пройдёт время – он станет взрослым. И хочу верить, что приведёт в дом Божий юного отрока с по-детски доверчивыми и лучистыми глазами и покажет ему Господа Вседержителя и Божию Матерь – Наставника и Заступницу.

Александр Ткаченко

г. Ростов-на-Дону

Недетские стихи

1.

На детской площадке, в песочнице,
забытый слонёнок лежит.
Лежит упоённый бессонницей
и в небо спокойно глядит.

Глядит он на солнце – не щурится,
а дождик идёт – не дрожит.
Понравилась слонику улица,
понравился воздух и вид.

Гурьбой набежали дошкольники
и с дракой к игрушке: «Моё».
О дружбе не знали соколики,
без правил игра от того.

Слонёнок привстал перед публикой,
и так посмотрели глаза:
– Дороже мне мирная улица
и с вами со всеми игра.

3 марта 2015 г.

2.

У нас на подоконнике с обратной стороны
красуются три кошки, одна же изнутри.
И те, что смотрят в спальню, как будто голодны,
завидуют той кошке, что барствует внутри.

Какая подоплёка такой раскладки сил –
хозяин внешним кошкам жить в доме запретил.

Но трутся кошки рядом, царапают окно –
недаром соплеменнице живётся там легко.
То ляжет на подушки, растянется чудно,
то исподволь присядет и тешится клубком.
Смотреть на эту важность обидно за стеклом,
поэтому прельщает хозяйский светлый дом.

Вдруг стайей налетели степные воробьи,
в малиннике чудачат, кричат до хрипоты.
Украдкой с подоконника три кошечки сползли,
затеяли охоту без лишней суеты.
А неженка волнуется, ушами шевелит,
к окошечку прильнула, как будто то магнит.

Несладко всё же кошке сидится взаперти,
тем более что птички с обратной стороны.
Ей выйти бы на волю с досадного «внутри»,
побегать на просторе в порядке новизны.
Она теперь завидует, царапает стекло,
а быть-то по-другому, наверное, могло.

Мораль таких событий довольно-то проста:
завидовать не надо, особенно с утра.
Хорошим настроением пусть полнится земля,
довольны будьте жизнью, которая далась.
Не тратьте время даром, беритесь за дела,
работайте, учитесь и отдыхайте всласть.

28.01.2020

3.

Доброе утро, бродяга. По счастью,
дождик идёт и прогноз не ахти.
Путь отложи свой. В постели валяться
способ хороший налечь на стихи.

Вспомни знакомую с мальства вещицу,
как колобок убежал от судьбы.
Надо же было такому случиться –
всё от зазнайства и похвальбы.
Вспомни, как сам не однажды кичился,
прыгал, что заяц, пустившийся в раж.
В жизни большой эпизод – это пиксель.
Сколько их было с мольбой на реванш.
Десять, иль двадцать, иль тысяча на смех,
или в досаду тебе и другим.
Их обелить не получится нами:
красными шрамами режут умы.

Доброе утро, бродяга. По счастью,
дождик прошёл и прогноз изменён.
Хватит без дела в постели валяться –
будет достойный тебя эпизод.

21 июня 2021 г.

4.

На дачу к нам повадились вороны,
не две, не три, а все четыре-пять.
И, чтоб не быть излишне многословным,
скажу: орехи стали воровать.

Большой беды в том нету, безусловно,
но эти птицы всё же наглецы:
снимают урожай и поголовно
с издёвкой смотрят косо на сенцы́.

Там кошка затаилась, ждёт момента,
чтоб зазевалась чёрная карга.
Её надежда, может быть, и тщетна,
да страсть, знать, терпеливостью долга.

И так и сяк, то спрячется за вёдра,
то подползёт поближе за кусток.
Не зря-то кошка кошкою зовётся,
охотницей на вольницы роток.

Вороний род разумною ответкой
не может кому-либо уступить.
В дистанции прыжка взлетят на ветку
и, видно, в смех поглядывают вниз.

А Мусе нашей явно не до смеха.
Вороны восвояси улетят,
она же будет долго неуменье
в задумчивости грустной вспоминать.

Морали нет, пожалуй, этой были,
и случай повседневности простой,
но сами Вы расслабиться смогли бы,
когда ни с чем вернулись бы домой?

11 июля 2021 г.

Как много планов и задумок,
и не пустые в том мечты,
но меньше времени уступок,
трудней становится идти.

Успеть. Без видимой бравады,
осознанно и напрямик,
как накануне горькой свадьбы
своей судьбы бежит жених.

О, планов много. Претворить бы
хотя отчасти, пополам,
чтоб обозначить путь искристый,
понятный истинным сынам.

Постой в сторонushке, невеста,
в объятья рая не мани.
Землём воспитанные дети
не верят в жизнь «на небеси».

Как много планов и задумок,
и надо в действиях спешить,
чтоб дело выстреленным звуком
могло в пространстве эхом жить.

Стихи из реанимации

1.

В горбольнице опять поступление —
люди в белых халатах в бой,
даже пусть пациент преступление
совершал перед тем сам не свой.

Поступивших не делят по возрасту,
и заслуги, пожалуй, не в счёт.
Не допустят потери и волоса,
если кто-то попал в переплёт.

И со скорой его на каталочке
доставляют в приёмник большой,
и колдуют над ним санитарочки,
и обследуют хваткой живой.

Тут же крови берутся анализы
и другие, что надо, мазки,
и везут пострадавшего далее
на рентген, гастроскоп, на УЗИ...

Объяснима причина пожарища
и последствия глупой игры.
Не скатиться с летящего шарика,
да помогут здоровья шары.

И качается внутренне маятник,
заказали все право на жизнь.
Доведётся ли есть ещё пряники,
сам ты в это поверь и держись.

А сестрички, врачи улыбаются,
как не верить в их силу любви,
снова с жизнью подоблачной сватают,
не давая повыше уйти.

А в приёмник идут поступления,
непрерывный работает цикл,
и спокойно, уверенно, взвешенно
принимают людей, как родных.

2.

В реанимации я полюбился,
отпустить не желают при том.
Самый тихий больной по больнице,
сама святость лежит нагишом.

Принимаю без споров лечение,
для заборов отдал бы всю кровь,
и сестричек ценю я рачение,
хоть на шуточки больно суров.

Новой крови мне влили по вере,
что душа не в крови, в голове.
Я любую приму на поверку,
чтоб дышать и ходить по земле.

А за окнами май поднимает
густолистных макушек руно,
и так хочется мне, понимаешь,
упорхнуть попугаем в окно.

3.

Карантин приняла горлечевница.
Связи с миром почти никакой:
голубиная почта дочерняя,
где записка ценнее биткоин.

Выход есть из того заведения.
Даже два, ты крути не крути.
И поверю тут древней примете я:
если птица в окно – так и жди.

Но работают люди в обители,
и работой своею они,
словно ангелы белыми крыльями,
защищают от смерти больных.

Пожелать не могу: «Если б видели».
Хватит тех, кто уже на краю.
Позагнали себя непростительно
и здоровье спустили в трубу.

Здесь и мысли приходят помедленней.
Философски посмотришь на мир:
– Да горят неурядицы пламенем,
свет из окон по-новому мил.

Я люблю этот свет, что божественно
для меня воскресили врачи.
День и ночь надо мной они жертвенно
излучали флюиды свои.

Мир живущим под ласкою солнечной,
берегите себя и других.
Пусть людское добро вам запомнится
среди всех катаклизмов земных.

4.

Открытая терраса,
и воздух чист и свеж.
Благоуханья сада
во сне мне шлют привет.

Привет и мой примите,
деревья и цветы.

Вы знаете,
что в мире
нельзя весь год цвести.

Вы знаете обрезку
и вырубку на нет.
Простите, корни, ветки, –
таким устроен свет.

Природа учит в осень:
– К зиме, мой друг, усни.
Дела побудут возле,
не время им цвести.

Привет, мои родные.
Плохой я ученик,
стал поводом уныний,
но дочиста не сник.

Вернусь, вернусь однажды.
Вы спросите: «Когда?»
Об этом знают наши
Господь и доктора.

16.05.2021

*Реанимация БСМП-2
г. Ростова-на-Дону*

Недуг опасный претерпя

Смотрю на мир я по-другому,
недуг опасный претерпя,
по мелочам не беспокоюсь,
не тороплю в делах себя.

Я данность сердцем привечаю,
что мимо, тем не дорожу,
но всех люблю, всё созерцаю
и больше счастья не прошу.

Оно не есть моя забота.
Миг счастья кроется в одном:
когда ты жив, и жить охота,
что видишь радости в живом.

02.06.2021

Лето в настроении осеннем

День прошёл без радости, без грусти.
Так проходят многие из дней.
Но и всё же не разочарует
жизнь моя спокойностью своей.

Радости, быть может, и немного
от того, что сделать я успел.
В памяти свежи пути былого
стаями парящих голубей.

Ласку солнца чувствую я кожей.
Кровь хотя ему не растопить,
на блаженство так это похоже –
бесконечно мирно, тихо жить.

Так приходит умиротворенье
некогда тревожного ума.
Я прошёл все тяготы борений
и теперь ослабил удила.

Стороной ступайте, потрясенья.
Тихо лейся «с клёнов, листьев медь».
Лето в настроении осеннем –
это лучший осени привет.

03.06.2021

Работа не обычна у врачей:
сравнить нельзя с процессом сталевара.
Здесь хрупок исключительный мартен,
и от того разрозненная слава.

Она, бывает, взламывает дверь.
Довольно раз позволить сделать промах:
печатью несмываемой потерь
пристынет тут же на устах народа.

Причины есть, пожалуй, у молвы:
в профессии такой не все «от Бога»,
но на поверку доводы слабы,
всё больше положительного слова.

13 июня 2021 г.

Зинаида Шедогуб

г. Краснодар

Цветы лотоса

Рассказ

«Сорок пять – баба ягодка опять», – думала Дарья, иронично разглядывая своё отражение в трюмо. Ягодки она не увидела: на неё смотрела небрежно одетая пожилая женщина с грустными глазами, окружёнными сеточкой морщин. Куда делась та стройная девчонка, кареглазая, живая, задорная? Когда она потеряла себя?

Рожала детей, не спала по ночам, заботилась о муже, работала как вол и совсем забыла о себе. Прожила эти годы как-то не так, словно писала жизнь на черновик, как будто можно прожить ещё одну, настоящую. В юности влюбилась в красавца – гуляку и пьяницу. Испугалась – вытравила чувство из сердца. Когда посватался Иван, несколько раз отказывала ему, но он нашёл её слабое место: рассказал, как однажды чуть не погиб:

– Нас, студентов, отправили строить дорогу в тайге. Там мы рубили просеку. Однажды огромная ель свалилась на меня. Хорошо, что в этот день надел на голову каску, а то бы меня давно уже не было бы на свете. Травмировал позвоночник, долго был прикован к постели. Если вновь откажешь мне, то, наверное, никогда не женюсь. Погружусь с головою в науку или куда-то уеду. А я всегда мечтал о семье и детях, так что спасай меня, Даша. Выйдешь за меня замуж – буду хорошим мужем, – целуя её ладони, взволнованно обещал он.

И она сначала пожалела его, затем привязалась к нему, потом полюбила. Его было за что полюбить: он был умён, всё знал, всё умел, с ним было интересно. Почему же Иван

разочаровался в ней и говорит о разводе? Как спасти Дом, который так долго создавала?

Вчера вечером она зашла в храм Святого Георгия, даже не помнит, как это случилось. В Святом Доме не была с детства. Только дед Серафим водил её когда-то в станичную церковь, но он давно умер, Библию и иконы забрали старушки, и с годами она забыла и о Боге, и о молитвах...

В храме было немногочисленно. Волшебным пел хор, мерцали позолотой иконы, перед которыми танцевали огни свечей, пахло ладаном, благовониями и детством. Слезы рекой хлынули у Дарьи из глаз, очищая и успокаивая душу. Она плакала о том, что в суете жизни, в погоне за благополучием потеряла самое главное: себя, свою индивидуальность и неповторимость. Как её будет любить Иван, если она себя не любит и не уважает?

Когда церковная служба закончилась, Дарья вышла на улицу: над золотыми куполами синело чистое небо, и на душе у неё было так же чисто, светло и спокойно.

– У меня есть прекрасные дети, меня уважают и ценят на работе, так что жить ещё можно, – успокаивала она себя.

И теперь женщина недовольно разглядывала свою фигуру, считая, что возраст и полнота убили в муже любовь к ней.

– Любуешься собой, красотка, – съязвил вышедший из ванны Иван. Он был по-прежнему строен и ничуть не изменился, словно годы обошли его стороной, только в больших тёмно-синих глазах появились холодность и колкость. – Посмотри на себя: руки и ноги пухлые, как у младенца. Во что ты превратилась, Дарья? Надо заниматься собой!

«Когда? – горько усмехнулась про себя женщина. – Свою жизнь посвятила мужу и детям. Всегда лучшее отдавала им – хлеб и чай оставляла себе – вот и разбухла на дрожжах».

А вслух тихо произнесла:

– Поеду в станицу к родителям: хочу отдохнуть от всего этого... – намекнула она на их отношения.

– Я отвезу тебя на машине, – твёрдо заявил Иван.

– Зачем? Хочу побыть одна и поразмыслить перед разводом. Ведь это ты предложил нам расстаться?

Услышав слово «развод», Иван рассвирепел:

– Размечталась! Развода я тебе не дам: ты юрист – разденешь догола. Нет, я придумал другую кару: превращу тебя в старую мебель. Её и выбросить жалко, и спать на ней неудобно. Дай расписку, что я с тобой не живу, – холодно произнёс Иван, и его тонкие губы сжались в одну линию.

– Чтобы я твоей любовнице ещё и расписку писала! Это уже наглость! Хорошо, что хоть ребята на море, не видят этой пошлости! Разводись быстрее, пока их нет дома, – схватив дамскую сумочку и ключи от квартиры, разрыдалась Дарья. – Совсем стыд потерял! Как будто это не ты! Сколько лет прожила с тобой, а оказывается, тебя совсем не знала!

Хлопнув дверью, она выскочила на улицу и, всё ещё дрожа от гнева, быстрым шагом пошла на троллейбусную остановку, чтобы поехать на вокзал.

– Отблагодарил за всё! – задыхаясь от быстрой ходьбы, повторяла женщина.

Было раннее субботнее утро. Улицы пустынные. Транспорта не было. Только две чёрные бродячие собаки пробежали через перекрёсток на зелёный свет светофора – это отвлекло её от грустных мыслей.

Вдруг рядом резко затормозила легковая машина.

– Садись! – приказал Иван, широко открывая дверь.

– Вот достал! – опять расстроилась Дарья. – Ну что тебе от меня ещё надо?

Они ехали молча. Автомобиль мчался по дорогам, за окнами мелькали дома, лесополосы, бесконечные разноцветные поля.

«Как хорошо! – думала женщина. – Едем, не ругаемся. Ни разводов, ни унижений, ни оскорблений! А если бы мы

сейчас разбились, нас бы похоронили вместе. Было бы здорово!»

И в это самое мгновение машину начало заносить. Сначала она наклонилась вправо и поехала на правых колёсах, затем легла на левый бок, потом начала, как козёл, прыгать и крутиться на месте и, наконец, остановилась.

Из неё вышел Иван. Он был бледен, руки у него тряслись, и он никак не мог зажечь спичку, чтобы закурить сигарету. Иван спустился вниз, к озеру, заросшему лотосами, и сел на мостик.

– Слава Богу, что не было на трассе машин, а то была бы каша... – нервно промолвил он.

Дарья молча присела рядом. Ей не было страшно, но она вдруг поняла, что сама во многом виновата: нельзя не только говорить о плохом, но и думать.

А ведь мир так прекрасен: на тёмной глади воды сочно зеленели огромные вогнутые посередине великолепные листья лотосов, на которых кое-где блестели мелкие монеты, брошенные проезжающими. Раскрытые чаши нежно-розовых цветов устремляли свой взгляд в лазурное небо, по которому плыли стайки кучевых облаков. Нераскрывшиеся ярко-розовые бутоны гордо возвышались над водной поверхностью. Было так тихо, что ни один лепесток не шевелился. Вдали камыши, как стражи, охраняли эту красоту.

– Ты прости меня, Даша, – еле слышно прошептал Иван. – Забудь всё то, что я тебе наговорил, и никогда об этом не вспоминай. Жизнь начнём с чистого листа: пойдём в церковь, обвенчаемся, всё будет по-другому.

Он протянул свою жилистую руку и сильно, до боли, сжал её ладонь. Женщина ответила на его призыв слабым рукопожатием. Она не знала, сможет ли стереть из памяти его слова, но одно знала точно: что не хочет разрушать тот Дом, которому отдала лучшие годы своей жизни.

Содержание

От составителя	3
Виктория Древо	4
Валентина Душина	6
Наталья Зиновьева	36
Василий Зиновьев	37
Алексей Курганов	57
Владимир Колабухин	60
Ирина Китаина	61
Марина Красавина	66
Светлана Лобова	70
Денис Минаев	72
Петр Панасейко	90
Алекс Росс	175
Ксения Седова	187
Александр Ткаченко	190
Зинаида Шедогуб	201

Материалы опубликованы в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением издательства.

ООО Издательство «Серебро Слово»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: serebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Литературно-художественное издание

МГНОВЕНИЯ

Сборник произведений

Ред.коллегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, В.В. Зиновьев*

Обложка: *Д.В. Минаев*

Компьютерная вёрстка: *К.Е. Павельева*

Корректор: *П.О. Громова*

Подписано в печать 04.09.2021

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая.

Объём 12,5 усл. п/л. Гарнитура AdonisC.

Тираж 150 экз. Заказ № 4698

Отпечатано в типографии «Book Jet»

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18

Сайт: <http://bookjet.ru>

Почта: info@bookjet.ru

Тел.: +7 (4912) 466-151

ISBN 978-5-907463-38-7

9 785907 463387 >

Н. Зиновьева

В. Зиновьев

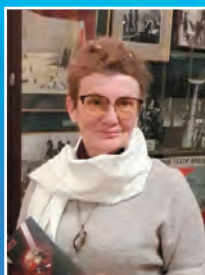
В. Душина

В. Древо

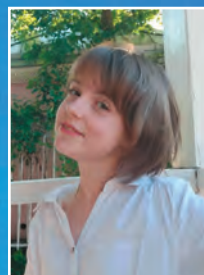
И. Китаина

М. Красавина

С. Лобова

К. Седова

П. Панасейко

Д. Минаев

З. Шедогуб

А. Соболев

А. Ткаченко

В. Колабухин

А. Курганов